

ISSN 2542-0364
ISSN-L 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ**

5/2025

Научный журнал открытого доступа, посвященный фундаментальным и прикладным исследованиям права и смежных наук. Концепция открытости и доступности поощряет и способствует появлению неординарных и смелых идей в области права и академический обмен актуальной научной информацией. В журнале публикуются статьи, отвечающие требованиям научной новизны и актуальности, характеризующиеся академическим подходом к научному исследованию и изложению его результатов

Учредитель: Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Ю. С. Безбородов, главный редактор, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Андреева Ольга Ивановна, д. ю. н., доц., ТГУ, Томск, РФ

Болтинова Ольга Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Василевская Людмила Юрьевна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Волчецкая Татьяна Станиславовна, д. ю. н., проф., БФУ имени И. Канта, Калининград, РФ

Головина Светлана Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Ергашев Евгений Рашидович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Загайнова Светлана Константиновна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Заметина Тамара Владимировна, д. ю. н., проф., СГЮА, Саратов, РФ

Зигмунт Ольга Александровна, д. ф. н., Университет Фехты, Фехта, Германия

Игнатьева Инна Анатольевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козаченко Иван Яковлевич, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Козлова Наталия Владимировна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Койстинен Ярмо, к. ю. н., Центральная криминальная полиция, Хельсинки, Финляндия

Комарова Валентина Викторовна, д. ю. н., проф., Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ

Кондрашова Татьяна Владимировна, к. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Кононов Павел Иванович, д. ю. н., проф., судья Второго арбитражного апелляционного суда, Киров, РФ

Кочкарова Эристина Азрет-Алиевна, д. ю. н., проф., КГЮА, Бишкек, Кыргызстан

Кудрявцева Елена Васильевна, д. ю. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Кузнецов Петр Уварович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Лисаченко Алексей Владимирович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Логинова Татьяна Евгеньевна, к. ю. н., доц., ПГНИУ, Пермь, РФ

Марковичева Елена Викторовна, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Марочкин Сергей Юрьевич, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Мещанова Мария Валентиновна, д. ю. н., доц., БГУ, Минск, Беларусь

Мороз Светлана Павловна, д. ю. н., проф., КОУ, Алматы, Казахстан

Мотревич Владимир Павлович, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Никишин Владислав Васильевич, д. ю. н., проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета РФ, Санкт-Петербург, РФ

Осинцев Дмитрий Владимирович, д. ю. н., проф., УрЮИ МВД РФ, Екатеринбург, РФ

Поликастро Паскуале, доктор права, проф., Щецинский университет, Щецин, Польша

Поляков Сергей Борисович, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Понаморенко Владислав Евгеньевич, д. ю. н., проф., НИУ «ВШЭ», Москва, РФ

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., проф., СПбГУ, Санкт-Петербург, РФ

Рыбакова Светлана Викторовна, д. ю. н., доц., ИЗиСП, Москва, РФ

Сахнова Татьяна Владимировна, д. ю. н., проф., СФУ, Красноярск, РФ

Смахтин Евгений Владимирович, д. ю. н., проф., ТюмГУ, Тюмень, РФ

Стахов Александр Иванович, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Сюань Фей, доц., Восточно-китайский университет политики и права, Шанхай, Китай

Толстых Владислав Леонидович, д. ю. н., доц., проф., МГИМО МИД России, Москва, РФ

Трунк Александр, д. ю. н., проф., Кильский университет, Киль, Германия

Фёдоров Игорь Вадимович, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Фёдорова Марина Юрьевна, д. ю. н., проф., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хазанов Сергей Дмитриевич, к. ю. н., доц., УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, РФ

Хуан Даосю, проф., Политико-юридический университет Китая, Пекин, Китай

Чалый Вадим Александрович, д. ф. н., проф., МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Шафиров Владимир Моисеевич, д. ю. н., проф., РГУП, Москва, РФ

Шокинс Пол, проф., Католический университет Левена, Левен, Бельгия

Все публикуемые материалы доступны под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

The open access scientific journal dedicated to fundamental research in law and related sciences. The concept of openness and accessibility encourages and promotes the emergence of innovative ideas in the field of law and the academic exchange of scientific information. The journal publishes scientific articles distinguished by novelty, topicality and an academic approach to research and presentation of results.

Founder: Ural State Law University named after V. F. Yakovlev.

EDITORIAL BOARD

Bezborodov Yury, editor-in-chief, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Andreeva Olga, doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk State University, Tomsk

Boltinova Olga, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Chaly Vadim, doctor of philosophy, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Ergashev Evgeny, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorov Igor, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Fedorova Marina, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Golovina Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Huang Daoxiu, prof., Political Law University, Beijing (China)

Ignatieva Inna, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Khazanov Sergey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kochkarova Eristina, doctor of legal sciences, prof., Kyrgyz State Law University, Bishkek (Kyrgyzstan)

Kodan Sergey, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Koistinen Jarmo, candidate of legal sciences, Central Criminal Police, Helsinki (Finland)

Komarova Valentina, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Kondrashova Tatyana, candidate of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kononov Pavel, doctor of legal sciences, prof., judge of the Second Arbitration Appeal Court, Kirov

Kozachenko Ivan, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Kozlova Natalia, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kudryavtseva Elena, doctor of legal sciences, prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Kuznetsov Petr, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Lisachenko Aleksey, candidate of legal sciences, assoc. prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Loginova Tatyana, candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm State University, Perm

Markovicheva Elena, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Marochkin Sergey, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Miashchanava Maryia, doctor of legal sciences, prof., Belarusian State University, Minsk (Belarus)

Moroz Svetlana, doctor of legal sciences, prof., Caspian University, Almaty (Kazakhstan)

Motrevitch Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Nikishin Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Saint-Petersburg

Osintsev Dmitriy, doctor of legal sciences, prof., Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Yekaterinburg

PolICASTRO Pasquale, doctor of legal sciences, prof., University of Szczecin (Poland)

Polyakov Sergey, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Ponamorenko Vladislav, doctor of legal sciences, prof., HSE University, Moscow

Popondopulo Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

Rybakova Svetlana, doctor of legal sciences, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the RF, Moscow

Sakhnova Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Schoukens Paul, doctor of legal sciences, Research Unit Labour and Social Security Law of KU Leuven (Belgium)

Shafirov Vladimir, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Siegmunt Olga, doctor of legal sciences, University of Vechta, Vechta (Germany)

Smakhtin Evgeniy, doctor of legal sciences, prof., Tyumen State University, Tyumen

Stakhov Aleksandr, doctor of legal sciences, prof., Russian State University of Justice, Moscow

Tolstykh Vladislav, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia, Moscow

Trunk Alexander, doctor of legal sciences, prof., Kiel University, Kiel (Germany)

Vasilevskaya Lyudmila, doctor of legal sciences, prof., Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Moscow

Volchetskaya Tatyana, doctor of legal sciences, prof., Baltic Federal University named after I. Kant, Kaliningrad

Xiuyan Fei, assoc. prof., International Law School and Institute of BRICS Legal Studies, East China University of Political Science and Law, Shanghai (China)

Zagaynova Svelana, doctor of legal sciences, prof., Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg

Zametina Tamara, doctor of legal sciences, prof., Saratov State Law Academy, Saratov

All published materials are available under the Creative Commons Attribution 4.0 License

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Толстых В. Л.* Международное частное право КНР: коллизионное регулирование 6

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

- Селенцов Г. А.* Апелляционное производство в уголовном процессе
в западных странах и Российской Федерации 24

Трибуна молодого ученого

- Лепёхин Н. А.* Документальное кино как доказательство
на международном военном трибунале 34
- Руф В. С.* Тайна или нет: к вопросу об участии нотариусов и адвокатов
в «антиотмывочной» деятельности..... 47
- Акманов Д. Р.* Влияние отчуждения предмета залога на надлежащий состав лиц,
участвующих в деле об обращении взыскания на заложенное имущество..... 55

ХРОНИКА

- Нечкин А. В., Лихачев М. А., Кургузиков М. С.* Приоритеты сместились:
международное право в российском правовом порядке (анализ законодательных
и правоприменительных новелл) 64

ВАША БИБЛИОТЕКА

- Оносов Ю. В.* Рец. на кн: Наука международного права в дореволюционной России:
монография / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. – М.: Проспект, 2025. – 192 с. 72

CONTENTS

INTERNATIONAL LAW

- Tolstykh V.* China's private international law: conflict of laws regulation 6

COMPARATIVE JURISPRUDENCE

- Selentsov G.* Appeal proceedings in criminal process in Western countries
and the Russian Federation 24

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

- Lepyokhin N.* Documentary film as evidence at the international military tribunal 34
- Ruf V.* Secrecy or not: on the issue of the participation of notaries and advocates
in «anti-laundering» activities 47
- Akmanov D.* The impact of the alienation of the pledged object on the proper composition
of the persons involved in the foreclosure proceedings on the pledged property 55

CHRONICLE

- Nechkin A., Likhachev M., Kurguzikov M.* Shifted priorities: international law
in the Russian legal order (analysis of legislative and practice developments) 64

LIBRARY

- Onosov Yu.* Book review: The science of international law in pre-revolutionary Russia:
monography / ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. – Moscow: Prospect, 2025. – 192 p. 72

УДК 341

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_6

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО КНР: КОЛЛИЗИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Толстых Владислав Леонидович

Доктор юридических наук, профессор Российско-китайского центра сравнительного правоведения Университета МГУ-ППИ в Шэньдзэне, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Москва), ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

Китайская наука международного частного права является довольно молодой и в основном ориентируется на западные тренды, к числу которых относятся дифференциация, материализация и диспозитивность регулирования (в этом ее отличие от китайской науки международного публичного права). Многие китайские специалисты учились или преподавали в европейских университетах; в их работах, переведенных на английский язык, практически отсутствует идеологический элемент и часто содержится критика позиций законодателя. Почти все они имеют юридическую практику и в академических исследованиях фокусируются на судебном правоприменении, а не на высокой теории. Закон о применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом 2010 г. символизирует новый этап в развитии международного частного права КНР: закреплённая в нем система коллизионных норм достаточно дифференцирована и включает альтернативные привязки, призванные обеспечить гибкое и учитывающее интересы слабой стороны регулирование. Закон, однако, имеет несколько серьезных недостатков: он не конкретизирует принципы тесной связи и характерного исполнения, не определяет критерии применения альтернативных норм и содержит несколько привязок, требующих уточнения. В результате он не обеспечивает предсказуемого регулирования и может провоцировать китайские суды на использование отечественного права. Данные недостатки были частично преодолены благодаря интерпретационной деятельности Верховного народного суда КНР.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионное регулирование, правовая система Китая, судебная практика

Для цитирования: Толстых В. Л. Международное частное право КНР: коллизионное регулирование // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 6–23. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_6.

CHINA'S PRIVATE INTERNATIONAL LAW: CONFLICT OF LAWS REGULATION

Tolstykh Vladislav

Doctor of legal sciences, professor, Sino-Russian Comparative Law Research Center at the Shenzhen MSU-BIT University, leading researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

The Chinese science of private international law is relatively young and mainly oriented towards Western trends, including differentiation, materialisation, and dispositive regulation. This distinguishes it from the Chinese science of public international law. Many Chinese specialists have studied or taught at European universities, and their works, published in English, tend to be free of ideology and critical of legislative positions. Almost all of them have a legal practice and focus their academic research on judicial application rather than high theory. The 2010 Law on the Application of Law to Civil Relations with Foreign Elements symbolises a new stage in the development of private international law in the PRC: the system of conflict-of-law rules enshrined in it is sufficiently differentiated and includes alternative connections designed to ensure

flexible regulation that takes into account the interests of the weaker party. However, the Law has several serious shortcomings: it does not specify the principles of close connection and characteristic performance; it does not define the criteria for applying alternative rules; and it contains several points of connection that require clarification. Consequently, it does not provide for predictable regulation and may prompt Chinese courts to apply domestic law. These shortcomings have been partially overcome through the interpretive work of the Supreme People's Court of the PRC.

Key words: private international law, conflict of laws, Chinese legal system, judicial practice

For citation: Tolstykh V. (2025) China's private international law: conflict of laws regulation. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 5, pp. 6–23, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_6.

1. Общие положения

Китайское международное частное право (МЧП) восходит к Кодексу Юнхуэй (*Yonghui*) династии Тан (651 г.), состоявшему из 12 книг и в основном регулировавшему вопросы уголовного права. Статья 6 Главы Мингли гласит: «Если обе стороны нарушения принадлежат к одной и той же иностранной этнической группе, применяется их собственное обычное право; если они принадлежат к разным этническим группам, применяется закон империи Тан» (вопрос об относимости этой нормы к МЧП – предмет дискуссии)¹. Аналогичные правила применялись династией Сун, правившей до конца XIII в. При династии Мин (XIV–XVII вв.) все споры были подчинены праву Китая, независимо от национальности сторон. Династия Цин заимствовала это правило (Кодекс 1646 г.); в конце ее правления на китайский язык были переведены работы японских авторов по коллизионному праву². В 1918 г. Бэйянское правительство приняло Указ о применении права, составленный на основе японского и немецкого образцов и отдающий предпочтение закону гражданства. Указ мало применялся на практике, так как споры с иностранцами в основном рассматривались консулами; в 1927 г. он был приостановлен Нанкинским правительством, а в 1949 г. отменен властями КНР (на Тайване он действовал до 1953 г.).

Власти КНР не уделяли большого внимания вопросам МЧП (исключения – Временные положения о браках с участием иностранцев и Консульский договор между Китаем и СССР 1959 г.)³. Первые законы в этой сфере появились после 1978 г.: Закон о совместных предприятиях 1979 г., Закон об экономических контрактах с иностранным элементом 1985 г., Закон о наследовании 1985 г. и др. В 1983 г. Госсовет принял Положение об имплементации Закона 1979 г., согласно которому договоры о совместных предприятиях и возникающие из них споры были подчинены праву КНР. В 1986 г. были приняты Общие положения гражданского права (ОПГП)⁴, раздел VIII которых содержал несколько коллизионных норм. В 1990-х гг. появился еще ряд законов: Закон о торговом мореплавании 1992 г., Закон о гражданской авиации 1995 г., Закон о гражданском процессе 1991 г., Закон об арбитраже 1991 г. и др. В 2000 г. был опубликован Модельный закон о МЧП, подготовленный Китайским обществом МЧП

¹ Династия Тан также выделила Фань Фан (*Fan Fang*) в Гуанчжоу в качестве резиденции для арабских и персидских купцов; споры между ними рассматривал судья-мусульманин, назначенный императором и применявший нормы шариата.

² *Chen Weizuo*. The Necessity of Codification of China's Private International Law and Arguments for a Statute on the Application of Laws as the Legislative Model (2009). URL: <https://www.tsinghuachinalawreview.law.tsinghua.edu.cn> (дата обращения: 01.09.2025).

³ «МЧП стало рассматриваться как самостоятельная дисциплина только после реформ и открытия Китая для внешнего мира в конце 1970-х гг. и долгое время считалось китайскими учеными запрещенной и даже опасной научной сферой. Антииностранные настроения, господствовавшие в Китае в 1950–1970-е гг., были настолько распространены, что любому китайцу, даже в академических кругах, было трудно ассоциировать себя с западными идеями или влиянием. Такое же отношение было характерно и для законодательной и судебной властей, не желавших признавать действие иностранного права в гражданских делах с иностранным элементом» (*Huo Zhengxin*. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law // *Revue juridique Thémis*. 2011. Vol. 45. P. 642–643).

⁴ URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/060601> (дата обращения: 01.09.2025).

(по сути, речь идет о проекте закона, который в итоге не был взят за основу). В целом законодательство в сфере МЧП было неполным, устаревшим, противоречивым и технически несовершенным¹.

В 2010 г. был принят Закон о применении права к гражданским отношениям с иностранным элементом (далее – Закон о применении)². Его особенностями являются акцент на принципе тесной связи³, определение личного статута на основе права обычного места жительства (подход Гаагской конференции), широкое использование двусторонних и альтернативных привязок⁴, а также принципа автономии воли. Цзинь Хуан отмечает, что Закон ориентирован на удовлетворение потребностей людей и использует точные формулировки, но не кодифицирует коллизионные нормы в некоторых сферах (морские и авиаперевозки, векселя и др.), не определяет четко своего соотношения с другими актами, не решает отдельные вопросы (обход закона, предварительный вопрос и др.), недостаточно хорошо структурирован, имеет стилистические недостатки⁵. Еще один недостаток – отсутствие критериев для выбора альтернативных привязок (в результате чего страдает предсказуемость регулирования и создается стимул для применения права КНР).

Согласно ст. 18 Закона о народных судах 1979 г. Верховный народный суд (ВНС) разъясняет вопросы применения права. Статья 119 Закона о законодательстве 2000 г.⁶ гласит: «Разъяснения по применению права в судебной или прокурорской работе, издаваемые ВНС или Верховной народной прокуратурой, должны касаться конкретных статей законов и соответствовать целям, принципам и смыслу законодательства». Статья 5 Положения ВНС о судебном толковании 2006 г.⁷ закрепляет: «Разъяснения ВНС являются обязательными». В 1988 г. ВНС принял Позиции по некоторым вопросам имплементации ОПГП КНР⁸; в 2012 г. – Разъяснения по некоторым вопросам применения Закона о применении (Разъяснения I)⁹; в 2023 г. – Разъяснения II, в основном касающиеся *установления* иностранного права¹⁰; в 2024 г. – Обзор судебной практики по установлению и применению иностранного права¹¹.

КНР участвует в Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1982 г. и некоторых других конвенциях в сфере МЧП. Статья 142 (2) ОПГП закрепляла приоритет договоров над внутренними актами; аналогичные положения содержались в других актах. Закон о применении не содержит такого положения, однако ст. 4 Разъяснений I содержала ссылку на ст. 142 (2) ОПГП (исключением являлись договоры в сфере интеллектуальной собственности, подлежащие трансформации). После вступления в силу ГК КНР (2021) ст. 142 ОПГП утратила силу и ВНС исключил ст. 4 и 5 из Разъяснений I. Поскольку ГК не содержит правил, касающихся

¹ *Huo Zhengxin*. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. P. 644.

² Существующие переводы на русский язык недостаточно точны. Текст на англ. см.: URL: <https://asadip.wordpress.com/wp-content/uploads/2010/11/law-of-the-application-of-law-for-foreign-of-china-2010.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

³ Согласно ст. 2, если в Законе о применении или других законах нет положений о применимом праве, применяется право, которое имеет наиболее тесную связь с гражданскими отношениями с иностранным элементом.

⁴ В китайской доктрине популярна теория «взаимной выгоды от обмена» (*Jin Huang*), согласно которой иностранное право применяется, так как международный обмен, основанный на равенстве и взаимности, является необходимостью (*Guangjian Tu*. Private International Law in China. N. Y.: Springer, 2016. P. 20).

⁵ *Jin Huang*. On the Process of China's Private International Law in the Past Decade // Private International Law in East Asia from Imitation to Innovation and Exportation / ed. by O. Gaillard, K. Nadakavukaren Schefer. Oxford: Hart Publishing, 2024. P. 65–67. См. также: *Huo Zhengxin*. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. P. 682–683; *Suk Kwang Hyun*. Some Observations on the Chinese Private International Law Act // *Zeitschrift für Chinesisches Recht*. 2011. P. 105–115.

⁶ URL: <https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2000/en/17765> (дата обращения: 01.09.2025).

⁷ URL: <http://www.lawinfochina.com/display.aspx?lib=law&id=5970&CGid=> (дата обращения: 01.09.2025).

⁸ URL: <https://scholarship.law.duke.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3991&context=lcp> (дата обращения: 01.09.2025).

⁹ Изначальную версию Разъяснений I см.: URL: <https://cicc.court.gov.cn/html/1/219/199/201/679.html>; последнюю версию см.: URL: https://english.court.gov.cn/2021-10/19/c_761776.htm (дата обращения: 01.09.2025).

¹⁰ URL: <https://supremepeoplescourtmonitor.com/wp-content/uploads/2024/02/interpretation-of-the-supreme-people-s-court-on-several-issues-concerning-the-application-of-the-law-of-the-people-s-r.fbm-cli.3.5183507en.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

¹¹ URL: <https://mmlcgroup.com/china-foreign-laws> (дата обращения: 01.09.2025).

договоров, ВНС принял Разъяснения по некоторым вопросам, касающимся применения международных договоров и практик при рассмотрении гражданских и торговых дел с иностранным элементом (2023). Статья 1 этого акта гласит: «Суды... применяют положения ст. 268 Закона о торговом мореплавании, ст. 95 Закона о векселях, ст. 184 Закона о гражданской авиации и ст. 121 Закона о безопасности морского движения к делам, связанным с применением международных договоров. Если суды рассматривают гражданские и торговые дела с иностранным элементом, не входящие в сферу действия указанных законов, и речь идет о применении международных договоров, они должны ссылаться на положения указанных законов. Если международный договор содержит положения, отличные от положений законодательства КНР, применяются положения договора». Таким образом, ВНС предложил судам применять положения четырех конкретных законов, устанавливающие приоритет договоров, по аналогии. Это достаточно необычное решение аргументируется необходимостью добросовестного выполнения договоров (ст. 30 Закона о международных отношениях КНР 2023 г.) и соблюдения традиции, заложенной в ОПГП¹. Согласно Разъяснениям практика (обычай) применяется в двух случаях: когда стороны договорились об этом и для восполнения пробелов; применение договоров и практики исключается, если оно ставит под угрозу суверенитет, безопасность и общественные интересы.

Иерархия внутренних источников МЧП определяется следующим образом. Статья 2 Закона о применении гласит: «Если в других законах содержится специальное и отличное положение о праве, применимом к гражданским отношениям с иностранным элементом, то применяется это положение». Разъяснения I закрепляют: «Для любых гражданских отношений с иностранным элементом, возникших до вступления в силу Закона о применении, суды определяют применимое право в соответствии с законодательством, действовавшим на момент возникновения этих отношений; если в этот момент не было таких положений, применимое право может быть определено на основе Закона о применении» (ст. 2); «Если Закон о применении и другие законы содержат разные положения о применимом праве для одного и того же отношения с иностранным элементом, Закон о применении обладает приоритетом; исключения составляют законы о векселях, торговом мореплавании, гражданской авиации и специальные положения, содержащиеся в законах и подзаконных актах в сфере торговли и законах об интеллектуальной собственности. Если иные законы содержат положения о праве, применимом к отношениям с иностранным элементом, а в Законе о применении такие положения отсутствуют, приоритетом обладают эти иные законы» (ст. 3).

Статья 1 Разъяснений I признает в качестве отношений с иностранным элементом следующие ситуации: 1) если одна из сторон или обе стороны являются иностранными гражданами, юридическими лицами или иными организациями либо лицами без гражданства; 2) если обычное место жительства одной из сторон или обеих сторон находится за пределами территории КНР; 3) если предмет отношений находится за пределами территории КНР; 4) если юридический факт, влияющий на установление, изменение или прекращение гражданских отношений, имел место за пределами территории КНР; 5) другие ситуации, в которых в гражданских отношениях присутствует иностранный элемент. Отношения, затрагивающие Гонконг, Макао и Тайвань, рассматриваются как отношения с иностранным элементом «по аналогии» (ст. 17 Разъяснений I); на них приходится 46 % всех дел с иностранным элементом².

2. Проблемы применения коллизионных норм

1. *Квалификация* – квалификация отношения для решения вопроса о применимом праве, т. е. определение того, какая коллизионная норма должна быть применена. В соответствии со ст. 8 Закона о применении «квалификация отношений с иностранным элементом регулируется правом страны суда»; таким образом, отношение должно идентифицироваться (описываться) при помощи категорий права КНР (после чего суд должен применить коллизионную норму, в объеме которой упоминаются эти

¹ См.: Du Tao, Yang Zhenni. Promulgation of the Interpretation of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Application of International Treaties and International Practices in the Trial of Foreign-related Civil and Commercial Cases (February 6, 2024). URL: <https://conflictoflaws.net/2024/promulgation-of-the-interpretation-of-the-supreme-peoples-court-on-several-issues-concerning-the-application-of-international-treaties-and-international-practices-in-the-trial-of-foreign-rela> (дата обращения: 01.09.2025).

² Chinese Private International Law / ed. by Xiaohong Liu, Zhengyi Zhang. Oxford: Hart Publishing, 2021. P. 2.

категории)¹. В отличие от ст. 1187 (2) ГК РФ Закон о применении не решает вопрос о квалификации понятий (отношений), неизвестных праву КНР.

В деле «*Jiangsu Hongyu Solar Industry Co Ltd v. Shen Zhui & Fan Jinmei*» (Суд высшей инстанции, Цзянсу, 2011) компания *Jiangsu Hongyu* заявила, что в 2009 г. отправила Шэнь Чжуй водонагреватель стоимостью 25,7 тыс. долл., который Шэнь выставил на продажу в Румынии. После того как Шэнь вернулся в Китай, *Jiangsu Hongyu* попросила его сообщить место нахождения товара. Шэнь отказался, заявив, что не имел отношений с *Jiangsu Hongyu* и не совершал от ее имени сделок. Суд квалифицировал отношения, имевшие место в Румынии, на основе категорий китайского права². В деле «*Yuehai Electronic Co Ltd v. China Merchants Warehouse & Transportation Co Ltd*» (1994) ВНС квалифицировал выдачу товара без предъявления оригинала коносамента как нарушение договора и применил право, применимое к договорным отношениям³.

2. Обратная отсылка возникает, когда иностранное право, к которому отсылает отечественная коллизионная норма, содержит отсылку к отечественному праву. В силу ст. 178 (2) Положений ВНС 1988 г. при рассмотрении дел с иностранным элементом суд должен определять материальное право в соответствии с главой VIII ОПГП⁴; по мнению китайских авторов, поскольку эта глава регулировала вопрос о применимом праве, суд должен был применять только материальные нормы иностранного права (а не его коллизионные нормы)⁵. Статья 9 Закона о применении установила, что «иностранное право, применимое к отношениям с иностранным элементом, не включает коллизионные нормы соответствующей страны» (отрицание обратной отсылки). На практике, однако, имел место случай принятия обратной отсылки: в деле «*Chancery plc (Великобритания) v. Sukissed Marine Co Ltd (Греция)*» стороны подчинили залог судна праву КНР, но суд применил право Кипра, так как китайская коллизионная норма отсылала к праву страны флага⁶.

3. Предварительный вопрос встает, когда суд рассматривает два отношения: основное и дополнительное, подчиненные разным коллизионным нормам. Статья 10 Разъяснений I гласит: «Если гражданский спор с иностранным элементом должен быть разрешен при условии предварительного рассмотрения другого гражданского отношения с иностранным элементом, суд должен определить применимое право, учитывая природу этого предварительного вопроса». Таким образом, предварительный вопрос решается при помощи коллизионных норм *lex fori* (а не *lex causae*).

В одном из дел (Суд округа Сюйхой, Шанхай, 2011) оба истца были усыновлены братом их матери во Франции и впоследствии проживали там. Ответчиком выступала их мачеха. Предметом спора являлось недвижимое имущество, оставленное их отцом и находившееся в Китае. Истцы утверждали, что последствия усыновления должны быть предварительно определены французским правом, согласно которому усыновление не влияет на отношения с биологическим отцом и не прекращает кровные связи (следовательно, они могут наследовать имущество своего отца). Однако суд не стал рассматривать вопрос о последствиях усыновления в качестве предварительного, квалифицировал спор в целом как спор, связанный с наследованием, и применил китайское право, согласно которому усыновленные не наследуют имущество своих биологических родителей. Если бы спор рассматривался после вступления в силу Разъяснений I, результат мог бы быть иным; ст. 10 позволила бы применить ст. 28 Закона о применении и французское право (право усыновителя)⁷.

¹ «*Lex fori* в контексте международного частного права следует толковать либерально, не настаивая на соблюдении всех его технических требований. Кроме того, суд не должно смущать то, что конкретное иностранное требование не было признано в соответствии с *lex fori*. В этом случае он должен квалифицировать его в соответствии с тем, что, по его мнению, является наиболее близким эквивалентом в соответствии с *lex fori*. Такой способ квалификации можно назвать „либеральным“ или „просвещенным“ *lex fori*» (Huo Zhengxin. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. P. 656–657).

² Chinese Private International Law. P. 20.

³ Qingjiang Kong, Hu Minfei. The Chinese Practice of Private International Law // Melbourne Journal of International Law. 2002. Vol. 3. No. 2. P. 425.

⁴ URL: <https://scholarship.law.duke.edu/lcp/vol52/iss2/4> (дата обращения: 01.09.2025).

⁵ Chinese Private International Law. P. 30.

⁶ Qingjiang Kong, Hu Minfei. Op. cit. P. 426.

⁷ Guo Yujun. Personal Status in Chinese Private International Law Reform // Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe / ed. by J. Basedow, K. B. Pißler. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. P. 277.

В деле «*Mountain Breeze SRL (Барбадос) v. Beijing Zhongtian Hongye Real Estate Consulting Co, Ltd*» (2016) Суд средней инстанции Пекина рассмотрел спор между двумя компаниями: материнской (*Mountain*) и дочерней (*Zhongtian*). В 2008 г. законным представителем *Zhongtian* стал Мин Фэнчжэнь. *Mountain* считала, что является единственным акционером *Zhongtian* и в 2012 г. запросила устав *Zhongtian*, протоколы собрания акционеров и т. п. *Zhongtian* отказалась предоставить эти документы, после чего *Mountain* обратилась в суд. *Zhongtian* заявила, что назначения директоров *Mountain* недействительны и соответствующие лица (Чжан Сюэфэн и др.) не имели права подавать иск от имени *Mountain*; кроме того, акционеры могут лишь знакомиться с бухгалтерскими книгами (а не копировать их). Суд счел, что основной спор должен регулироваться правом КНР (закон места регистрации *Zhongtian*), а вопросы, связанные с правосубъектностью и представительством *Mountain*, – правом Барбадоса (ст. 14 Закона о применении).

В деле «*Allianz Global Corporate & Specialty SE v. NHE Shipping Inc*» (Суд высшей инстанции, Тяньцзинь, 2016) *NHE* утверждала, что *Allianz* не доказала свой статус страховщика и поэтому не пользуется правом суброгации. В соответствии со ст. 12 Закона о применении суд рассмотрел этот вопрос как предварительный и отдельный от основного вопроса (перевозка грузов по морю). Поскольку *NHE* и *Allianz* являлись немецкими компаниями, а страховой полис содержал ссылку на Правила морского страхования ФРГ, суд применил немецкое право (ст. 41 Закона); основной вопрос, однако, был подчинен праву КНР, поскольку с этим согласились обе стороны¹.

4. *Расщепление (dépeçage)* предполагает применение к разным аспектам отношения разных правовых систем, чтобы обеспечить гибкость регулирования, защиту публичных интересов и т. п. Закон о применении допускает расщепление применительно к семейным отношениям: ст. 21 закрепляет привязки для определения условий заключения брака, ст. 22 – формы брака, ст. 23 – личных отношений супругов, ст. 24 – имущественных отношений. Он также предусматривает расщепление применительно к контрактным отношениям (дееспособность определяется на основе отдельных норм). Вопрос о договорном расщеплении (осуществляемом самими сторонами)² не решен однозначно: с одной стороны, такая возможность может быть выведена из ст. 11 Разъяснений I («Если дело касается нескольких отношений с иностранным элементом, суд должен определить применимое к ним право»); с другой стороны, она не соответствует китайской традиции, а ее реализация на практике может вызывать значительные сложности³.

В деле «*Lin Jiansheng v. Wang Jianming et al.*» (Суд средней инстанции, Чжухай, 2016) Линь (Макао) и Ван заключили в Чжухае договор займа на 7 млн юаней и подчинили его праву Макао. Линь перевел эту сумму на счет Вана через банк в Чжухае, а Ван выдал Линю расписку. Филиал компании *Yuhua* в Гуандуне направил Линю письмо, в котором обязался погасить долг Вана, если тот не сможет сделать это самостоятельно. Суд счел, что в деле имеются два спора: спор между Линем и Ваном, подчиненный праву Макао (право, выбранное в договоре, и право места жительства кредитора), и спор между Ваном и *Yuhua* о солидарной ответственности, подчиненный праву КНР (принцип тесной связи, ст. 2 Закона о применении).

В деле «*Asia Steel (Investments) Ltd v. Wuhan Yagang Metal Co Ltd*» (Суд высшей инстанции, Хубэй, 2017) имел место спор между гонконгскими компаниями *iSteel Asia* и *Asia Steel (Investments)* с одной стороны и *Wuhan Yagang* (КНР) с другой стороны. Суд подчинил вопрос о дееспособности *iSteel Asia* (праве выдавать гарантию) праву места регистрации (ст. 14 Закона о применении), а вопрос о действительности гарантии – праву КНР, указанному в гарантийном письме (ст. 41 Закона)⁴.

¹ Chinese Private International Law. P. 22–23.

² В договорах страхования стороны часто подчиняют вопрос об ответственности английскому праву; при этом другие вопросы могут регулироваться другим правом. См.: *Yuko Nishitani*. Party Autonomy in Contemporary Private International Law. The Hague Principles on Choice of Law and East Asia // *Japanese Yearbook of International Law*. 2016. Vol. 59. P. 325.

³ *Guangjian Tu*. Op. cit. P. 79; *Ма Синь*. Подлежащее применению право к трансграничным договорам в Китае: теория и практика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 86.

⁴ Chinese Private International Law. P. 27–28.

3. Отказ в применении иностранного права

1. Институт *публичного порядка* позволяет исключить применение чужого права в случае его противоречия принципам отечественного права. В соответствии с Позициями ВНС о браке между китайцами и иностранцами и между иностранцами 1950 г. применение иностранного права к брачным отношениям не должно нарушать публичный порядок КНР; в силу ст. 150 ОПГП «применение иностранных законов или международной практики не должно нарушать публичных интересов КНР». Согласно ст. 5 Закона о применении, «если применение иностранного права причиняет вред общественным и публичным интересам КНР, должно применяться право КНР». Отдельные авторы предлагают уточнить понятие публичного порядка на уровне ВНС; закрепить правило, согласно которому применение права Гонконга, Макао и Тайваня должно быть исключено, если оно нарушает публичный порядок КНР; передавать межрегиональные дела, связанные с публичным порядком, на рассмотрение ВНС¹.

2. *Императивные нормы МЧП* – особо важные нормы отечественного права, действующие независимо от того, какое право выбрали стороны или к какому праву отсылает коллизионная норма. Статья 4 Закона о применении гласит: «Если существуют императивные нормы права КНР, регулирующие отношения с иностранным элементом, должны применяться эти императивные нормы». Согласно ст. 8 Разъяснений I суды могут определить в качестве императивных нормы, касающиеся: 1) прав и интересов работников; 2) безопасности пищевых продуктов или здоровья населения; 3) экологической безопасности; 4) валютного контроля и финансовой безопасности; 5) антимонопольного и антидемпингового регулирования; 6) других обстоятельств, при наличии которых соответствующие нормы должны рассматриваться как императивные.

В деле «*Daxin Bank Co, Ltd v. Hong Kong Sanxing Industrial Development Co, Ltd et al.*» (Суд средней инстанции, Цзянси, 2016) финансовая гарантия предусматривала применение права Гонконга. Такие гарантии должны быть одобрены Государственной администрацией по иностранным валютам (SAFE). Поскольку одобрение не было получено, гарантия была признана недействительной на основании права КНР.

В деле «*Guan Enjun v. Yan Chenglong et al.*» (Суд средней инстанции, Хулу-Буир, 2016) Гуань занимался заготовкой леса в России. Янь нанялся к нему на работу, но не подписал трудовой контракт. Спустя несколько месяцев он получил травму и был госпитализирован. После этого он предъявил к Гуаню иск о возмещении расходов на лечение и неполученного заработка. *Lex loci delicti* являлось право РФ, но суд применил право КНР, так как речь шла о защите прав работника.

В деле «*Gao Delong v. Nanjing Jinsha Industrial Co Ltd*» (Суд средней инстанции, Нанкин, 2014) было заключено «Соглашение об инвестициях», по которому Гао предоставил *Nanjing Jinsha* 3 млн HK\$ на один год под 18 %. *Nanjing Jinsha* не вернула эти средства. Суд указал, что Гао имел право на фиксированный доход и не нес операционных рисков; таким образом, стороны заключили договор займа, а не инвестиционное соглашение. Данный договор подчинен императивным нормам, требующим одобрения со стороны SAFE².

3. *Обход закона* – действия, направленные на подчинение отношений иному праву, чем то, к которому отсылает коллизионная норма. Закон о применении не регулирует обход закона, но ст. 9 Разъяснений I гласит: «Если сторона намеренно создает привязку гражданско-правовых отношений с иностранным элементом, чтобы обойти императивные положения законов и подзаконных актов КНР, суды должны признать, что это не влияет на применение иностранного права». Таким образом, суды должны рассматривать обход закона как несостоявшийся и отказывать в применении иностранного права, связь с которым была создана искусственно.

4. Установление иностранного права

Статья 10 Закона о применении закрепляет: «Иностранное право, применимое к отношениям с иностранным элементом, устанавливается судом, арбитражным институтом или административным органом. Если стороны выбрали иностранное право

¹ Nancy Hou. The Preservation System of Public Order in International Private Law // SHS Web of Conferences. 2024. 183. 02013. P. 4.

² Chinese Private International Law. P. 41–43.

в качестве применимого, они должны предоставить информацию о нем. Если иностранное право не может быть установлено либо в соответствующей стране отсутствуют релевантные нормы, применяется право КНР».

Статья 1 Разъяснений II возлагает обязанность по установлению иностранного права на стороны, согласившиеся его применять; в иных случаях эта обязанность возлагается на суд. Статья 2 перечисляет способы получения информации об иностранном праве: 1) предоставление сторонами; 2) предоставление центральным органом или компетентным ведомством другой стороны через каналы правовой помощи; 3) предоставление китайским посольством или консульством в иностранной стране либо иностранным посольством или консульством в КНР по запросу ВНС; 4) предоставление в рамках механизма международного сотрудничества, созданного ВНС; 5) предоставление членами Международного торгового экспертного комитета при ВНС; 6) предоставление учреждением, оказывающим такие услуги, либо китайскими или иностранными экспертами¹; 7) другие подходящие способы. Статья 3 гласит: «Сторона, предоставляющая информацию об иностранном праве, должна указать его конкретные положения, способ получения информации о них, сферу их действия и их связь с делом. Если речь идет о судебном прецеденте, должен быть предоставлен полный текст судебного решения». Процесс установления иностранного права должен быть отражен в решении (ст. 10); суд может распределить бремя связанных с этим расходов (ст. 11).

Согласно ст. 16 Разъяснений I «суд выслушивает мнения сторон о содержании применимого иностранного права, а также его толковании и применении и, если стороны не имеют возражений, может подтвердить данное содержание, толкование и применение; если же стороны имеют возражения, суд должен изучить их и после этого определить применимое право». Статья 8 Разъяснений II воспроизводит это правило, указывая, что суд может возложить обязанность по предоставлению дополнительных материалов на стороны, разрешая использовать в качестве доказательств иностранного права вступившие в силу судебные решения. Статья 15 Разъяснений I гласит: «Если суд не может установить иностранное право при помощи сторон, способов, указанных в международных договорах КНР, а также китайских и иностранных правовых экспертов, он может счесть, что оно не может быть установлено. Если в соответствии со ст. 10 (1) Закона о применении сторона должна предоставить информацию об иностранном праве, но не предоставляет ее без уважительных причин в установленный судом разумный срок, суд может счесть, что иностранное право не может быть установлено» (также см. ст. 2 (3) и 9 (1) Разъяснений II).

На практике суды КНР используют разные методы. Если раньше они в основном полагались на стороны, то сейчас все чаще устанавливают иностранное право самостоятельно, в том числе обращаясь за помощью к научным центрам. В последние годы были подписаны несколько соглашений о сотрудничестве между судами и такими центрами: в 2014 г. – Соглашение между Шанхайским судом высшей инстанции и Восточно-китайским университетом политологии и права (ECUPL), на основе которого был создан Исследовательский центр по установлению иностранного права при ECUPL; в 2015 г. – Соглашение между ВНС и Китайским университетом политологии и права. В тех случаях, когда стороны согласовали применимое право, они, как правило, привлекают китайских и иностранных экспертов. Заключение последних должно быть нотариально заверено и легализовано в китайском посольстве или консульстве. Приведем несколько примеров:

1) в деле «*Magyar Exporthitel Biztosító Zrt v. Xia Jingjun et al.*» (Суд средней инстанции, Чжэцзян, 2015) суд поручил ECUPL установить венгерское право, применимое к договорам купли-продажи и страхования;

2) в деле «*Eventint International Ltd v. Haojie Investment Co Ltd et al.*» (Суд средней инстанции, Урумчи, 2015) *Eventint* (Британские Виргинские острова) и *Haojie* (Гонконг) подчинили договор займа праву Гонконга. Истец обратился в Центр правовых услуг Шэньчжэня, который поручил подготовку заключения гонконгскому адвокату;

¹ Учреждение или эксперт должны предоставить подтверждение квалификации и заявление об отсутствии заинтересованности в деле (ст. 4 Разъяснений II); они могут быть вызваны в суд и опрошены, в том числе по просьбе стороны; в случае затруднений возможно проведение такого опроса онлайн (ст. 7).

3) в деле «*Zeng Haiquan v. Zhuhai Jiantai Real Estate Development Co Ltd*» (Суд высшей инстанции, Гуандун, 2016) встал предварительный вопрос о том, обязывает ли Соглашение о сотрудничестве компанию *Dongfang Entrepreneur* (Макао). Данный вопрос подчинен праву места регистрации. Суд затребовал информацию о праве Макао от сторон; среди полученных материалов были Торговый кодекс Макао и заключения местных юристов. Рассмотрев конкурирующие точки зрения, суд отдал предпочтение одной из них;

4) в деле «*Guan Shijun v. Li Zhengjian*» (Суд высшей инстанции, Юньнань, 2016) Ли уступил Гуаню долю в компании *Myanmar Mengla*. Гаунь утверждал, что уступка подчинена праву Мьянмы, и выиграл дело в первой инстанции. Апелляционная инстанция установила, что *Myanmar Mengla* была зарегистрирована в Четвертой особой зоне Восточного штата Шан, которая контролируется повстанцами. В лицензии компании было указано, что она выдана «в соответствии с законодательством Четвертой особой зоны». Суд затребовал у Гуаня информацию об этом законодательстве; Гуань не смог ее предоставить. В связи с этим суд счел, что применение права Мьянмы нецелесообразно, и применил право КНР;

5) в деле «*Delixy Energy Pte Ltd v. Dongming Petro China fuel Petrochemical Co Ltd*» (Суд высшей инстанции, Шаньдун, 2016) договор предусматривал применение английского права. *Dongming* не предоставила его доказательств. *Delixy* привела заключение эксперта, но суд счел, что оно выражает субъективную точку зрения, а описание дела в нем не соответствует фактам. Кроме того, оно не было нотариально заверено, что снижает его доказательную силу. В итоге было применено право КНР¹;

6) в деле «*Zhao A v. Jiang A Bai et al.*» (Суд высшей инстанции, Шанхай, 2006) встал вопрос о том, является ли Чжао акционером *American M* (Делавэр, США). Обе стороны предоставили заключения американских юридических фирм и законодательство штата Делавэр, а суд по своей инициативе осуществил поиск иностранного законодательства и судебных прецедентов в сети Интернет и пригласил экспертов по правовым вопросам высказать их мнения;

7) в деле «*Sheng A Medical Technology (Гонконг) Co, Ltd v. Wei A Medical Co, Ltd*» (Суд средней инстанции, Гуанчжоу, 2021) стороны заключили дистрибьюторское соглашение, по которому истец должен был зарегистрировать и продавать в КНР медицинские аппараты; если истец не приобретал продукцию ответчика на 500 тыс. долл., ответчик мог расторгнуть соглашение. Стороны подчинили соглашение английскому праву. Ответчик счел, что в 2000 г. условие о минимальном объеме закупок не было выполнено, и расторг соглашение. Истец сослался на то, что он приобретал у ответчика иные товары; кроме того, после 2000 г. ответчик продолжил торговать с ним через *e-mail* и *WeChat*, что следует рассматривать как отказ от права расторгнуть соглашение. Стороны поручили подготовку заключений по английскому праву Центру правовых исследований ASEAN и английскому адвокату. Суд первой инстанции сравнил эти заключения и отдал предпочтение заключению, предоставленному ответчиком, согласно которому, если прямо выраженные условия договора противоречат подразумеваемым условиям, суд не может руководствоваться последними, следовательно, стоимость иных товаров не может учитываться при определении стоимости товаров, закупленных по соглашению. Кроме того, в соответствии с практикой английских судов отказ от права на расторжение должен подтверждаться недвусмысленным поведением и достоверными доказательствами, которые в данном случае отсутствуют².

5. Личный закон

Гражданское право и дееспособность физического лица определяются по праву его обычного места жительства; если лицо недееспособно по этому праву, но дееспособно по праву места совершения действия, применяется последнее, за исключением ситуаций, связанных с браком, семьей или наследованием (ст. 11–12 Закона о применении). Право обычного места жительства также регулирует объявление пропавшим без вести или умершим и содержание личных прав (ст. 13, 15). Данная новелла объясняется тем, что иски обычно подаются по месту жительства; привязка к этому месту

¹ Дела № 1–5 см.: Chinese Private International Law. P. 33–37.

² Дела № 6–7 см.: Обзор судебной практики по установлению и применению иностранного права (ВНС, 2024).

способствует применению *lex fori*¹. Обычным местом жительства признается место, в котором человек непрерывно проживал как в центре своей жизни в течение не менее одного года в момент возникновения, изменения или прекращения отношений, за исключением ситуаций, связанных с лечением, командировками за границу и т. п. (ст. 13 Разъяснений I).

Гражданское право и дееспособность юридического лица, его организационная структура, права его акционеров и филиалов определяются правом места регистрации; если место регистрации отличается от основного места деятельности, может применяться право последнего; основное место деятельности юридического лица считается местом его обычного пребывания (ст. 14). Речь идет еще об одной новелле, так как до принятия Закона применялся только критерий инкорпорации (ст. 184 Положений 1988 г.). Одна из причин ее закрепления – офшоризация китайской экономики после вступления КНР в ВТО. Формулировка ст. 14 выглядит неудачной, так как законодатель не установил критерии выбора между местом регистрации и местом основной деятельности².

В деле «*Hebei Yixing Highway Co Ltd v. Jingyu Highway Co Ltd et al.*» (ВНС, 2011) был заключен договор займа между компанией Y (КНР) и компаниями – «почтовыми ящиками» A, B, C, D, E, F, G, H, I, J (Британские Виргинские острова, БВО), созданными для обхода императивных норм, регулирующих строительство дорог в КНР. Компания A была материнской; B–J – дочерними. Главным вопросом были отношения сторон по договору; предварительным – вопрос о совместной ответственности компаний B–J и A. Согласно праву БВО B–J не отвечают перед Y, но право КНР признает концепцию «снятия корпоративной вуали» и рассматривает их как аффилированных с A. Суд первой инстанции применил Закон КНР о компаниях и признал компании B–J ответственными. Суд высшей инстанции провинции Хэбэй, однако, удовлетворил жалобу ответчика, утверждавшего, что согласно Закону о компаниях БВО B–J являются независимыми. Решение было подтверждено ВНС. Это дело было рассмотрено до вступления в силу Закона о применении, но при рассмотрении аналогичного дела на основании Закона суд должен будет сделать выбор между правом места регистрации и правом места основной деятельности, приводящими к разным результатам. Комментирующий дело Ду Тао предлагает определять применимое право индивидуально, делая акцент на балансе общественных и частных интересов. В данном деле решающее значение следовало придать намерению и последствиям создания компаний-пустышек. Если такое создание было осуществлено с целью обхода императивных норм, что привело к негативным последствиям, необходимо применить эти нормы³.

Представительство регулируется правом места его осуществления, но отношения между принципалом и представителем – правом места установления представительства⁴; стороны могут выбрать право, регулирующее добровольное представительство (*commissioned agency*) (ст. 16). Также можно выбрать право, применимое к трасту; в отсутствие выбора применяется право места нахождения активов или места установления трастовых отношений (ст. 17). Если в соответствии с Законом применяется право страны гражданства, а физическое лицо имеет двойное гражданство, то применяется право страны обычного места жительства, а в его отсутствие – право страны, с которой лицо наиболее тесно связано; если лицо является апатридом, применяется право его обычного места жительства (ст. 19). Если должно применяться право обычного места жительства и такое место жительства не установлено, применяется право текущего места жительства (ст. 20).

6. Собственность

Вещные права на недвижимое имущество определяются правом места нахождения имущества (ст. 36 Закона о применении). Стороны могут выбрать право, применимое к вещным правам на движимое имущество; в ином случае применяется право места

¹ *Huo Zhengxin*. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. P. 659.

² *Du Tao*. The New Chinese Conflict-of-Law Rules for Legal Persons: Is the Middle Way Feasible? // Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe. P. 336–337.

³ *Ibid.* P. 346–347.

⁴ Термин «место установления отношений» критикуется как недостаточно ясный, особенно при заключении сделок онлайн (*Suk Kwang Hyun*. Op. cit. P. 111).

нахождения имущества на момент наступления юридического факта (ст. 37). Стороны могут выбрать право, применимое к изменению вещных прав на движимое имущество, находящееся в пути; в ином случае применяется право места назначения (ст. 38). К ценным бумагам применяется право места реализации прав по ним или право, имеющее наиболее тесную связь с ними (ст. 39). К залогу прав применяется право места возникновения залога (ст. 40)¹.

Китайские авторы считают, что эти положения недостаточно подробны; Закон не содержит специальных привязок для объектов культурного наследия и уступки права требования; при рассмотрении споров из договоров в отношении недвижимости суды колеблются между ст. 36 и 41 (автономия воли), часто отдавая предпочтение последней². Согласно одной точке зрения закрепление автономии воли в ст. 37 противоречит принципу *numerus clausus* (способствует созданию вещных прав, не предусмотренных законом³) и ведет к неоправданному расщеплению; кроме того, автономия воли не должна действовать в той сфере, которая в основном регулируется императивными нормами, и затрагивать права третьих лиц (как результат, последние будут определяться иным правом); согласно другой – принцип *numerus clausus* должен уступать принципу автономии воли, привносящему определенность в регулирование международной торговли⁴.

Для определения того, является ли имущество движимым или недвижимым, одни авторы предлагают применять ст. 8 Закона (квалификация) и, соответственно, *lex fori*; другие отдают предпочтение *lex rei sitae*⁵. Еще одна проблема – сфера действия ст. 40 (относится ли она только к ценным бумагам или еще к правам, закрепленным в них)⁶.

В деле «Yuyaotai v. Li Peng» (Суд средней инстанции, Гуанчжоу, 2020) суд применил к договору аренды жилья ст. 36 и право КНР. В деле «Liu Xiaozhang v. Fang Hanzhao» (Суд средней инстанции, Чжуншань, Гуандун, 2018) стороны подчинили договор аренды праву КНР, которое и было применено судом. В деле «Guangzhou Xingzhong Vegetable Utd Co v. Kwongchungkyeom» (Суд средней инстанции, Гуанчжоу, 2019) стороны не выбрали применимое право и суд определил его на основе принципа тесной связи (ст. 41): поскольку предмет аренды находился в Китае, им было признано право КНР⁷.

7. Контракты

Коллизионные нормы в данной сфере содержатся в ст. 5 Закона об экономических контрактах 1985 г., ст. 145 ОПГП, ст. 269 Закона о торговом мореплавании 1992 г., ст. 188 Закона о гражданской авиации 1995 г., ст. 126 Закона о контрактах 1999 г., ст. 41–43 Закона о применении. Кроме того, в 1987 г. ВНС принял Ответы, касающиеся применения Закона об экономических контрактах, а в 2007 г. – Правила применения права при рассмотрении гражданских и торговых дел о договорных спорах с иностранным элементом⁸. Статья 41 Закона о применении гласит: «Стороны могут выбрать право,

¹ Коллизионные нормы, касающиеся морских и воздушных судов, содержатся в законах о торговом мореплавании и гражданской авиации. См.: Du Huanfang. The Choice of Law for Property Rights in Mainland China: Progress and Imperfection // Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe. P. 109–110.

² Chinese Private International Law. P. 92–93; Huo Zhengxin. The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution // Chinese Journal of Global Governance. 2015. Vol. 1. P. 174–191; Suk Kwang Hyun. Op. cit. P. 115.

³ В соответствии со ст. 116 ГК КНР виды и содержание прав собственности устанавливаются законом.

⁴ Китайские авторы в основном склоняются к первой позиции. См.: Huo Zhengxin. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. P. 669; Idem. The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution; Chinese Private International Law. P. 95; Du Huanfang. The Choice of Law for Property Rights in Mainland China: Progress and Imperfection. P. 107.

⁵ Du Huanfang. The Choice of Law for Property Rights in Mainland China: Progress and Imperfection. P. 105; Huo Zhengxin. The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution. P. 179–180.

⁶ Du Huanfang. The Choice of Law for Property Rights in Mainland China: Progress and Imperfection. P. 112; Suk Kwang Hyun. Op. cit. P. 113.

⁷ Chinese Private International Law. P. 93–97.

⁸ URL: https://www.bjreview.com/document/txt/2008-06/11/content_126787.htm (дата обращения: 01.09.2025). ОПГП и Закон 1999 г. были отменены в связи с принятием ГК 2020 г.; Ответы 1987 г. – в 2000 г. в связи с принятием Закона 1999 г., а Правила 2007 г. – в 2012 г. в связи с принятием Закона о применении (некоторые суды, однако, руководствовались ими после их отмены).

применимое к их договору. Если они этого не сделали, применяется право страны обычного места жительства стороны, чье исполнение имеет решающее значение для содержания договора, или право, наиболее тесно связанное с договором». Статья 42 посвящена договорам с участием потребителя, а ст. 43 – трудовым договорам. По общему правилу действует более поздняя или специальная коллизионная норма, но в некоторых случаях приоритет не определен однозначно¹.

Принцип автономии воли в праве КНР имеет следующие особенности: 1) стороны могут выбрать *право* (а не право страны), т. е. подчинить свои отношения негосударственным регуляторам (например, конкретным конвенциям² или сборникам обычаев)³; 2) они могут выбрать право страны, не имеющей отношение к контракту⁴; 3) они могут выбрать право в любое время⁵; 4) вопрос о выборе права для отдельных частей контракта не решен однозначно (см. выше); 5) выбор права должен быть эксплицитным (ст. 3 Закона), суд не может вывести его из условий контракта, но может вывести из заявлений, сделанных в ходе процесса⁶; 6) выбор права ограничен публичным порядком, императивными нормами и запретом обхода закона; 7) выбор права не затрагивает вопросы, связанные с дееспособностью сторон и формой договора; 8) инвестиционные контракты, исполняемые на территории КНР, регулируются китайским правом (ст. 126 Закона 1999 г., ст. 8 Правил 2007 г., ст. 467 (2) ГК 2020 г.) и подчинены исключительной юрисдикции китайских судов.

Принцип характерного исполнения конкретизирует принцип тесной связи. Он был введен в китайское право еще в Ответах 1987 г. (ст. 2 (6), 13 типов контрактов); Правила 2007 г. конкретизировали его применительно к 17 типам (ст. 5). К договорам купли-продажи применяется право места жительства продавца на момент заключения контракта или право места жительства покупателя, если контракт был согласован и заключен в этом месте или прямо предусматривает, что товары должны быть переданы продавцом в этом месте; к договору поставки оборудования – право страны, где должно быть установлено оборудование; к договору аренды – право места житель-

¹ См. ст. 83 Закона о законодательстве 2000 г. О соотношении коллизионных норм в сфере договорных отношений см.: *He Qinsheng*. Recent Developments of New Chinese Private International Law with Regard to Contracts // *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe*. P. 162–163.

² Согласно ст. 7 Разъяснений I, если стороны ссылаются на договор, не вступивший в силу для КНР, суд может определить их права и обязанности в соответствии с этим договором при условии, что он не противоречит публичному порядку и императивным нормам. Также см. ст. 4 Разъяснений ВНС по некоторым вопросам, касающимся применения международных договоров и практик, 2023 г.

³ Некоторые авторы считают, что термин «право» следует отличать от термина «правила»; первый охватывает нормы, принятые суверенным государством, а второй – любые нормы, в том числе обычаи, которые могут определять права и обязанности сторон, но не получать одобрения со стороны государства. В связи с этим ст. 41 не допускает применения негосударственных норм. Чжэн Тан оспаривает эту точку зрения: 1) термин «право» может толковаться ограничительно и расширительно, при этом неясно, какое толкование предполагалось законодателем; 2) первый проект Закона предусматривал возможность выбора в качестве применимого права международных договоров (при этом в нем использовался термин «право»); 3) многие юристы используют термин «право» как охватывающий договоры и иные негосударственные нормы. См.: *Zheng (Sophia) Tang*. International Treaties in Chinese Private International Law // *Hong Kong Law Journal*. 2012. Vol. 42. P. 607–608.

⁴ В деле «*Far East (China) Flour Co Ltd v. Liberia Meizi Shipping Co*» (Морской суд, Гуанчжоу, 1990) в коносаменте была сделана ссылка на Закон США о морской перевозке. В ходе процесса стороны подтвердили этот выбор, и суд применил право США. Согласно ст. 5 Разъяснений I, если сторона утверждает, что выбор права недействителен, поскольку выбранное сторонами право не имеет фактической связи с отношением, суд не должен поддерживать это утверждение.

⁵ В деле «*Hong Kong Baiyue Financial Services Co v. Hong Kong Hungli Gourmet Co*» (Суд средней инстанции, Гуанчжоу, 1991) стороны выбрали право Гонконга, но в ходе процесса договорились о выборе права КНР, которое и было применено (*Qingjiang Kong, Hu Minfei*. Op. cit. P. 429). В деле «*Germany Victory Shipping Co v. Junye (Tianjin) Trading International Inc.*» (Морской суд, Бэйхай, 2001) в ходе слушаний стороны сослались на Закон о торговом мореплавании и ОПГП, и суд счел, что они таким образом выбрали право КНР (*Du Huanfang*. An Overview of Choice of Jurisdiction and Law of Foreign-related Cases in China // *Journal of Cambridge Studies*. 2009. Vol. 4. No. 4. P. 79).

⁶ Согласно ст. 6 Разъяснений I суд должен учесть соглашение сторон о выборе права, достигнутое до завершения слушаний в первой инстанции; если стороны ссылаются на право одной и той же страны и ни одна из них не возражает против его применения, суд может сделать вывод, что стороны осуществили выбор права. Хэ Циньшэн считает, что в таких случаях суд должен удостовериться, что стороны были намерены изменить изначальное соглашение; последующий выбор права также не должен затрагивать права третьих лиц (*He Qinsheng*. Op. cit. P. 166–167).

ства арендодателя; к договору займа – право места жительства кредитора и т. д. Если очевидно, что договор более связан с местом, отличным от указанного, применяется право соответствующей страны (речь, таким образом, идет об опровержимой презумпции). Закрепление данного перечня в Правилах 2007 г., а не в Законе о применении, можно рассматривать как недостаток.

Некоторые авторы отмечают некорректность формулировки второго предложения ст. 41, в котором закреплена *альтернатива* (а не *последовательность*)¹. По их мнению, это может стимулировать суды использовать принцип тесной связи вместо принципа характерного исполнения и таким образом выходить на применение *lex fori*, отталкиваясь от того, что спор рассматривается на территории Китая². Действительно, прямое применение принципа тесной связи логично только в тех ситуациях, когда характерное исполнение не может быть установлено (договор мены) или когда договор более тесно связан с правом другой стороны.

В деле «*Wuxi Humei Thermal Power Engineering Co Ltd v. DBS Bank Ltd*» (ВНС, 2017) сингапурский банк открыл аккредитив в пользу *Humei* (КНР). Последняя предоставила необходимые документы, но *DBS* не принял их, поскольку цена FOB в сертификате происхождения была такой же, как цена CIF в счете-фактуре (инвойсе). Стороны подчинили аккредитив UCP 600. Суд Цзянсу счел, что характерным исполнением является исполнение бенефициара (а не банка), и применил к вопросам, не урегулированным в UCP, право КНР. Этот вывод был подтвержден ВНС³.

Закон о применении не содержит коллизионной нормы, регулирующей форму контракта (данная норма присутствовала в проекте, но не была включена в окончательную редакцию). Некоторые авторы считают, что Китаю следует руководствоваться принципом *favour negotii*, т. е. подчинять вопрос о форме тому праву, которое признает ее действительной (*lex loci actus* или *lex causae*), тем более что право КНР не требует, чтобы договор заключался в письменной форме⁴.

8. Деликты

Коллизионные нормы, относящиеся к деликтам, содержатся в ст. 44 Закона о применении (общая норма), а также в законах о торговом мореплавании и гражданской авиации. Статья 44 гласит: «Деликтная ответственность регулируется правом места совершения деликта. Если стороны имеют общее обычное место жительства, применяется право этого места. Если после совершения деликта стороны соглашаются о выборе права, применяется выбранное ими право». В отличие от ст. 146 (2) ОПГП ст. 44 не содержит правила, согласно которому акт, совершенный за границей, не считается противоправным, если он не признается таковым по праву КНР.

Китайские авторы подвергают ст. 44 критике, основанной на ее сравнении с Регламентом Рим II: 1) ст. 44 не закрепляет принцип тесной связи в качестве субсидиарной привязки; 2) она не уточняет понятие «место совершения деликта» и не решает вопрос о выборе права в ситуации, когда место совершения акта и место наступления его последствий не совпадают (*Distanzdelikt*)⁵; 3) она не закрепляет принцип *favor laesi* (защиты слабой стороны); 4) она не проводит различия между регулированием поведения и распределением убытков, которые в Регламенте подчинены отдельным привязкам; 5) она не предусматривает, что выбор права, применимого к деликту, не должен наносить ущерба правам третьих лиц; 6) она не содержит отдельных привяз-

¹ Huo Zhengxin. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. P. 674. Ма Синь. Указ. соч. С. 87.

² В деле «*Dafei Shipping Co Ltd v. Shangdong Orient International Trade Co*» (Суд высшей инстанции, Шаньдун) стороны не определили применимое право в коносаментах и не достигли соглашения об этом в ходе процесса. *Dafei* – французская компания, а *Oriental* – китайская; место выдачи коносамента – Китай; место отгрузки товара – Китай, а место доставки – РФ; дело относится к юрисдикции китайского суда. Суд счел, что Китай является страной, имеющей наиболее тесную связь с делом, и применил право КНР на основании ст. 145 (2) ОПГП (см.: *Du Huanfang*. An Overview of Choice of Jurisdiction and Law of Foreign-related Cases in China. P. 80).

³ См.: Chinese Private International Law. P. 77.

⁴ См.: Ibid. P. 77–78.

⁵ В соответствии со ст. 187 Положений 1988 г. право места деликта включает право места совершения деликта и право места, где имели место последствия деликта; если они не совпадают, суд может выбрать одно из них (например, руководствуясь принципом защиты слабой стороны).

зок для морских и авиационных деликтов, недобросовестной конкуренции и загрязнения окружающей среды¹.

В деле «*Anhui Foreign Economic Construction (Group) Co Ltd v. Inmobiliaria Palacio Oriental S. A. et al.*» (2017) *Anhui* и *Anhui Central America* (дочерняя компания) заключили договор подряда с *Oriental* (заказчик) для реализации проекта в Сан-Хосе (2010). Банк Коста-Рики гарантировал исполнение обязательств *Anhui*, а Аньхойский филиал *China Construction Bank* (CCB) предоставил ему встречную гарантию. В 2012 г. *Anhui* инициировала арбитраж в Коста-Рике в связи с невыполнением *Oriental* обязательств по оплате. После этого *Oriental* потребовала от Банка Коста-Рики выплаты по гарантии. *Anhui* подала иск в Китае, утверждая, что требование *Oriental* представляет собой мошенничество. ВНС счел, что местом причинения ущерба от мошенничества является место нахождения филиала CCB, и применил ст. 44 и право КНР. Согласно праву КНР нарушение основного договора бенефициаром гарантии не обязательно является мошенничеством в отношении гарантии, в связи с чем иск *Anhui* был отклонен².

Согласно ст. 45 ответственность за товар подчинена праву обычного места жительства потерпевшего; если потерпевший выбирает право основного места деятельности причинителя вреда или места причинения вреда либо если причинитель не осуществляет деятельность в обычном месте жительства потерпевшего, применяется право места деятельности причинителя или право места причинения вреда. В деле «*Wuhan Marine Machinery Plant Co Ltd v. YDM Shipping Co Ltd*» (2015) *YDM* (Сент-Винсент) заключила контракт на покупку судна с *Zhejiang Zhenghe Shipbuilding Co Ltd* (КНР) (2009). Судовые краны были изготовлены *Wuhan Marine* (КНР). В 2010 г. судно прошло на китайской верфи ремонт, связанный с неисправностью кранов, а через девять месяцев – еще один ремонт. В 2012 г. *YDM* предъявила к *Wuhan Marine* иск в Морском суде Уханя, потребовав возмещения потерь, вызванных дефектами кранов. Этот иск был удовлетворен, после чего *Wuhan Marine* подала апелляцию в Суд высшей инстанции провинции Хубэй. Последний счел, что дело касается ответственности за товар и применил ст. 45. Основным местом деятельности причинителя вреда был Ухань; во время процесса *YDM* выбрала право КНР. Применив последнее, Суд присудил компенсацию³.

Согласно ст. 46 к нарушениям личных прав в сети Интернет применяется право обычного места жительства потерпевшего (это связано со сложностями определения места совершения деликта и необходимостью защиты слабой стороны). К ответственности за нарушения в области интеллектуальной собственности применяется право места, где истребуется защита; после совершения нарушения стороны также могут договориться о выборе *lex fori* (ст. 50).

Согласно ст. 47 неосновательное обогащение и действие в чужом интересе без поручения подчинены праву, выбранному сторонами; если такой выбор не сделан, применяется право общего обычного места жительства; при отсутствии такового применяется право места, где произошло неосновательное обогащение или было совершено действие в чужом интересе. В деле «*Shanghai Hengyi Battery Co Ltd v. Sihui City Gaofeng Electronic Co Ltd & Luo Yanqing*» (Суд средней инстанции, Чжаоцин, 2019) компания *Gaofeng Electronic* (КНР), принадлежавшая Ло (Гонконг), получила 150 тыс. юаней от *Hengyi Battery* в результате ошибки, допущенной персоналом последней. *Hengyi Battery* потребовала возмещения, *Gaofeng Electronic* отклонила это требование. Суд счел, что речь идет о неосновательном обогащении и применил ст. 47. Оба ответчика отказались предстать перед судом, а *Hengyi Battery* выбрала в качестве применимого право КНР. Суд удовлетворил ее иск⁴.

9. Семейные и наследственные отношения

Коллизионные нормы в сфере семейных отношений содержатся в главе III Закона о применении. Условия вступления в брак⁵ определяются правом общего обычного

¹ Chinese Private International Law. P. 85–87; *Huo Zhengxin*. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. P. 679–680.

² Chinese Private International Law. P. 85–86.

³ Ibid. P. 88.

⁴ Ibid. P. 89–90.

⁵ В КНР условиями заключения брака являются добровольность, достижение брачного возраста (для мужчины – 22 года, для женщины – 20 лет), личное присутствие в органах ЗАГСа, отсутствие прямых

места жительства сторон; при его отсутствии – правом страны общего гражданства; при его отсутствии – правом места заключения брака (если брак заключен в стране обычного места жительства или гражданства одной из сторон) (ст. 21)¹. Форма брака признается действительной, если она соответствует праву места заключения брака либо праву обычного места жительства или гражданства одной из сторон (ст. 22). Личные отношения супругов регулируются правом их общего обычного места жительства; при его отсутствии – правом общего гражданства (ст. 23). Для регулирования имущественных отношений супруги могут выбрать право обычного места жительства, гражданства или места нахождения основного имущества одной из сторон; при отсутствии выбора применяется право общего обычного места жительства; при его отсутствии – право общего гражданства (ст. 24)². Личные и имущественные отношения между родителями и детьми регулируются правом их общего обычного места жительства; при его отсутствии – правом обычного места жительства или гражданства одной из сторон, в зависимости от того, какое из них лучше защищает интересы слабой стороны (ст. 25). В отношении развода по согласию стороны могут выбрать право обычного места жительства или гражданства одной из них; если такой выбор не сделан, применяется право их общего обычного места жительства; при его отсутствии – право общего гражданства; при его отсутствии – право места нахождения компетентного органа (ст. 26). Развод по суду регулируется *lex fori* (ст. 27)³. Условия и форма усыновления регулируются правом обычного места жительства усыновителя и усыновляемого; последствия усыновления – правом обычного места жительства усыновителя на момент усыновления; прекращение отношений усыновления – правом обычного места жительства усыновителя на момент усыновления или *lex fori* (ст. 28)⁴. Цель кумулятивной привязки ст. 28 состоит в том, чтобы защитить интересы ребенка и одновременно обеспечить его адаптацию в новой стране. Алименты регулируются правом обычного места жительства, правом гражданства или правом места нахождения основного имущества стороны, в зависимости от того, какое из них лучше защищает бенефициара (ст. 29). Опекa регулируется правом обычного места жительства или правом гражданства стороны, в зависимости от того, какое из них лучше защищает опекаемого (ст. 30).

Таким образом, особенностями регулирования в этой сфере выступают привязка к праву места жительства и наличие сложных (альтернативных) привязок, призванных обеспечить защиту слабой стороны и действительность юридических фактов (прежде всего брака). В одном из дел Ху (Канада) и Юй (бабушка и дедушка Чжэна, проживавшего в Шанхае, родители которого умерли) просили отменить опеку, но в итоге договорились, что Юй будет временно выступать в качестве опекуна, а Ху будет иметь право навещать Чжэна раз в 2–3 недели; оба будут иметь право посещать школу Чжэна, чтобы узнать о ходе его обучения. Суд счел, что применение права КНР в большей степени соответствует интересам Чжэна (Суд района Миньхан, Шанхай, 2015)⁵.

кровных связей или связей по боковой линии в пределах трех поколений. Брак может быть признан недействительным, если он был заключен под угрозой принуждения, одна из сторон страдает серьезным заболеванием, о котором она не сообщила другой стороне до заключения брака; в таких случаях допускается возмещение убытков (см. ст. 1047–1054 ГК КНР).

¹ Хо Чжэнсинь отмечает, что возможна ситуация, когда у сторон нет общего места жительства или гражданства, а их брак заключен в стране, к которой они не имеют отношения: в этой ситуации единственным вариантом является применение принципа тесной связи (ст. 2 Закона), уточнение которого, однако, может оказаться проблематичным (*Huo Zhengxin. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. P. 664*).

² Как и в случае со ст. 21, при отсутствии привязок, перечисленных в ст. 23 и 24, выбор применимого права может оказаться проблемой.

³ В деле о разводе между Лянь (КНР) и Бэй (Австралия) (Суд уезда Тунлу, Чжэцзян, 2014) истец утверждал, что в результате разлада между сторонами ответчик вернулся в Австралию и семейная жизнь стала невозможной; обе стороны просили суд вынести решение о разводе. Суд применил право КНР, отметив, что критерием для принятия решения о разводе является отсутствие эмоциональной основы брака: поскольку стороны решили развестись, эмоциональная привязанность между ними исчезла и развод должен состояться. Суды КНР также часто учитывают длительное раздельное проживание супругов (*Chinese Private International Law. P. 127–128*).

⁴ В 2005 г. Китай присоединился к Конвенции о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г.

⁵ *Chinese Private International Law. P. 131*.

Еще одной особенностью является возможность выбора права для некоторых категорий отношений. В деле о разводе между Да (США) и Чжэном (КНР) истец выбрал право страны гражданства ответчика (КНР), а ответчик в ходе процесса согласился с этим выбором; суд, соответственно, применил право КНР (Суд района Сячэн, Ханчжоу, провинция Чжэцзян, 2016)¹.

Китайские суды считают, что полигамные браки противоречат публичному порядку КНР и отказывают в признании вторых браков. Они также не признают однополых браков. Так, в 2016 г. Суд района Фужун (округ Чанша, провинция Хунань) отказал истцу, требовавшему признать однополый брак между Сунь Вэньлинем и Ху Вэньляном, подчеркнув, что принцип моногамии требует, чтобы супруги были мужчиной и женщиной. Некоторые китайские авторы выступают за возможность признания однополых браков, заключенных иностранцами, которые становятся все более частым явлением. В 2014 г. британский консул в Шанхае Б. Дэвидсон женился на своем китайском бойфренде; брак был заключен в резиденции британского посла; в этом особом случае однополый брак был признан².

Наследование по закону регулируется правом обычного места жительства наследодателя, но наследование недвижимого имущества – правом места его нахождения (ст. 31). Завещание признается, если его форма соответствует праву обычного места жительства или праву гражданства наследодателя на момент составления завещания или на момент смерти либо праву места составления завещания (ст. 32). Действие завещания регулируется правом обычного места жительства или правом гражданства наследодателя на момент составления завещания или на момент смерти (ст. 33). Управление наследством регулируется правом места нахождения имущества (ст. 34). Судьба выморочного имущества определяется правом места нахождения имущества на момент смерти наследодателя (ст. 35).

В деле о наследстве Канснова (Суд средней инстанции, Харбин, 1986) наследодатель, гражданин СССР, оставил движимое имущество в Китае. Суд установил, что наследодатель имел обычное место жительства в Китае, и применил право КНР.

Заключение

Китайская наука МЧП является довольно молодой и в основном ориентируется на западные тренды, к числу которых относятся дифференциация, материализация и диспозитивность регулирования (в этом ее отличие от китайской науки международного публичного права). Многие китайские специалисты учились или преподавали в европейских университетах; в их работах, переведенных на английский язык, практически отсутствует идеологический элемент и часто содержится критика позиций законодателя. Почти все они имеют юридическую практику и в академических исследованиях фокусируются на судебном правоприменении (а не на высокой теории).

Закон о применении права символизирует новый этап в развитии МЧП КНР: закрепленная в нем система коллизионных норм достаточно дифференцирована и включает альтернативные привязки, призванные обеспечить гибкое и учитывающее интересы слабой стороны регулирование. Закон, однако, имеет несколько недостатков: он не конкретизирует принципы тесной связи и характерного исполнения, не определяет критерии применения альтернативных норм и содержит несколько привязок, требующих уточнения. В результате он не обеспечивает предсказуемого регулирования и может провоцировать китайские суды на применение отечественного права. Данные недостатки были частично преодолены благодаря интерпретационной деятельности ВНС.

Список литературы

Ма Синь. Подлежащее применению право к трансграничным договорам в Китае: теория и практика // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 1. С. 83–88.

Chen Weizuo. The Necessity of Codification of China's Private International Law and Arguments for a Statute on the Application of Laws as the Legislative Model (2009). URL: <https://www.tsinghuachinalawreview.law.tsinghua.edu.cn> (дата обращения: 01.09.2025).

¹ Chinese Private International Law. P. 129.

² Ibid. P. 125–126.

Chinese Private International Law / ed. by Xiaohong Liu, Zhengyi Zhang. Oxford: Hart Publishing, 2021. 308 p.

Du Huanfang. An Overview of Choice of Jurisdiction and Law of Foreign-related Cases in China // *Journal of Cambridge Studies*. 2009. Vol. 4. No. 4. P. 72–81.

Du Huanfang. The Choice of Law for Property Rights in Mainland China: Progress and Imperfection // *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe* / ed. by J. Basedow, K. B. Pißler. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. P. 101–117.

Du Tao, Yang Zhenni. Promulgation of the Interpretation of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Application of International Treaties and International Practices in the Trial of Foreign-related Civil and Commercial Cases (February 6, 2024). URL: <https://conflictoflaws.net/2024/promulgation-of-the-interpretation-of-the-supreme-peoples-court-on-several-issues-concerning-the-application-of-international-treaties-and-international-practices-in-the-trial-of-foreign-rela> (дата обращения: 01.09.2025).

Du Tao. The New Chinese Conflict-of-Law Rules for Legal Persons: Is the Middle Way Feasible? // *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe* / ed. by J. Basedow, K. B. Pißler. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. P. 331–348.

Guangjian Tu. *Private International Law in China*. N. Y.: Springer, 2016. 192 p.

Guo Yujun. Personal Status in Chinese Private International Law Reform // *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe* / ed. by J. Basedow, K. B. Pißler. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. P. 265–280.

He Qinsheng. Recent Developments of New Chinese Private International Law with Regard to Contracts // *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe* / ed. by J. Basedow, K. B. Pißler. Tübingen: Mohr Siebeck, 2014. P. 157–179.

Huo Zhengxin. Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law // *Revue juridique Thémis*. 2011. Vol. 45. P. 637–684.

Huo Zhengxin. The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution // *Chinese Journal of Global Governance*. 2015. Vol. 1. P. 174–191.

Jin Huang. On the Process of China's Private International Law in the Past Decade // *Private International Law in East Asia from Imitation to Innovation and Exportation* / ed. by O. Gaillard, K. Nadakavukaren Schefer. Oxford: Hart Publishing, 2024. P. 63–78.

Nancy Hou. The Preservation System of Public Order in International Private Law // *SHS Web of Conferences*. 2024. 183. 02013. P. 1–4.

Qingjiang Kong, Hu Minfei. The Chinese Practice of Private International Law // *Melbourne Journal of International Law*. 2002. Vol. 3. No. 2. P. 414–435.

Suk Kwang Hyun. Some Observations on the Chinese Private International Law Act // *Zeitschrift für Chinesisches Recht*. 2011. P. 105–115.

Yuko Nishitani. Party Autonomy in Contemporary Private International Law. The Hague Principles on Choice of Law and East Asia // *Japanese Yearbook of International Law*. 2016. Vol. 59. P. 300–344.

Zheng (Sophia) Tang. International Treaties in Chinese Private International Law // *Hong Kong Law Journal*. 2012. Vol. 42. P. 597–632.

References

Chen Weizuo (2009) *The Necessity of Codification of China's Private International Law and Arguments for a Statute on the Application of Laws as the Legislative Model*, available at: <https://www.tsinghuachinalawreview.law.tsinghua.edu.cn> (accessed: 01.06.2025).

Du Huanfang (2009) An Overview of Choice of Jurisdiction and Law of Foreign-related Cases in China. In *Journal of Cambridge Studies*, vol. 4, no. 4, pp. 72–81.

Du Huanfang (2014) The Choice of Law for Property Rights in Mainland China: Progress and Imperfection. In Basedow J., Pißler K. B. (Eds.) *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe*. Tübingen, Mohr Siebeck, pp. 101–117.

Du Tao (2014) The New Chinese Conflict-of-Law Rules for Legal Persons: Is the Middle Way Feasible? In Basedow J., Pißler K. B. (Eds.) *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe*. Tübingen, Mohr Siebeck, pp. 331–348.

Du Tao, Yang Zhenni (2024) *Promulgation of the Interpretation of the Supreme People's Court on Several Issues Concerning the Application of International Treaties and International Practices in the Trial of Foreign-related Civil and Commercial Cases* (February 6), available at: <https://conflictoflaws.net/2024/promulgation-of-the-interpretation-of-the-supreme-peoples-court-on-several-issues-concerning-the-application-of-international-treaties-and-international-practices-in-the-trial-of-foreign-rela> (accessed: 01.06.2025).

Guangjian Tu (2016) *Private International Law in China*. New York, Springer, 192 p.

Guo Yujun (2014) Personal Status in Chinese Private International Law Reform. In Basedow J., Pißler K. B. (Eds.) *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe*. Tübingen, Mohr Siebeck, pp. 265–280.

He Qinsheng (2014) Recent Developments of New Chinese Private International Law with Regard to Contracts. In Basedow J., Pißler K. B. (Eds.) *Private International Law in Mainland China, Taiwan and Europe*. Tübingen, Mohr Siebeck, pp. 157–179.

Huo Zhengxin (2011) Highlights of China's New Private International Law Act: From the Perspective of Comparative Law. In *Revue juridique Thémis*, vol. 45, pp. 637–684.

Huo Zhengxin (2015) The Statutory Reform of Chinese Private International Law in Property Rights: A Silent Revolution. In *Chinese Journal of Global Governance*, vol. 1, pp. 174–191.

Jin Huang (2024) On the Process of China's Private International Law in the Past Decade. In Gaillard O., Nadakavukaren Schefer K. (Eds) *Private International Law in East Asia from Imitation to Innovation and Exportation*. Oxford, Hart Publishing, pp. 63–78.

Ma Sin' (2018) Podlezhashchee primeneniye pravo k transgranichnym dogovoram v Kitae: teoriya i praktika [Applicable Law to Cross-Border Contracts in China: Theory and Practice]. In *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, no. 1, pp. 83–88.

Nancy Hou (2024) The Preservation System of Public Order in International Private Law. In *SHS Web of Conferences*, 183, 02013, pp. 1–4.

Qingjiang Kong, Hu Minfei (2002) The Chinese Practice of Private International Law. In *Melbourne Journal of International Law*, vol. 3, no. 2, pp. 414–435.

Suk Kwang Hyun (2011) Some Observations on the Chinese Private International Law Act. In *Zeitschrift für Chinesisches Recht*, pp. 105–115.

Xiaohong Liu, Zhengyi Zhang (Eds.) (2021) *Chinese Private International Law*. Oxford, Hart Publishing, 308 p.

Yuko Nishitani (2016) Party Autonomy in Contemporary Private International Law. The Hague Principles on Choice of Law and East Asia. In *Japanese Yearbook of International Law*, vol. 59, pp. 300–344.

Zheng (Sophia) Tang (2012) International Treaties in Chinese Private International Law. In *Hong Kong Law Journal*, vol. 42, pp. 597–632.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.06.2025

Дата принятия рукописи в печать: 15.09.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_24

АПЕЛЛЯЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Селенцов Григорий Андреевич

Аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0001-5447-9868, e-mail: advocateselentsov@gmail.com.

В статье описываются особенности апелляционного производства в уголовном процессе Англии и Уэльса, США, Франции и Российской Федерации. Данный институт рассматривается через призму свободы обжалования, источников регулирования, субъектов – лиц, обладающих правом обжалования, оснований обжалования, процедуры производства в суде апелляционной инстанции, пределов обжалования приговора, института «поворота к худшему», решений, выносимых судом апелляционной инстанции, момента вступления приговора в законную силу.

Ключевые слова: апелляционное производство, уголовный процесс, Великобритания, Франция, США, Россия

Для цитирования: Селенцов Г. А. Апелляционное производство в уголовном процессе в западных странах и Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 24–33. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_24.

APPEAL PROCEEDINGS IN CRIMINAL PROCESS IN WESTERN COUNTRIES AND THE RUSSIAN FEDERATION

Selentsov Grigoriy

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0001-5447-9868, e-mail: advocateselentsov@gmail.com.

The article deals with the peculiarities of appeal proceedings in the criminal process of England and Wales, the USA, France and the Russian Federation. This institute is considered through the prism of freedom of appeal, sources of regulation, subjects – persons who have the right to appeal, grounds for appeal, peculiarities of proceedings in the court of appeal, limits of appeal of the sentence, the institute of «turn for the worse», decisions made by the court of appeal, the moment of entry of the sentence into legal force.

Key words: appeal proceedings, criminal process, Great Britain, France, USA, Russia

*For citation: Selentsov G. (2025) Appeal proceedings in criminal process in Western countries and the Russian Federation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 24–33, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_24.*

Институт пересмотра приговоров возник в Древнем Риме в 449 г. до н. э.¹ и активно используется до сих пор. Рассмотрим механизмы и особенности апелляционных производств в странах англосаксонского и континентального права.

В Англии и Уэльсе, в отличие от стран континентального права, под апелляцией понимается обжалование решения любого суда, рассмотревшего уголовное дело по существу. В Великобритании велика роль источников неписаного права в формировании прецедентной практики по процедуре рассмотрения апелляционных жалоб,

¹ Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. С. 521.

критериев нарушений норм материального, процессуального права, «ненадежности» вердикта присяжных заседателей и т. д.

Рассмотрим специфику апелляционного производства в Англии и Уэльсе.

1. Решения Суда короны, рассмотренные с участием присяжных заседателей, могут быть обжалованы стороной защиты только при получении разрешения (*leave*) Суда короны (того же судьи, что вынес приговор). В случае же отказа в получении разрешения правом сторона защиты имеет право обратиться с ходатайством в Апелляционный суд о получении разрешения на подачу апелляции в течение 14 дней (рассматривается коллегиально, требуется разрешение одного из судей). Также осужденный имеет право обратиться в Комиссию по пересмотру уголовных дел (в случае неудовлетворения ходатайств в вышеперечисленных судах), которая наделена полномочиями по передаче апелляционной жалобы в Апелляционный суд.

2. Срок обжалования решения суда первой инстанции составляет 28 дней, что намного выше по сравнению со странами континентального права (в Российской Федерации – 15 дней, во Французской Республике – 10 дней).

3. Выделяют два вида апелляции: против решения о виновности (*appeal against conviction*) или о невиновности (*appeal against acquittal*) и против меры наказания / решения о мере наказания (*appeal against sentence*). В зависимости от этого будет обжаловаться вердикт присяжных или приговор Суда короны (оба решения оформляются в виде отдельных процессуальных документов). Также апелляционные жалобы подразделяются на жалобы по вопросам права (неправильное применение норм материального или процессуального права) и вопросам фактов (недоказанность обвинения, неправильное установление фактических обстоятельств дела и т. д.). Наконец, бывают апелляции на приговор магистратского суда, рассмотренный в порядке суммарного производства, и на решение Суда короны, рассмотренное по делам о преступлениях, преследуемых с обвинительным актом¹.

4. Наличие запрета на обжалование приговоров суда присяжных стороной обвинения, за исключением следующих случаев:

а) «ненадежность» вердикта присяжных заседателей (*conviction is unsafe*) (ст. 2 Закона об апелляции 1968 г.). Критерий «ненадежности» имеет обширное содержание. Данный факт дает огромную свободу судейского усмотрения как для удовлетворения, так и для отказа в удовлетворении жалобы судом даже при наличии нарушений норм материального и процессуального права²;

б) обращение за выдачей приказа *venire de novo* («создать суд снова»). Если апелляционный суд примет апелляцию на рассмотрение и если того будут требовать интересы правосудия, выраженные в нарушении закона, то дело подлежит пересмотру (ст. 7–8 Закона об апелляции 1968 г.). Формулировка «интересы правосудия» – расплывчатая, ее критерии постепенно вырабатываются прецедентной практикой апелляционного суда;

в) подача жалобы в Высокий суд на предмет оказания давления на присяжных или на иных участников судопроизводства. В случае подтверждения доводов, изложенных в жалобе, суд аннулирует решение Суда короны, судебное производство возобновляется и начинается с самого начала. Т. В. Апарова перечисляла следующие варианты оказания давления: председательствующий проинформировал присяжных, что если они не вынесут вердикт в течение нескольких минут, то их задержат в суде до следующего дня (судебный процесс «*R. v. McKenna*» 1956 г.); председательствующий послал записку, в которой угрожал роспуском, если присяжные не поторопятся (судебный процесс «*R. v. Rose*» 1982 г.)³.

5. Возможность «поворота к худшему». Сторона обвинения может обжаловать приговор, вынесенный Судом короны, по мягкости наказания в Апелляционный суд (ст. 36 Закона об уголовной юстиции 1988 г.). Процедура подачи жалобы аналогична рассмотренной выше.

¹ Уголовный процесс западных государств / под ред. К. Ф. Гуценко. М.: Зерцало-М, 2002. С. 151.

² Камнев А. С. Становление форм и оснований пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в Англии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право. 2013. Т. 9. Вып. 2. С. 165.

³ Апарова Т. В. Суд и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М.: Ин-т междунар. права и экономики; Триада Лтд, 1996. С. 120.

6. Решения магистратских судов, вынесенных в порядке суммарного производства, могут быть обжалованы по правовым основаниям в Высокий суд или в Суд короны по любому основанию, также сторона не лишена возможности последовательно обратиться вначале в Суд короны, затем в Высокий суд. Срок на подачу апелляционной жалобы составляет 21 день. При подаче жалобы в Суд короны сторонам не требуется получение разрешения для подачи апелляционной жалобы. В остальных случаях процедура аналогична применяемой при обжаловании решений Суда короны¹.

7. Наличие запрета на предоставление новых доказательств в суде апелляционной инстанции (в Российской Федерации действует схожее правило). Исключение составляют случаи, когда суд находит уважительными причины непредоставления доказательств, доказательство было необоснованно признано недопустимым, суд по собственной инициативе запросил определенные доказательства, повторно вызвал свидетеля для допроса в суде апелляционной инстанции и т. д. (ст. 23 Закона об апелляции 1968 г.).

Рассмотрим, как происходит производство в Апелляционном суде при обжаловании решения Суда короны. Жалоба рассматривается в составе трех профессиональных судей с вызовом сторон. Каждая из сторон высказывается по поданной жалобе. Далее если есть необходимость, то суд запрашивает, исследует доказательства, вызывает на допрос свидетелей, если без их допроса невозможно рассмотрение жалобы.

По результатам рассмотрения жалобы суд уполномочен вынести одно из следующих решений: отклонить апелляцию; вынести альтернативный вердикт, т. е. вместо вердикта о виновности в одном преступлении признать достаточными имеющиеся доказательства виновности в другом преступлении, наказание при этом не должно превышать прежнюю меру и максимальный предел, установленный за данное преступление; вернуть дело на новое рассмотрение, если им были получены новые доказательства, или издать приказ *venire de novo* о повторном рассмотрении дела в случае обнаружения существенных нарушений уголовно-процессуального закона; аннулировать вердикт о виновности по причине неспособности осужденного осознавать фактический характер совершенных им действий в силу психического расстройства и издать приказ о помещении обвиняемого в специализированное учреждение; смягчить наказание за исключением категории дел, по которым предусмотрено конкретное наказание (ст. 11–13 Закона об апелляции 1968 г.).

В США, как и в Англии и Уэльсе, огромное влияние на судебную систему, в том числе на апелляционное производство, оказывают источники неписаного права (прецеденты), но также постепенно растет влияние статутного (писаного) права (Свод законов США, Федеральные правила апелляционного производства, Уголовно-процессуальный кодекс штата Техас). Под апелляцией в США, как и в Англии, принято понимать обжалование любых видов решений.

В отличие от Англии, судебной системе США присущ федерализм и дуализм. Как верно подметил У. Бернам, «утверждать, что существует „судебная система Соединенных Штатов“, означало бы ввести читателя в заблуждение, потому что в действительности в США имеется 51 различная судебная система: система федеральных судов и самостоятельная судебная система в каждом из 50 штатов. Что же касается права штата, то каждая правовая система штата является отдельной закрытой системой»². Таким образом, есть две параллельные системы: судебная система штатов, федеральная система – и Верховный суд, который стоит над обеими системами.

Существуют два суда апелляционной инстанции: промежуточный апелляционный суд (*Court of Appeal*) и суд последней инстанции (*Supreme Court*).

Как уже было сказано, в Англии и Уэльсе сложился барьер на «свободу обжалования» приговоров, вынесенных судом присяжных. В свою очередь, в США гарантировано право обжалования аналогичных приговоров, вынесенных судом первой инстанции, в промежуточный апелляционный суд. Апелляции различают в зависимости от того, обжалует ли защитник виновность или наказание либо жалоба подана по вопросам права или факта.

¹ Уголовный процесс западных государств. С. 159–161.

² Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. С. 296.

Необходимо отметить, что обжаловать приговор, вынесенный судом присяжных, по вопросам факта крайне затруднительно, так как прецедентная практика апелляционных судов сводится к незыблемым постулатам:

преобладание устных показаний над письменными. Несмотря на наличие у суда апелляционной инстанции стенограммы судебного процесса, письменных протоколов, невозможно подменить устные показания, данные в суде;

седьмая поправка к Конституции устанавливает запрет на перепроверку фактов, установленных судом присяжных. У. Бернам отметил, что «право на суд присяжных не значило бы много, если судья суда первой инстанции или судья апелляционного суда мог бы легко отменить выводы присяжных в случае несогласия с ними»¹. Иными словами, факты, установленные присяжными в суде первой инстанции, не подлежат пересмотру.

Обжалование приговора по вопросам права возможно по единственному основанию – «существенная правовая ошибка». А. С. Камнев приводит следующие случаи, попадающие под вышеуказанное определение: проведение судебного разбирательства в отсутствие подсудимого (за исключением случаев, указанных в законе), удаление жюри без судебного решения (жюри удалилось без судебного разрешения; приговор вынесен без учета мнения присяжных заседателей; большому жюри было неверно представлено толкование закона судом), преступление, за которое был осужден обвиняемый, не подкреплено доказательствами или обвиняемый осужден за более тяжкое преступление².

В случае признания вины у стороны защиты есть возможность обжаловать приговор только по вопросам нарушения материального и процессуального права, назначения сурового наказания за пределами, установленными законом или Федеральным руководством по назначению наказания (ст. 3472 Свода законов США).

В отличие от других стран, в США существует понятие «легкомысленной жалобы» (*frivolous claim*) – явно несостоятельной и недостаточно мотивированной и лишенной оснований исходя из материалов дела. Такая жалоба практически не имеет шансов на удовлетворение. В случае подачи подобной жалобы суд может усилить наказание, увеличить сумму штрафа в качестве меры воздействия за явное злоупотребление правом стороной защиты.

Сторона обвинения лишена права обжаловать оправдательные приговоры, за исключением следующих случаев:

1) обжалование наказания, назначенного судом, в связи с мягкостью;

2) наличие оснований для повторного проведения слушания: отклонение обвинительного акта (прекращение производства судом), нарушение принципа допустимости доказательств, нарушение принципа повторного привлечения к ответственности.

У стороны защиты есть 14 дней, чтобы подать уведомление об апелляции, у обвинения в лице правительства – 30 дней (ст. 4 Федеральных правил апелляционного производства). Затем в течение 40 дней должно быть составлено мотивированное решение с прилагаемыми копиями судебных решений, расшифрованных стенограмм, иных документов, на которые ссылается сторона. Далее в течение 30 дней происходит подготовка к судебному заседанию, стороны и судьи апелляционного суда изучают поступившую жалобу. Судебное заседание проходит в неформальной обстановке, стороны имеют возможность кратко высказаться по существу жалобы (15–20 мин). После рассмотрения жалобы апелляционный суд в составе трех судей выносит одно из следующих решений: отказать в удовлетворении жалобы и оставить решение суда без изменения, удовлетворить жалобу и прекратить производство по делу, вернуть дело на новое рассмотрение³.

Отдельно стоит сказать об апелляции в Верховный суд США. Апелляция возможна по нескольким основаниям:

1) если в апелляционной жалобе затрагивается вопрос, имеющий федеральное значение; если решение одного апелляционного суда противоречит решению другого апелляционного суда по аналогичному спору или же решению Верховного суда

¹ Бернам У. Указ. соч. С. 298.

² Камнев А. С. Указ. соч. С. 167.

³ Уголовный процесс западных государств. С. 159–161.

США; если апелляционный суд рассматривает вопрос, имеющий федеральное значение, который не был, но должен был быть разрешен Верховным судом США. В этом случае Верховный суд издает приказ *writ of certiorari*¹;

2) если возник вопрос, требующий разъяснения Верховного суда США, и федеральный апелляционный суд обращается в высший суд страны с соответствующей просьбой. У суда есть возможность дать разъяснения или истребовать дело в Верховный суд для рассмотрения жалобы по существу (ст. 24–25 Правил Верховного суда США).

В странах континентального права стороны имеют безусловное право на подачу апелляционной жалобы во вторую инстанцию, в отличие от стран англосаксонского права.

Во Франции апелляционное производство регулируется Уголовно-процессуальным кодексом. Право на обжалование содержится в преамбуле УПК Франции: «Каждый осужденный имеет право на рассмотрение его приговора другим судом».

Во Франции, в отличие от Англии и США, есть четкое разделение досудебной и судебной стадий в уголовном процессе, в связи с чем апелляционное производство возможно как на досудебной стадии, так и при вынесении итогового судебного решения. Решения полицейских и исправительных судов обжалуются в апелляционный суд, решения суда ассизов – в апелляционный суд ассизов, решения, принимаемые на досудебной стадии, – в следственную камеру апелляционного суда.

Право на обжалование имеет любой субъект права, чьи права тем или иным образом затрагиваются вынесенным решением.

Французские специалисты выделяют два способа обжалования не вступивших в законную силу приговоров: оппозиция и апелляция.

Оппозиция (*opposition*) – способ обжалования решений исправительных и полицейских судов, которые были вынесены в порядке заочного производства (*par défaut*). Данный вид обжалования применяется в основном по делам о проступках и правонарушениях, по категории преступлений такой способ обжалования не применяется. Правом на оппозицию в основном наделена сторона защиты, сторона обвинения лишена этого права (поскольку присутствие прокурора обязательно при рассмотрении обозначенной категории дел), гражданский истец имеет право обжалования только в случае ненадлежащего уведомления².

«Жалоба подается в течение 10 суток с момента получения уведомления о решении и рассматривается тем же судом, что вынес заочное решение. Суд не связан с решением, вынесенным в порядке заочного производства, как и не действует правило „запрета поворота к худшему“. В случае повторной неявки подсудимого суд выносит аналогичное решение»³.

«Апелляция (*appel*) – классическая форма обжалования решения суда первой инстанции, характерная для всех стран континентального права (в том числе и для России). Во Франции апелляционному обжалованию подлежат решения всех судов за исключением наказания, назначенного полицейскими судами (трибуналами) в виде незначительного штрафа»⁴.

Как уже было сказано, решения суда ассизов обжалуются в апелляционный суд ассизов. Сторонам дается 10 суток на обжалование приговора (ст. 380-9 УПК Франции). Противоположной стороне дается 5 суток на подачу встречной жалобы. Жалоба подается в секретариат суда, рассмотревшего уголовное дело по существу. Жалоба может быть подана как по правовым, так и по фактическим основаниям.

Характерной особенностью апелляционного производства Франции является то, что подача жалобы приостанавливает вступление приговора в законную силу. Апелляционное производство осуществляется по правилам первой инстанции суда ассизов с изъятиями, присущими суду апелляционной инстанции. Производство ведется

¹ Камнев А. С. Указ. соч. С. 167.

² Уголовный процесс западных государств. С. 392.

³ Матейчук В. И. Сравнительная характеристика правовой регламентации производства в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных стран // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4. С. 164–165.

⁴ Валеев А. Т. Ограничение права на обжалование судебных решений по уголовным делам в законодательстве европейских государств, решениях Европейского Суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН // Российское правосудие. 2016. № 4. С. 23.

тремя судьями и 12 присяжными заседателями. Обе стороны могут заявить шесть немотивированных отводов.

Апелляционное производство проходит в пределах заявленных доводов. Суд не наделен полномочиями выходить за пределы жалобы. Для таких ситуаций стороны используют встречные жалобы, чтобы расширить пределы апелляционного рассмотрения. Суд вправе исследовать, запрашивать новые доказательства, повторно допрашивать свидетелей, указанных в жалобе.

Суд лишен возможности вернуть дело на повторное разбирательство. Он обладает следующими полномочиями: оставить решение без изменения, изменить решение суда первой инстанции. Также действует «запрет поворота к худшему» в случае обжалования приговора стороной защиты (ст. 380-6 УПК Франции)¹.

Особо следует отметить сокращенные сроки обжалования решения судьи по свободам и заключения об удовлетворении / отказе в удовлетворении ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (должно быть подано через один день с даты вынесения решения). Жалоба подается в следственную камеру апелляционного суда. Также у стороны защиты есть возможность подать ходатайство вместе с апелляционной жалобой о немедленном освобождении из-под стражи (*référé-liberté*) председателю следственной камеры. Данное ходатайство подлежит рассмотрению не позднее второго рабочего дня после подачи ходатайства. В случае удовлетворения ходатайства обвиняемый подлежит немедленному освобождению (ст. 187-1 УПК Франции). В ином случае обвиняемый ждет рассмотрения его апелляционной жалобы. Помимо этого обвиняемый может запросить ускоренного рассмотрения его апелляционной жалобы, которое должно произойти не позднее пяти суток с момента поступления ходатайства (ст. 187-2 УПК Франции)².

Стороны имеют возможность обжаловать ряд постановлений следственного судьи в порядке досудебного производства: постановление о привлечении в качестве обвиняемого, постановление о прекращении производства по уголовному делу, признание процессуального акта недействительным.

Россия относится к странам континентального права с некоторыми особенностями: любой участник уголовного судопроизводства, чьи права затрагивает вынесенное решение, имеет возможность обжаловать решение суда первой инстанции (в отличие от Франции); расширен перечень оснований для обжалования решений суда первой инстанции как по фактическим, так и по правовым основаниям (в отличие от Англии и США); есть возможность проверить законность приговора в полном объеме, независимо от доводов, изложенных в жалобе (в отличие от вышеперечисленных стран); расширены полномочия суда по результатам рассмотрения апелляционных жалоб.

Как и в странах континентального права, в России гарантировано право на обжалование всех решений суда первой инстанции (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ), а также предусмотрено апелляционное производство на досудебных стадиях: обжалование решений суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, обжалование решений суда, вынесенных в порядке жалоб на действия, бездействие следователей, прокуроров, вынесенных в рамках досудебного производства, обжалование решений суда в порядке ст. 165 УПК РФ (производство обыска, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления и т. д.). В России, как и в других странах континентального права, в уголовном процессе преобладают писанные источники права: Конституция РФ, УПК РФ, а также ряд федеральных конституционных и федеральных законов.

В России широкий круг лиц имеет право апелляционного обжалования: осужденный, его защитник, государственный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, законные представители несовершеннолетних, лицо, в отношении которого принято решение о выдаче для уголовного преследования и исполнения, лицо, чьи права были нарушены (заинтересованное лицо) в результате вынесенного судебного решения³.

¹ Матейчук В. И. Указ. соч. С. 165.

² Уголовный процесс западных государств. С. 355–356.

³ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова, Т. Ю. Вилкова, Д. П. Великий. 4-е изд. М.: Норма, 2019. С. 803–804.

Срок для подачи жалобы (представления) составляет 15 суток с даты вынесения решения, у осужденного – с даты получения решения. Жалоба (представление) подается через суд первой инстанции, вынесший решение.

Перечень оснований для обжалования приговора значительно шире, чем в Англии, США и Франции:

- 1) фактические основания;
- 2) нарушение норм материального и процессуального права;
- 3) чрезмерная мягкость или суровость назначенного наказания;
- 4) выявление оснований для возвращения уголовного дела прокурору;
- 5) нарушение лицом условий досудебного соглашения о сотрудничестве (ст. 389.15 УПК РФ).

В России, как и во Франции, существует «запрет поворота к худшему» при подаче жалобы стороной защиты.

Все решения, принимаемые судом, делятся на подлежащие самостоятельному обжалованию и подлежащие обжалованию с итоговым судебным актом.

Характерной чертой апелляционного производства в России являются широкие полномочия суда апелляционной инстанции по проверке приговора и по вынесению решения. Суд не связан с доводами апелляционной жалобы и может проверить производство по уголовному делу в полном объеме на предмет законности, справедливости и обоснованности приговора¹.

В России все решения, принимаемые судом, делятся на итоговые (завершающие производство по уголовному делу) и промежуточные (все остальные решения суда). Последние делятся на подлежащие самостоятельному обжалованию до вынесения приговора (решение о приостановлении, прекращении производства по делу, об аресте имущества, избрании меры пресечения и т. д.) и подлежащие обжалованию с итоговым судебным актом (определения о порядке исследования доказательств, об отводе, об отказе возвращения уголовного дела прокурору и т. д. – пп. 4–6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 (ред. от 27 июня 2023 г.) «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»).

Жалобы на решения мирового судьи рассматриваются одним профессиональным судьей районного суда, жалоба на решение районного (гарнизонного) судьи – коллегией в составе трех судей областного и любого приравненного к нему суда. Рассмотрение жалобы должно начаться не позднее 15 суток (районный суд) и 30 суток (областной суд).

Производство в суде второй инстанции аналогично производству в суде первой инстанции за исключением некоторых особенностей:

первым выступает лицо, подавшее жалобу;

новые доказательства могут быть приняты судом апелляционной инстанции. Сторона должна обосновать причины, по которым не могла представить эти доказательства в суде первой инстанции;

суд имеет право повторно исследовать доказательства, вызывать свидетелей, экспертов, провести повторную экспертизу. Не лишены такого права и стороны, путем заявления соответствующих ходатайств.

В России, в отличие от других стран, после рассмотрения жалобы (представления) суд может:

1) оставить решение суда первой инстанции без изменения;

2) отменить приговор и вынести новый приговор. В силу контрольно-проверочных полномочий суда апелляционной инстанции суд при выявлении неправильно установленного фактических обстоятельств, неправильного применения уголовного закона и иных оснований может самостоятельно отменить приговор и вынести по делу новый приговор. Это правило не распространяется на отмену оправдательного приговора по представлению прокурора и жалобе потерпевшего, в таком случае приговор должен быть отменен, а дело направлено на новое рассмотрение;

3) отменить приговор и вернуть дело в суд первой инстанции со стадии судебного разбирательства. Данная ситуация возникает в случае нарушения норм материального и процессуального права, которые не могут быть устранены судом апелляци-

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. С. 812.

онной инстанции (нарушение права на защиту, выраженное в расхождении позиции адвоката и подсудимого по вопросу признания вины, и т. д.);

4) отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору, например в случае обнаружения судом апелляционной инстанции оснований, предусмотренных ст. 237 УПК РФ (обвинительный акт или постановление составлены с нарушением действующего закона);

5) отменить приговор и прекратить производство по делу. Данная ситуация может возникнуть при примирении осужденного и потерпевшего и заглаживании вреда потерпевшему по преступлениям небольшой и средней тяжести, в случае признания судом апелляционной инстанции деятельного раскаяния по некоторым категориям преступлений (например, дача взятки);

6) изменить приговор. Данное решение выносится, если суд апелляционной инстанции придет к выводу о переквалификации вмененного преступления, исключении квалифицирующего признака, усилении наказания, изменении суммы материального ущерба и т. д.;

7) прекратить апелляционное производство. Данное решение принимается в случае отказа подсудимого (или иного лица, подавшего жалобу) от апелляционной жалобы¹.

Хочется отметить сокращенные сроки подачи апелляционных жалоб на постановления суда об избрании, продлении меры пресечения в виде заключения под стражу (избрании иных мер пресечения) – трое суток с даты оглашения решения. Такой же сокращенный срок установлен на рассмотрение апелляционной жалобы после ее поступления в суд апелляционной инстанции.

С момента вынесения решения суда апелляционной инстанции приговор вступает в законную силу (характерное свойство приговоров в странах континентального права).

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Особенности апелляционного производства, характерные для стран англосаксонского права:

под апелляцией понимается любая форма пересмотра решения;

апелляционное производство преимущественно регулируется неписаными источниками права;

право на подачу апелляции не связано с волеизъявлением сторон и зависит напрямую от судебных органов;

отсутствуют четко прописанная процедура апелляционного производства, основания для отмены, изменения решений;

приговор, вступивший в законную силу, по которому исчерпаны возможности обжалования, имеет статус закона и не может быть пересмотрен.

2. Отличительные черты апелляционного производства в Англии и Уэльсе:

отсутствие безусловного права на обжалование приговоров;

удлиненные сроки обжалования приговоров – 28 дней;

широкий круг органов, уполномоченных принять решение о передаче апелляционной жалобы в суд апелляционной инстанции: Суд короны, Апелляционный суд, Комиссия по пересмотру уголовных дел, Высокий суд, Верховный суд Великобритании;

запрет на подачу апелляционных жалоб стороной обвинения за исключением случаев, прописанных в законе: «ненадежность» вердикта присяжных заседателей (*conviction is unsafe*), получение стороной обвинения приказа *venire de novo* («созвать суд снова»), выявление обстоятельств оказания давления на присяжных или на иных участников судопроизводства;

свобода судейского усмотрения при отмене приговоров по процессуальным и материальным основаниям, вырабатываемая прецедентной практикой апелляционных судов.

3. Специфика апелляционного производства в США проявляется в следующем:

федерализм и дуализм в судебной системе, выраженный в наличии двух параллельных судебных систем: системы федеральных судов и самостоятельной системы в каждом из 50 штатов;

наличие института «легкомысленной жалобы» (*frivolous claim*);

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. С. 822–828.

единственное основание для обжалования приговора стороной защиты – «существенная правовая ошибка», критерии которой формируются прецедентной практикой вышестоящих судов;

запрет на обжалование приговоров стороной обвинения с некоторыми изъятиями: мягкость наказания, прекращение производства в суде, нарушение принципа допустимости доказательств, нарушение принципа повторного привлечения к ответственности. В каждом штате свой перечень изъятий;

Верховный суд США рассматривает вопросы по апелляционным жалобам, затрагивающим вопросы федерального значения, путем издания приказа *writ of certiorari*, а также в случае запроса, поступившего из апелляционного суда.

4. Отличительные признаки апелляционного производства в странах романо-германской правовой системы:

апелляция является одним из способов обжалования наряду с кассацией и пересмотром решений по вновь открывшимся обстоятельствам;

апелляционное производство регулируется писаными источниками права: конституциями, кодексами, федеральными законами;

признается безусловное право на обжалование судебных решений;

есть возможность обжалования на стадии досудебного производства решений суда и действий уполномоченных лиц;

апелляция приостанавливает действие приговора на момент обжалования.

5. Основные черты апелляционного производства Франции:

наличие двух способов обжалования: оппозиция и апелляция;

наличие института встречной апелляции;

апелляционный суд наделен полномочиями по проверке приговора только по доводам, заявленным в жалобе;

отсутствие полномочий суда апелляционной инстанции на возврат дела в суд первой инстанции;

право стороны защиты подать ходатайство о немедленном освобождении вместе с апелляционной жалобой (*référé-liberté*), с сокращенным сроком рассмотрения в течение двух рабочих дней.

6. Апелляционное производство Российской Федерации имеет следующие особенности:

широкий круг лиц, имеющих право на подачу апелляционной жалобы;

неограниченные полномочия суда апелляционной инстанции по проверке судебного решения в полном объеме независимо от доводов апелляционной жалобы;

расширенный перечень решений, принимаемых судом апелляционной инстанции.

Список литературы

Апарова Т. В. Суд и судебный процесс Великобритании. Англия, Уэльс, Шотландия. М.: Ин-т междунар. права и экономики; Триада Лтд, 1996. 157 с.

Бернам У. Правовая система США. М.: Новая юстиция, 2006. 1216 с.

Валеев А. Т. Ограничение права на обжалование судебных решений по уголовным делам в законодательстве европейских государств, решениях Европейского Суда по правам человека и Комитета по правам человека ООН // Российское правосудие. 2016. № 4. С. 23–34.

Камнев А. С. Становление форм и оснований пересмотра приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в Англии // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Право. 2013. Т. 9. Вып. 2. С. 165–174.

Матейчук В. И. Сравнительная характеристика правовой регламентации производства в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе Российской Федерации и зарубежных стран // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 4. С. 158–167.

Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. П. А. Лупинская, Л. А. Воскобитова, Т. Ю. Вилкова, Д. П. Великий. 4-е изд. М.: Норма, 2019. 1008 с.

Уголовный процесс западных государств / под ред. К. Ф. Гуценко. М.: Зерцало-М, 2002. 528 с.

Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб.: Альфа, 1996. Т. 2. 607 с.

References

Aparova T. V. (1996) *Sud i sudebnyi protsess Velikobritanii. Angliya, Uel's, Shotlandiya* [Court and legal process of Great Britain. England, Wales, Scotland]. Moscow, Institut mezhdunarodnogo prava i ekonomiki, Triada Ltd, 157 p.

Bernam U. (2006) *Pravovaya sistema SShA* [The US Legal System]. Moscow, Novaya yustitsiya, 1216 p.
Foinitskii I. Ya. (1996) *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva* [Criminal procedure course], ed. by Smirnova A. V. Saint-Petersburg, Al'fa, vol. 2, 607 p.

Gutsenko K. F. (Ed.) (2002) *Ugolovnyi protsess zapadnykh gosudarstv* [Criminal procedure in Western countries]. Moscow, Zertsalo-M, 528 p.

Kamnev A. S. (2013) Stanovlenie form i osnovanii peresmotra prigovorov, postanovlennykh sudom s uchastiem prisyazhnykh zasedatelei, v Anglii [Formation of forms and grounds for review of sentences issued by a jury in England]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, vol. 9, is. 2, pp. 165–174.

Lupinskaya P. A., Voskobitova L. A., Vilkova T. Yu., Velikii D. P. (Eds.) (2019) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii: uchebnik* [Criminal Procedure Law of the Russian Federation: textbook]. 4th ed. Moscow, Norma, 1008 p.

Mateichuk V. I. (2018) Sravnitel'naya kharakteristika pravovoi reglamentatsii proizvodstva v sude apellyatsionnoi instantsii v ugolovnom protsesse Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran [Comparative characteristics of legal regulation of proceedings in the court of appeal in criminal proceedings of the Russian Federation and foreign countries]. In *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*, no. 4, pp. 158–167.

Valeev A. T. (2016) Ogranichenie prava na obzhalovanie sudebnykh reshenii po ugolovnym delam v zakonodatel'stve evropeiskikh gosudarstv, resheniyakh Evropeiskogo Suda po pravam chelovekam i Komiteta po pravam cheloveka OON [Limitation of the right to appeal against court decisions in criminal cases in the legislation of European states, decisions of the European Court of Human Rights and the UN Human Rights Committee]. In *Rossiiskoe pravosudie*, no. 4, pp. 23–34.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.05.2025

Дата принятия рукописи в печать: 20.09.2025

УДК/UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_34

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ КИНО КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО НА МЕЖДУНАРОДНОМ ВОЕННОМ ТРИБУНАЛЕ

Лепёхин Никита Андреевич

Аспирант кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0009-0000-5928-1968, e-mail: 74nikitalep74@gmail.com.

В статье автор исследует роль документального кино как доказательства на Нюрнбергском процессе через призму правового реализма и бихевиоризма. Затрагивается проблема недостаточности эмоционального измерения в международном праве и ограниченности юридического позитивизма перед лицом чудовищных преступлений. Автор анализирует, как кинохроника концентрационных лагерей, несмотря на сомнения в ее объективности с позиций юридического позитивизма, стала мощным инструментом эмоционального воздействия и формирования исторической памяти. Особое внимание уделено разным идеологическим нарративам, стоящим за такой документалистикой, на примере американского фильма «Нацистские концентрационные лагеря» и советского «Кинодокумента о зверствах немецко-фашистских захватчиков». В работе рассматривается механизм воздействия кинодокументов на участников процесса: анализируются поведенческие реакции подсудимых, зафиксированные в стенограммах и воспоминаниях очевидцев, а также исследуются художественные приемы монтажа и нарративного построения. Делается вывод, что эмоциональное измерение, привнесенное визуальными доказательствами, способно восполнить недостатки сухо формального правового подхода, подчеркнув моральную оценку неслыханных преступлений и расширив инструментарий международного правосудия.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, документальное кино, международное правосудие, правовой реализм, визуальные доказательства, историческая память, эмоции в праве

Для цитирования: Лепёхин Н. А. Документальное кино как доказательство на международном военном трибунале // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 34–46. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_34.

DOCUMENTARY FILM AS EVIDENCE AT THE INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL

Lepyokhin Nikita

Post-graduate, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0009-0000-5928-1968, e-mail: 74nikitalep74@gmail.com.

The article explores the role of documentary film as evidence at the Nuremberg Trials through the lens of legal realism and behaviorism. It addresses the problem of the insufficient emotional dimension in international law and the limitations of legal positivism when confronted with heinous crimes. The author analyzes how footage of concentration camps, despite doubts about its objectivity from the standpoint of legal positivism, became a powerful tool for emotional impact and the shaping of historical memory. Particular attention is given to the differing ideological narratives underlying such documentary material, using as examples the American film Nazi Concentration Camps and the Soviet Film Document on the Atrocities of the German-Fascist Invaders. The article examines the mechanisms by which these documentary films influenced trial participants, analyzing the behavioral reactions of the defendants, as recorded in trial transcripts and eyewitness accounts, as well as the artistic techniques of editing and narrative construction. The conclusion argues that the emotional dimension

introduced by visual evidence helps compensate for the shortcomings of a purely formal legal approach by reinforcing the moral evaluation of unprecedented crimes and expanding the tools available to international justice.

Key words: Nuremberg Trials, documentary film, international justice, legal realism, visual evidence, historical memory, emotions in law

*For citation: Lepyokhin N. (2025) Documentary film as evidence at the international military tribunal. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu»*, no. 5, pp. 34–46, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_34.*

Хотя эмоции давно изучаются в психологии и социологии, а в последние годы и в международных отношениях, в сфере международного права этот аспект не рассматривается сколько-нибудь устойчивым образом¹. Международное право, как и право в целом, опираясь на труды Г. Кельзена², традиционно основывается на рационалистических принципах, предполагая, что чувства должны быть исключены из процессов нормотворчества, толкования и применения норм. Однако учет эмоционального фактора способен расширить понимание того, как право реагирует на сложные глобальные вызовы, включая военные преступления, геноцид и системные нарушения прав человека.

Такая эмоциональная перспектива возникла не на пустом месте. Ярким историческим примером, что глубокое эмоциональное потрясение и сострадание могут стать катализаторами правовых изменений, является создание международного гуманитарного права, которое во многом было вдохновлено инициативой Анри Дюнаня и его книгой «Воспоминание о битве при Сольферино»³. Эмоциональный отклик на это произведение способствовал формированию Красного Креста и первых Женевских конвенций. «Укоры совести»⁴ прямо легли в основу международного правотворчества, а ключевой принцип международного гуманитарного права – принцип гуманности – апеллирует, скорее, к морали и чувствам, чем к сугубо рациональному аспекту.

Дальнейшее развитие международного права, особенно в области защиты прав человека, невозможно представить без сочувствия к жертвам нарушений этих прав⁵. Сегодня правозащитники намеренно используют в своих публикациях фотографии голодающих или убитых детей, вызывая нужную реакцию мировой общественности и побуждая государства к действиям. Так, образ погибшего сирийского мальчика Айлана Курди на пляже (2015 г.) всколыхнул глобальное сочувствие к беженцам и повлиял на дискурс о миграционном кризисе⁶. Известная практика «*mobilization of shame*»⁷ – мобилизация через стыд – опирается на эмоциональное давление и подразумевает, что государства испытывают стыд перед мировым сообществом за нарушение прав человека, что стимулирует их изменить поведение. Эмоции становятся факторами, которые международное право не может игнорировать при создании и применении норм. Как отмечает А. Сааб, «эмоции влияют на международное право, и наоборот, международное право вызывает целую гамму эмоций у разных акторов»⁸, поэтому сохранять видимость полного бесстрастия – значит рисковать утратить связь права с реальностью.

В этой работе я затрагиваю конкретный инструмент эмоционального воздействия, а именно документальное кино – жанр, сочетающий визуальную достоверность с художественной интерпретацией действительности. Такое кино стилистически и визу-

¹ Подробнее см.: European Society of International Law – Emotions and International Law // The European Society of International Law. URL: <https://esil-sedi.eu/esil-reflection-emotions-and-international-law/> (дата обращения: 20.07.2025).

² Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. С. 79, 515.

³ Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. 3-е изд. М.: Международный комитет Красного Креста, 2009.

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Линн Х. Изобретение прав человека: история. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 28–30, 36–52.

⁶ Kashoo N. Eight years on: remembering Alan Kurdi // Asylum Welcome. 2023. September 2. URL: <https://www.asylum-welcome.org/remembering-alan-kurdi/> (дата обращения: 31.05.2025).

⁷ Подробнее см.: Drinan R. F. The Mobilization of Shame: A World View of Human Rights. New Haven: Yale University Press, 2001. P. 12.

⁸ Saab A. Emotions and International Law // ESIL Reflections. 2021. Vol. 10. № 3. P. 6.

ально не менее разнообразно, чем игровое. Созданная самой жизнью драматургия способна поразить сильнее, чем остросюжетные блокбастеры. Документальное кино сегодня рассматривается как легитимный объект изучения и размышлений в сфере международного права¹. Его значение заключается в способности не просто информировать, но и вызывать глубокие эмоциональные реакции, что делает его уникальным инструментом воздействия на участников судебных процессов.

Использование документального кино как доказательства в рамках международного правосудия встречается редко, потому что в контексте юридического позитивизма подвергается сомнениям в объективности. Качества истинности и объективности в принципе не свойственны кинематографу. Природа последнего такова, что зафиксировать реальность без авторского вмешательства невозможно, ведь именно режиссер определяет, какую часть жизни поместить в рамки кадра, а затем выбирает нужные фрагменты на монтаже, не говоря о том, что сам факт съемки меняет поведение героев. Известный пример – фильм «Акт убийства» («The Act of Killing», 2012 г.) режиссера Джошуа Оппенхаймера, где главный герой – садист, принимавший непосредственное участие в массовых убийствах в Индонезии и нарочито представлявший из себя гангстера, чтобы придать авторитета в объективе камеры.

Данное исследование фокусируется на роли документального кино в качестве доказательства в Международном военном трибунале для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее – Нюрнбергский процесс, Трибунал, МВТ) и влиянии документалистики на судей, обвинителей и подсудимых через призму правового реализма и бихевиоризма. Несмотря на их формальную нетипичность для юридического позитивизма, построенного вокруг претензии на объективность², эти методы позволяют показать, как визуальные доказательства формируют восприятие преступлений и каковы механизмы эмоционального воздействия кино-документов в международном правосудии.

Правовой реализм, подчеркивающий значение социально-психологических факторов при принятии судебного решения³, объясняет, почему кинохроника, невзирая на сомнения в ее объективности, стала эффективным инструментом доказательства на Нюрнбергском процессе. В оптике реализма кинокадры выступают не просто свидетельствами, а «эмоциональными катализаторами», преодолевающими абстрактность юридических конструкций.

Бихевиористский инструментарий, в свою очередь, позволяет описывать и объяснять внешние проявления ментальных процессов и иных феноменов, которые прямо не поддаются наблюдению или изменению у участников процесса (судей, обвиняемых, свидетелей).

Сочетание этих подходов раскрывает природу кинодоказательств: с одной стороны, они формируют «очевидность» преступлений через шоковую достоверность образов, с другой – конструируют необходимый нарратив, историческую память, выходящую за рамки конкретного судебного разбирательства. Ключевым объектом анализа становятся не только сами фильмы, но и их восприятие, отраженное в протоколах заседаний и мемуарах, что позволяет объяснить значимость эмоционального убеждения в международном праве.

Исследователи отмечают, что сила эмоционального воздействия киноискусства на субъект принципиально недостижима через текстовые свидетельства⁴. Эта уникальность обусловлена тремя типичными элементами документального кино⁵: 1) оно содержит репрезентацию (социального) мира; 2) действительность подвергается художественной переработке посредством монтажа, повествования, постановки камеры и других художественных приемов, доступных кинематографу; 3) являет творческую обработку действительности на экране, чтобы сказать и показать что-то о мире, который фильм представляет.

¹ Werner W. What are you looking at? Documentary film and international law // Research methods in international law / ed. by R. Deplano, N. Tsagourias. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 474.

² Шацкий Е. История социологической мысли. М.: Новое литературное обозрение, 2018. Т. I. С. 324–325.

³ Ллевеллин К. Н. Реалистическая юриспруденция – следующий шаг // Правоведение. 2015. № 4. С. 155.

⁴ Ерохина Ю. В., Галкина Н. М., Тохтуева Е. А. Право и кино: введение в проблематику // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 2. С. 118.

⁵ Nichols B. Introduction to Documentary. 2nd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2001. P. 20–42.

Кинодокументы применялись как судебные доказательства еще с 1923 г. в англо-американской системе правосудия¹. Впервые документальное кино было использовано в качестве подтверждения факта совершения уголовного правонарушения в рамках международно-правового разбирательства на Международном военном трибунале.

Примо Леви, историк и журналист, потерявший всю семью в Холокосте, сообщает, как тюремщики в концентрационных лагерях часто насмехались над тем, что, если заключенные выживут, их рассказы невозможно будет принять за истину: «И даже если останутся какие-то доказательства и кто-то из вас выживет, люди скажут, что события, которые вы описываете, слишком чудовищны, чтобы в них поверить: они скажут, что это преувеличения союзнической пропаганды, и они поверят нам, которые будут все отрицать, а не вам. Так что история лагерей будет написана с наших слов»². Сегодня мы знаем, что это циничное заявление нацистских преступников не оправдалось и Нюрнбергский процесс опроверг саму возможность непризнания Холокоста.

Одной из главных улик обвинения на Международном военном трибунале стала кинохроника. Статья 19 Устава МВТ³ гласила: «Трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств. Он устанавливает и применяет возможно более быструю и не осложненную формальностями процедуру и допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу». Это позволило задействовать документальные фильмы наравне с иными, более типичными доказательствами.

Зал Трибунала был изначально предусмотрен для того, чтобы имелась возможность показать кинохронику⁴. Фильмы демонстрировались так: в помещении Суда выключали свет, освещались только лица подсудимых; тут же находились специальные эксперты-психиатры, которые фиксировали эмоции последних во время показа⁵.

Американская сторона обвинения первой на Нюрнбергском процессе представила фильм «Нацистские концентрационные лагеря»⁶ – 29 ноября 1945 г. в качестве вещественного доказательства обвинения № 230. В нем содержатся киносвидетельства зверств нацистов в концентрационных лагерях Лейпциг, Пениг, Ордруф, Хадамар, Бремендонк, Нордхаузен, Арнштадт, Маутхаузен, Бухенвальд, Дахау. Фильм был снят для американского Совета по преследованию преступников стран оси в 1945 г. Режиссерами фильма выступили командиры ВМС Д. Б. Донован и Э. Р. Келлог⁷.

Обвинитель от США Т. Додд отметил: «Этот фильм ни в коем случае не является единственным доказательством, которое обвинение представляет по разделу „Концентрационные лагеря“, но этот фильм, который мы сейчас покажем, в краткой и незабываемой форме раскрывает смысл слов „концентрационный лагерь“. Этот фильм составлен на основании кинематографической съемки, которая была произведена военными кинооператорами по мере того, как союзные армии на западе освобождали территории, на которых были расположены концентрационные лагеря; звукозапись взята непосредственно из отчетов военных кинооператоров, которые снимали лагерь»⁸.

«Нацистские концентрационные лагеря» является типичным образцом пояснительного документального кино, которому свойственно совмещение подачи визуального

¹ Gray C. M. Motion Pictures in Evidence // Indiana Law Journal. 1940. Vol. 15. № 5. P. 408.

² Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое изд-во, 2010. С. 4.

³ Устав Международного военного трибунала. 8 августа 1945 г. // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/376004-ustav-mezhdunarodnogo-voennogo-tribunala-8-avgusta-1945-g> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Floor plan of the court room of the Nuremberg Tribunal // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/pa1170026> (дата обращения: 15.07.2024).

⁵ Лекция лауреата Сталинской премии т. Кармена на тему «Нюрнбергский процесс» (01 апреля 1946 года) // #МузейЦСДФ. URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/954-лекция-лауреата-сталинской-премии-т-кармена-на-тем-нюрнбергский-процесс-01-апреля-1946-года?ysclid=lyst3jub1239443491> (дата обращения: 15.07.2024).

⁶ Фильм «Нацистские концентрационные лагеря» («Nazi Concentration Camps», реж. Джордж Стивенс, 1945) // Youtube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8JZNpLAvFJA> (дата обращения: 15.07.2024).

⁷ American film about Nazi atrocities at concentration camps shown at Nuremberg Trials // United States Holocaust Memorial Museum. URL: <https://collections.ushmm.org/search/catalog/irn616441> (дата обращения: 15.07.2024).

⁸ Стенограмма Нюрнбергского процесса. 2-е изд., испр. и доп. / пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. Т. I. М.; Новочеркасск: Военная литература, 2018. С. 474–475.

материала и параллельного чтения текста за кадром. В режиме пояснения обычно используется так называемый «голос Бога» – закадровый голос диктора или интервью с экспертами, чтобы прокомментировать то, что происходит на экране, и исключить субъективную интерпретацию картины. Текстовая информация, опирающаяся на реальные съемки без постановки, производит на зрителя очень сильное впечатление и усиливает эффект от просмотра фильма. Использование реальной кинохроники создает ощущение соприсутствия, характерное для режима наблюдения.

Фильм начинается с двух фотографий, на которых изображены письменные показания, в то же время были воспроизведены голоса соответствующих лиц, зачитывающих их. Первое письменное показание, данное под присягой, принадлежало полковнику Д. К. Стивенсу, который подтвердил: «Показанная кинохроника представляет собой правдивое изображение людей и сцен, которые были сняты. Они не подвергались никаким изменениям или поправкам с того момента, как они были засняты»¹. Второе было Э. Р. Келлога, который заверил, что «изображения этих фрагментов с оригинального негатива не были отретушированы, искажены или иным образом изменены»². Данное предисловие было применено для того, чтобы документальный фильм больше походил на свидетельские показания и не выбивался из остальной массы доказательств своей неформальностью.

На протяжении всей кинокартины закадровый голос намеренно сохраняет сухую, бесстрастную интонацию, комментируя происходящее на экране. Эта нарративная техника выполняет пояснительную функцию, помогая зрителю ориентироваться в визуальном материале. Однако диктор сознательно прерывает свой монолог в самых эмоционально насыщенных моментах: при демонстрации сцен с измученными узниками концлагерей. Перед каждым таким молчаливым эпизодом голос за кадром дает краткое введение. Например, в сцене инспекции лагеря Ордруф генералом Д. Д. Эйзенхауэром диктор сначала поясняет: «Далее генерал увидел импровизированный крематорий, сооруженный из железнодорожных рельсов, где на еще раскаленном металле лежали обугленные тела»³. Только после этого словесного предисловия, показанного общим планом, комментатор замолкает, а камера переходит на крупный план обугленных останков. Такие паузы в нарративе возникают в случаях, когда визуальный ряд обладает достаточной выразительностью и не требует дополнительной вербальной интерпретации. Молчание становится мощным художественным приемом, позволяющим изображению говорить само за себя.

Когда во Дворце правосудия зажегся свет, все собравшиеся сидели молча. Воздействие этого визуального доказательства на людей стало поворотным моментом в Нюрнбергском процессе. Оно «принесло» Холокост в зал суда⁴.

Помимо документальной фиксации нацистских преступлений и пробуждения сострадания к жертвам концлагерей, фильм целенаправленно выстраивал героический нарратив американских солдат. Через тщательно отобранные кадры он создавал образ военных как безусловных освободителей – организованных, гуманных и самоотверженных спасителей, пришедших на помощь беспомощным узникам. Лучшее всего это демонстрирует эпизод с экскурсией в один из лагерей смерти, куда заставили явиться гражданских немцев⁵. Этот фрагмент не только осуждал нацизм, но и закреплял в сознании послевоенное позиционирование США как морального лидера нового мирового порядка в развитие нарратива, заложенного президентом Гарри С. Трумэном. Примечательно, что последний без консультаций с советскими и британскими союзниками объявил прессе о создании Международного военного трибунала⁶, хотя именно СССР был в числе первых, кто призывал к его учреждению⁷.

¹ Хронометраж: 0:37–2:12.

² Хронометраж: 2:13–3:38.

³ Хронометраж: 10:14–10:45.

⁴ Фильм «Нацистские концентрационные лагеря» показан на Нюрнбергском процессе // #МузейЦСДФ. URL: <https://csdfmuseum.ru/history/628-фильм-нацистские-концентрационные-лагеря-показан-на-нюрнбергском-процессе?clid=5b16cc64> (дата обращения: 19.03.2025).

⁵ Хронометраж: 32:10–34:54.

⁶ Truman H. S. The President's News Conference // The American Presidency Project. 1946. November 11. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-421> (дата обращения: 28.03.2025).

⁷ Подробнее см.: Хирш Ф. Суд в Нюрнберге: Советский Союз и Международный военный трибунал / пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Пересматривая «Нацистские концентрационные лагеря», невозможно представить, что и как видел участник Нюрнбергского процесса 80 лет назад на этой картине. Ужасы, запечатленные в этом фильме, сегодня настолько общеизвестны и прочно связаны с нацизмом, что трудно передать оригинальный показ, шокировавший публику не только варварством изображений, но и новизной подачи¹. Хотя кадры из лагеря Хадамара, иллюстрирующие изможденных, практически высушенных людей под полное молчание диктора², или сцена, в которой британские солдаты бульдозерами сгребают груды гниющих трупов в массовые захоронения в Бергене³, безусловно, остаются одними из самых душераздирающих и запоминающихся документальных кадров, связанных с окончанием войны, у сегодняшнего зрителя они не вызывают таких острых по трагичности эмоций или визуального узнавания, как, например, кадры из фильма Стивена Спилберга «Список Шиндлера» («Schindler's List», реж. Стивен Спилберг, 1993 г.).

Современное поколение, воспитанное в послевоенном дискурсе под лозунгами «Лишь бы не было войны»⁴, «*Make love, not war*»⁵, множество раз в своей жизни сталкивалось с визуальной репрезентацией преступлений, совершаемых нацистским режимом. В связи с этим документальные фильмы, представленные на Нюрнбергском процессе, не поражают современного зрителя своей новизной⁶ или жестокостью⁷, а становятся лишь одним из множества аудиовизуальных произведений на эту тему. Потому нам легко упустить из виду, что данная кинокартина, представленная в качестве доказательства на главном судебном процессе столетия, вызвала неподдельный ужас практически у всех, кто присутствовал в зале. Забыть об этом немаловажном факте также помогает то, что стенограмма судебного заседания содержит только слова стороны обвинения, показавшей фильм перед судом, а далее указанная стенограмма внезапно лаконично фиксирует: «[Демонстрируется фильм], на этом завершается презентация, [Трибунал объявил перерыв до 30 ноября 1945 года 10 ч. 00 м.]»⁸. Утреннее заседание началось без какого-либо упоминания просмотра.

Однако отсутствие реакции на фильм в стенограмме судебного заседания не означало, что он оставил Трибунал равнодушным. Как следует из одного репортажа, зрители были настолько взволнованы, что «председательствующие судьи удалились, не сказав ни слова и не объявив, как обычно, время следующего заседания»⁹.

Приведу вырезку из газеты «Washington Post», в которой журналисты запечатлели эмоции обвиняемых: «Вальтер Функ смахнул выступившие на глазах слезы во время просмотра фильма. Ганс Франк¹⁰, потрясенный зрелищем, сидел, съежившись, в своем кресле, не поднимая головы, в течение 10 минут. Рудольф Гесс, выглядевший более внимательным к окружающему, чем когда-либо с начала судебного процесса, вытер

¹ Douglas L. Film as Witness: Screening Nazi Concentration Camps before the Nuremberg Tribunal // The Yale Law Journal. 1995. Vol. 105. № 2. P. 464.

² Хронометраж: 14:36–15:32.

³ Хронометраж: 56:22–57:24.

⁴ Данная фраза закрепились в массовой российской культуре после выхода фильма «Пять вечеров» 1978 г. режиссера Никиты Михалкова. См. также: Путин – школьникам: Лишь бы не было войны // Newsland. 2020. 1 сент. URL: <https://newsland.com/post/7206513-putin-shkolnikam-lish-by-ne-bylo-voiny> (дата обращения: 26.07.2024).

⁵ В массовой культуре эта фраза приобрела популярность благодаря Джону Леннону, была озвучена им в последней строке его песни «Mind Games» 1973 г.

⁶ Для Трибунала подобные кадры также были не новы. Примером подобной работы может служить фильм Леонида Варламова и Ильи Копалина «Разгром немецких войск под Москвой», который был номинирован на «Оскар» как лучший документальный фильм в 1942 г. См. также документальный фильм «Суд идет!» (реж. И. Копалин, 1943 г.), посвященный харьковским процессам.

⁷ В этой части я пытаюсь объяснить отсутствие у себя эмоционального отклика при просмотре рассматриваемой кинокартины тем, что привык к визуальной репрезентации нацистской жестокости. Также такая реакция может быть следствием того, что фильмы настолько мрачные, а последствия нацистских преступлений настолько беспощадные, что нервная система практически не реагирует на это.

⁸ Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. I. С. 477.

⁹ Douglas L. Op. cit. P. 455.

¹⁰ Ганс Франк – один из немногих подсудимых, который покался в своих преступлениях, правда, уже в камере смертников. Эмоции, испытанные им при просмотре фильма, могут быть истолкованы в пользу того, что он испытывал сожаления за соучастие в убийствах, а не в том, что предал свой народ, как это описала Ханна Арендт. См.: Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. С. 200.

вспотевшие ладони. Ялмар Горас Грили Шахт, сжав губы в тонкую линию, отказался смотреть на какие-либо сцены. Франц фон Папен тоже отказался смотреть»¹.

Густав Гилберт в своих мемуарах очень подробно описывает эмоции подсудимых, вызванные просмотром «Нацистских концентрационных лагерей». Приведу только некоторые, особо интересные моменты: «Фриче уже бледен и сидит, застыв от ужаса, когда на экране появляются кадры, где заключенных сжигали заживо (*заключенные сгорели заживо*)² в амбаре. Кейтель оттирает вспотевший лоб, снимает наушники. Нейрат опустил голову, на экран не смотрит. Функ, закрыв глаза, казалось, отдался во власть своих мук, время от времени потряхивает головой. Риббентроп зажмуривается, смотрит в сторону. Геринг оперся на ограждение скамьи подсудимых, он с сонным видом лишь изредка поглядывает на экран. По лицу Функа текут слезы, высморкавшись, он трет глаза, смотрит в пол. Розенберг беспокойно ерзает на своем месте, иногда бросает на экран быстрый взгляд исподлобья, опускает голову, снова поднимает взор, чтобы проверить реакцию остальных. Шпеер сидит с убитым видом, с трудом сглатывая»³.

Вечером того же дня в своей камере обвиняемый Г. Геринг реагирует на ужасающие кадры: «Это был такой хороший день, а потом они показали этот ужасный фильм, и он все испортил!»⁴

19 февраля 1946 г. советская сторона предоставила в качестве доказательства «Кинодокумент о зверствах немецко-фашистских захватчиков»⁵ (документ № СССР-81). По словам Г. Гилберта, «представители Советского Союза показали документальный фильм, ужасающий протокол геноцида, еще более страшный, чем тот, который показывали американцы»⁶.

Советская кинохроника, представленная на Нюрнбергском процессе, стала уникальным визуальным свидетельством преступлений нацизма. В отличие от американской стороны, советское обвинение показало свой фильм в качестве заключительного доказательства⁷ в ряду иных свидетельств военных преступлений в отношении мирного населения. Это могло быть следствием специально избранной тактики ведения процесса, построенной на том, чтобы с каждым новым фактом производить все более серьезное впечатление на участников процесса. Так, кинохроника шла сразу после представления образцов мыла из человеческого жира (экземпляр СССР-394)⁸. В то же время показ как финального доказательства мог быть обусловлен еще и тем, что советская сторона начала монтаж фильма уже после того, как американцы показали «Нацистские концентрационные лагеря», и советские кинематографисты попросту не успели подготовиться к началу приведения доказательств. 17 декабря 1945 г. прокурор СССР К. П. Горшенин послал телеграмму в Москву о создании кинокартин, аналогичных тем, которые представила американская сторона обвинения. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) в служебной записке, адресованной секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, поручило подготовить фильмы для демонстрации на Нюрнбергском процессе⁹.

Советский фильм начинается с вступления, аналогичного тому, что в «Нацистских концентрационных лагерях»: с двух фотографий, на которых изображены свидетель-

¹ Nazis on Trial See Horror Camp Film // The Washington Post. 1945. № 25369. P. 2. URL: https://archive.org/details/per_washington-post_1945-11-30_25369/page/n1/mode/1up (дата обращения: 26.07.2024).

² В оригинальном тексте указывалось: «prisoners burned alive in a bar» (p. 46). Это важное уточнение, потому что кинохроника показывала последствия преступлений, а не то, как они совершались. См.: URL: <https://archive.org/details/the-nuremberg-diary-1971-gustave-gilbert/page/46/mode/2up> (дата обращения: 15.07.2025).

³ Гилберт Г. М. Нюрнбергский дневник. М.: Вече, 2012. С. 39.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Кинодокументы о зверствах немецко-фашистских захватчиков // #МузейЦСДФ. URL: <https://csdf-museum.ru/films/194-кинодокументы-о-зверствах-немецко-фашистских-захватчиков-18> (дата обращения: 30.07.2024).

⁶ Гилберт Г. М. Указ. соч. С. 138.

⁷ Стенограмма Нюрнбергского процесса / пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. Т. VI. М.; Новочеркасск: Военная литература, 2020. С. 577.

⁸ Там же. С. 576.

⁹ Документ: СССР создаст для трибунала три уникальных фильма / Е. Чернецкая // Нюрнберг. Начало мира. URL: <https://nuremberg.media/dokazatelstvo/20201217/69666/Dokument-SSSR-sozdast-tri-dokumentalnykh-filma.html> (дата обращения: 30.07.2024).

ства советских кинооператоров, что представленные кадры – правдивые и точные воспроизведения того, что они обнаруживали, вступая в различные районы после изгнания немецко-фашистских войск, а также что указанные кинокадры не подвергались каким-либо изменениям и являются копиями подлинников, хранящихся в фильмотеке Центральной ордена Красного Знамени студии документальных фильмов. Сопровождающее этот фильм устное изложение является описанием фактов и обстоятельств, при которых все сцены были засняты.

Советская кинокартина, в отличие от американской, с первого же эпизода демонстрирует страдания своего народа. Камера беспристрастно фиксирует как преступления нацистов, так и эмоциональные реакции очевидцев. Зрителям показывают 26 человек, расстрелянных на одной из улиц Ростова, и старушку, рыдающую над телом одного из погибших¹. Особую выразительность фильму придает использование так называемого «эффекта опознаваемой жертвы»²: вместе с абстрактными жертвами массового расстрела мирных жителей зрителю показывают замученную семью профессора Рождественского³, мальчика Витю Головлева, убитого за то, что он не хотел отдать своего голубя нацистам⁴, изнасилованную и застреленную жену инженера Гордеева⁵. Когда пострадавший персонифицируется, зрителю намного легче ему сопереживать. Этот прием работает благодаря психологическому феномену, известному как «эффект сингулярности»⁶, когда жизнь одного человека ценится очень высоко, а к массовым жертвам обыватель по большому счету равнодушен. По мере увеличения числа пострадавших сочувствие и готовность помочь снижаются. Это происходит даже тогда, когда количество жертв увеличивается с одной до двух.

«Кинодокумент о зверствах немецко-фашистских захватчиков» не только ярко демонстрирует доказательства преступлений нацистов, но и продвигает нарратив о трагедии, которую пережил советский народ, что особенно важно ввиду предположений, что в остальном мире, кажется, вообще не представляли масштаба советских потерь⁷.

В этой части мне хотелось бы упустить реакцию обвиняемых на кинопоказ и привести исключительно слова Г. Геринга на советский фильм: «Первое – этот фильм был снят ими, с правовой точки зрения он доказательством служить не может. Им ничего не стоило прикончить сотню-другую немецких военнопленных, а потом напялить на них русскую военную форму. Вы, в отличие от меня, просто не знаете русских. Второе – вероятнее всего, многие из этих кадров были сняты еще в период их революции, к примеру, эти корзины, куда сваливаются отрубленные ножом головы. Третье – эти усеянные трупами поля. В общем и целом, это типичные пейзажи войны. Их можно где угодно запечатлеть на пленку. Мне самому приходилось видеть тысячи трупов. А откуда вообще взялись свежие трупы для киносъемок? Не могли же русские со своими кинокамерами прибыть как раз вовремя туда, где скопилось столько трупов. Скорее всего, эти трупы – их рук дело». Герингу приходилось делать над собой усилие, чтобы его словоизлияния звучали правдоподобно, чтобы все увиденное спокойно можно было отвести в сторону, причислив к разряду «пропаганды», глупой и рассчитанной на простаков⁸.

Насколько бы абсурдными и жалкими ни казались замечания Г. Геринга с сегодняшней точки зрения, не стоит отрицать, что они обладали некоторой рациональной основой. С формально-юридической позиции использование кинохроники как доказательства на судебном процессе вызывает много вопросов. Насколько суд может быть уверен в достоверности кадров, показанных в представленных документальных

¹ Хронометраж: 04:13–04:22.

² Подробнее см.: Jenni K. E., Loewenstein G. Explaining the «Identifiable Victim Effect» // *Journal of Risk and Uncertainty*. 1997. Vol. 14. P. 235–257.

³ Хронометраж: 04:10–04:12.

⁴ Хронометраж: 04:25–04:30.

⁵ Хронометраж: 04:30–04:35.

⁶ Подробнее см.: Wiss J., Andersson D., Slovic P., et al. The influence of identifiability and singularity in moral decision making // *Judgment and Decision Making*. 2015. Vol. 10. P. 492–502; Västfjäll D., Slovic P., Mayorga M., Peters E. Compassion Fade: Affect and Charity Are Greatest for a Single Child in Need // *PLoS ONE*. 2014. Vol. 9. № 6. P. 8.

⁷ Хирш Ф. Указ. соч. С. 204.

⁸ Гилберт Г. М. Указ. соч. С. 139.

фильмах, чтобы вынести на их основе справедливый и законный приговор? Является ли достаточным формальное документарное заверение создателей, что все показанное правда и изображения не были каким-либо образом изменены? И что именно эти фильмы доказывают?

В целом тяжело удержать феномен Нюрнбергского процесса и его правовые контуры в лоне формального юридического позитивизма. Можно сказать, что этот процесс представлял из себя театрализованную постановку, целью которой было не только признать преступниками руководителей нацистского государства, но и разоблачить и осудить нацистский режим в целом. Военную победу необходимо было довершить политико-правовым разгромом фашизма в открытом состязательном судебном процессе¹.

Публичный показ фильмов, безусловно, укрепил всеобщее неприятие к обвиняемым, но это мало способствовало установлению их индивидуальной вины². В показанных кинокартинах демонстрируются зверства, творимые нацистским режимом как таковым, но не приводится ни одного довода в пользу того, что кто-либо из подсудимых напрямую участвовал в совершении преступлений против человечности, которые были продемонстрированы на экране.

Все кадры были сняты уже после того, как союзные войска освободили концентрационные лагеря. Военные кинооператоры задокументировали лишь последствия преступлений нацистского режима, а не то, как эти преступления совершались. Подсудимые МВТ находились на вершине нацистской иерархии; таким образом, никто из них не участвовал в прямом управлении лагерем, большинство могло честно заявить, что никогда не вступало в него. Вместо этого все они ложно утверждали, что не знали, что там происходили массовые убийства.

С точки зрения формального подхода можно сказать, что доказательная ценность фильмов состояла не в установлении вины какого-либо отдельного обвиняемого, а в иллюстрировании результатов преступной деятельности нацистского режима или того, что в обвинительном заключении назвали «общим планом или заговором»³. Сами кинокартины в приговоре Трибунала упоминаются лишь единожды («мрачные показания о массовых убийствах евреев были также представлены Трибуналу путем демонстрации фильма»⁴), что свидетельствует об их формальной незначительности ввиду наличия огромного числа более достоверных свидетельств, в первую очередь трофейных документов гитлеровской Германии⁵.

Данные кинокартины, скорее, призваны убедить Трибунал в том, что деяния в концентрационных лагерях являются преступлениями против человечности, а действия обвиняемых были направлены на поддержание этого нацистского режима.

Документальное кино, показанное в Нюрнберге, не является доказательством в формально-юридическом смысле, а облечено в его форму исключительно как элемент эмоционального воздействия. Так, кинохроника трансформировала фактические обвинения в преступлениях против человечности в эмоциональный опыт, легитимизируя приговор для широкой публики, в особенности для немецкого общества. По мнению К. Дэлиджа, демонстрация фильмов служила своего рода пропагандой правосудия, призванной узаконить действия союзников и придать моральное обоснование самому Трибуналу⁶.

Это отвечало ключевой задаче послевоенного переустройства: не просто юридически квалифицировать преступления, но и сформировать устойчивое коллективное

¹ Лебедева Н. С. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вестник МГИМО. 2010. № 6. С. 77.

² Douglas L. Op. cit. P. 457.

³ Weckel U. Watching the accused watch the Nazi crimes: observers' reports on the atrocity film screenings in the Belsen, Nuremberg and Eichmann trials // London Review of International Law. 2018. Vol. 6. № 1. P. 48. См. также подп. «а» п. 2 ст. 6, п. 3 ст. 6 Устава МВТ.

⁴ Международный военный трибунал. Приговор от 1 октября 1946 года по делу главных военных преступников («Нюрнбергский приговор»). С. 59. URL: <https://ieml.ru/about/protivodeystvie-ekstremizmu-i-terrorizmu/npa/ml.pdf> (дата обращения: 10.07.2025).

⁵ Известный исследователь А. Г. Звягинцев отмечал: «...преступная деятельность лидеров гитлеровской Германии отражалась на бумаге с чисто немецкой педантичностью». Подробнее см.: Звягинцев А. Г. Нюрнберг: главный процесс человечества. М.: Эксмо, 2016. С. 39.

⁶ Delage C. Caught on camera: film in the courtroom from the Nuremberg trials to the trials of the Khmer Rouge. 1st ed. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014.

понимание их природы и масштабов. Кинокартины, представленные на Нюрнбергском процессе, визуализировали разницу между варварством и цивилизацией, которая зарождалась с момента основания ООН.

Полагаясь на оценки Линн Хант в ее книге «Изобретение прав человека: история», считаю, что документальные фильмы, показанные на главном процессе человечества, стали воплощением «вопиющего голоса природы»¹, который имел своей целью сформировать «внутреннее чувство»² самоочевидности, что преступления против человечности недопустимы и должны влечь наказание. Визуальные доказательства позволили мировому сообществу непосредственно увидеть масштаб трагедии, придать страданиям жертв зримое измерение и тем самым пробудить сопереживание, гнев и «внутреннее чувство» всеобщего морального отторжения таких деяний. Документальные кадры нацистских преступлений, предъявленные МВТ, стали шокирующим инструментом формирования нового социального контекста.

В этом социальном контексте, во многом порожденном эмоциональным потрясением, появились Нюрнбергские принципы³. Классическая конструкция суверенитета государства больше не могла служить оправданием зверств, которые оно совершает в отношении иностранцев или против собственного народа. Так, согласно п. 3, если высшие чины виновны в совершении международных преступлений, то они должны быть наказаны вне зависимости от иммунитетов. Таким образом, документальные фильмы, продемонстрированные на Международном военном трибунале, выступили катализатором мировой совести, наглядно показав пределы человеческой жестокости и тем самым обосновав необходимость глобальных международно-правовых изменений ради лучшего мира.

Наряду с этим стоит отметить, что рассмотренные в данной статье советский и американский фильмы, пусть и были объединены целью наглядно показать бесчеловечность нацистских преступлений, все же отражали зарождающиеся идеологические противоречия «холодной войны». Пока американцы утверждали свою претензию быть моральным камертоном нового времени, Советский Союз жаждал расплаты⁴ и сочувствия за понесенные страдания. Суд представлял своеобразную театральную постановку: советский драматург В. Вишневский просил советского обвинителя на процессе Р. А. Руденко помнить, что главная цель Нюрнбергского процесса – повлиять на международное общественное мнение⁵.

Не могу не упомянуть интересный взгляд Ульрике Векель, исследовательницы истории средств массовой информации в университете Юстуса-Либига в Гиссене, которая утверждает, что просмотр данных документальных фильмов удовлетворил широко распространенное желание выяснить, могут ли обвиняемые чувствовать стыд⁶. Суть показанных фильмов заключается не просто в иллюстрировании злодеяний как таковых, а в побуждении и исследовании реакции убийц на реконструкцию их собственных преступлений и донесении этой реакции до международного сообщества.

Для человеческого сознания слова обвинения о четырех тысячах сожженных политических заключенных в Ордруфе, о тридцати пяти тысячах убитых в Хадамаре, о зверствах, творимых в Бухенвальде и Дахау, превращаются просто в цифры и буквы, записанные в стенограмме судебного заседания или в приказах тех, по чьей воле эти преступления совершились. Как писал Э. М. Ремарк, «смерть одного человека – трагедия, а смерть двух миллионов – только статистика»⁷. Зверства, проецируемые на экран, минимизируют обезличенность и формализованность словесного описания и оправдания.

Опыт Нюрнберга актуален и сегодня. Он напоминает нам, что право – это не просто система норм, но и коммуникативный процесс, где рациональные аргументы долж-

¹ Монтескье Ш. Л. О духе законов. С. 88. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

² Линн Х. Указ. соч. С. 35.

³ Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ Хирш Ф. Указ. соч. С. 356.

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 2439. Л. 1–6.

⁶ Weckel U. Op. cit. P. 49.

⁷ Ремарк Э. М. Черный обелиск. М.: АСТ, 2002. С. 143.

ны дополняться эмоциональным языком, который будет понятен обществу в целом, а не только юристам. Значимость документального кино в качестве доказательства на Нюрнбергском трибунале продемонстрировала, что для осуждения таких чудовищных преступлений недостаточно лишь формально-юридических доказательств, необходимо подкрепить их эмоциональными потрясениями. Эмоциональный поворот делает право более человечным. Учет эмоций позволяет международным институтам лучше понять потребности и ожидания тех, кого они призваны защищать. Право перестает быть абстрактной игрой государств и становится ближе к реальным людям – к тем, кто на самом деле и создает нормы международного права, и к тем, кого они на самом деле должны защищать¹. Эмоции являются важным объектом и инструментом исследования в международном праве, несмотря на их неформальность.

Список литературы

Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Европа, 2008. 424 с.

Гилберт Г. М. Нюрнбергский дневник. М.: Вече, 2012. 480 с.

Документ: СССР создаст для трибунала три уникальных фильма / Е. Чернецкая // Нюрнберг. Начало мира. URL: <https://nuremberg.media/dokazatelstvo/20201217/69666/Dokument-SSSR-sozdast-tri-dokumentalnykh-filma.html> (дата обращения: 30.07.2024).

Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино. 3-е изд. М.: Международный комитет Красного Креста, 2009. 108 с.

Ерохина Ю. В., Галкина Н. М., Тохтуева Е. А. Право и кино: введение в проблематику // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 2. С. 117–125.

Звягинцев А. Г. Нюрнберг: главный процесс человечества. М.: Эксмо, 2016. 960 с.

Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 542 с.

Лебедева Н. С. Нюрнбергский процесс и его приговор // Вестник МГИМО. 2010. № 6. С. 75–92.

Леви П. Канувшие и спасенные. М.: Новое изд-во, 2010. 196 с.

Лекция лауреата Сталинской премии т. Кармена на тему «Нюрнбергский процесс» (01 апреля 1946 года) // #МузейЦСДФ. URL: <https://csdfmuseum.ru/articles/954-лекция-лауреата-сталинской-премии-т-кармена-на-тему-нюрнбергский-процесс-01-апреля-1946-года?ysclid=lyst3jub1239443491> (дата обращения: 15.07.2024).

Линн Х. Изобретение прав человека: история. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 272 с.

Ллевеллин К. Н. Реалистическая юриспруденция – следующий шаг // Правоведение. 2015. № 4. С. 154–191.

Монтескье Ш. Л. О духе законов. 273 с. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

Ремарк Э. М. Черный обелиск. М.: АСТ, 2002. 415 с.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2439. Л. 1–6.

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. VI / пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. М.; Новочеркасск: Военная литература, 2020. 579 с.

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. I. 2-е изд., испр. и доп. / пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. М.; Новочеркасск: Военная литература, 2018. 537 с.

Хирш Ф. Суд в Нюрнберге: Советский Союз и Международный военный трибунал / пер. с англ. Р. Ибатуллина. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 640 с.

Щацкий Е. История социологической мысли. М.: Новое литературное обозрение, 2018. Т. I. 716 с.

Delage C. Caught on camera: film in the courtroom from the Nuremberg trials to the trials of the Khmer Rouge. 1st ed. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. 368 p.

Douglas L. Film as Witness: Screening Nazi Concentration Camps before the Nuremberg Tribunal // The Yale Law Journal. 1995. Vol. 105. № 2. P. 449–481.

Drinan R. F. The Mobilization of Shame: A World View of Human Rights. New Haven: Yale University Press, 2001. 240 p.

Gray C. M. Motion Pictures in Evidence // Indiana Law Journal. 1940. Vol. 15. № 5. P. 408–435.

Jenni K. E., Loewenstein G. Explaining the «Identifiable Victim Effect» // Journal of Risk and Uncertainty. 1997. Vol. 14. P. 235–257.

Kashoo N. Eight years on: remembering Alan Kurdi // Asylum Welcome. 2023. September 2. URL: <https://www.asylum-welcome.org/remembering-alan-kurdi/> (дата обращения: 31.05.2025).

Nazis on Trial See Horror Camp Film // The Washington Post. 1945. № 25369. P. 2. URL: https://archive.org/details/per_washington-post_1945-11-30_25369/page/n1/mode/1up (дата обращения: 26.07.2024).

Nichols B. Introduction to Documentary. 2nd ed. Bloomington: Indiana University Press, 2001. 368 p.

¹ Подробнее см.: Nijman J. E. The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law. The Hague: T. M. C. Asser Press, 2004. P. VII–VIII.

Nijman J. E. The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law. The Hague: T. M. C. Asser Press, 2004. 512 p.

Saab A. Emotions and International Law // ESIL Reflections. 2021. Vol. 10. № 3. P. 1–10.

Truman H. S. The President's News Conference // The American Presidency Project. 1946. November 11. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-421> (дата обращения: 28.03.2025).

Västfjäll D., Slovic P., Mayorga M., Peters E. Compassion Fade: Affect and Charity Are Greatest for a Single Child in Need // PLoS ONE. 2014. Vol. 9. № 6. P. 1–10.

Weckel U. Watching the accused watch the Nazi crimes: observers' reports on the atrocity film screenings in the Belsen, Nuremberg and Eichmann trials // London Review of International Law. 2018. Vol. 6. № 1. P. 45–73.

Werner W. What are you looking at? Documentary film and international law // Research methods in international law / ed. by R. Deplano, N. Tsagourias. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 474–486.

Wiss J., Andersson D., Slovic P., et al. The influence of identifiability and singularity in moral decision making // Judgment and Decision Making. 2015. Vol. 10. P. 492–502.

References

Arendt H. (2008) *Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime* [The banality of evil. Eichmann in Jerusalem]. Moscow, Evropa, 424 p.

Chernetskaya E. Dokument: SSSR sozdast dlya tribunala tri unikal'nykh fil'ma [Document: The USSR will create three unique films for the tribunal]. In *Nyurnberg. Nachalo mira*, available at: <https://nuremberg.media/dokazatelstvo/20201217/69666/Dokument-SSSR-sozdast-tri-dokumentalnykh-filma.html> (accessed: 30.07.2024).

Delage C. (2014) *Caught on camera: film in the courtroom from the Nuremberg trials to the trials of the Khmer Rouge*, 1st ed. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 368 p.

Douglas L. (1995) Film as Witness: Screening Nazi Concentration Camps before the Nuremberg Tribunal. In *The Yale Law Journal*, vol. 105, no. 2, pp. 449–481.

Drinan R. F. (2001) *The Mobilization of Shame: A World View of Human Rights*. New Haven, Yale University Press, 240 p.

Dyunan A. (2009) *Vospominanie o bitve pri Solferino* [A Memory of Solferino], 3rd ed. Moscow, Mezhdunarodnyi komitet Krasnogo Kresta, 108 p.

Erokhina Y. V., Galkina N. M., Tokhtueva E. A. (2023). Pravo i kino: vvedenie v problematiku [Law and Cinema: Introduction to the Issue]. In *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*, no. 2, pp. 117–125.

Gilbert G. M. (2012) *Nyurnbergskii dnevniki* [The Nuremberg Diary]. Moscow, Veche, 480 p.

Gray C. M. (1940) Motion Pictures in Evidence. In *Indiana Law Journal*, vol. 15, no. 5, pp. 408–435.

Jenni K. E., Loewenstein G. (1997) Explaining the «Identifiable Victim Effect». In *Journal of Risk and Uncertainty*, vol. 14, pp. 235–257.

Kashoo N. (2023) Eight years on: remembering Alan Kurdi. In *Asylum Welcome*, September 2, available at: <https://www.asylum-welcome.org/remembering-alan-kurdi/> (accessed: 31.05.2025).

Kelzen G. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law], 2nd ed. Saint-Petersburg, Alef-Press, 542 p.

Khirsh F. (2023) *Sud v Nyurnberge: Sovetskii Soyuz i Mezhdunarodnyi voennyi tribunal* [Trial in Nuremberg: The Soviet Union and the IMT], transl. by R. Ibatullin. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 640 p.

Lebedeva N. S. (2010) *Nyurnbergskii protsess i ego prigovor* [The Nuremberg Trial and Its Verdict]. In *Vestnik MGIMO*, no. 6, pp. 75–92.

Lektsiya laureata Stalinskoi premii T. Karmena na temu «Nyurnbergskii protsess» (01 aprelya 1946 goda) [Lecture by Stalin Prize winner T. Karmen on the Nuremberg Trials (April 1, 1946)]. In *#MuzeiTSSDF*, available at: <https://csdfmuseum.ru/articles/954-lektsiya-laureata-stalinskoi-premii-t-karmena-na-temu-nyurnbergskii-protsess-01-aprelya-1946-goda?ysclid=lyst3jub1239443491> (accessed: 15.07.2024).

Levi P. (2010) *Kanuvshie i spasennye* [The Drowned and the Saved]. Moscow, Novoe izdatelstvo, 196 p.

Linn Kh. (2023) *Izobretenie prav cheloveka: istoriya* [The invention of human rights: a history]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 272 p.

Llewellyn K. N. (2015) Realisticheskaya yurisprudentsiya – sleduyushchii shag [Realist Jurisprudence – the Next Step]. In *Pravovedenie*, no. 4, pp. 154–191.

Miroshnichenko S. (Ed.) (2018) *Stenogramma Nyurnbergskogo protsessa. T. I* [Transcript of the Nuremberg Trial. Vol. I], 2nd ed., revised and add. Moscow, Novocherkassk, Voennaya literatura, 537 p.

Miroshnichenko S. (Ed.) (2020) *Stenogramma Nyurnbergskogo protsessa. T. IV* [Transcript of the Nuremberg Trial. Vol. IV]. Moscow, Novocherkassk, Voennaya literatura, 579 p.

Montesk'e Sh. L. *O dukhe zakonov* [On the Spirit of the Laws]. 273 p., available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (accessed: 15.07.2024).

Nazis on Trial See Horror Camp Film (1945). In *The Washington Post*, no. 25369, p. 2, available at: https://archive.org/details/per_washington-post_1945-11-30_25369/page/n1/mode/1up (accessed: 26.07.2024).

Nichols B. (2001) *Introduction to Documentary*, 2nd ed. Bloomington, Indiana University Press, 368 p.

Nijman J. E. (2004) *The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law*. The Hague, T. M. C. Asser Press, 512 p.

Remark E. M. (2002) *Chernyi obelisk* [The Black Obelisk]. Moscow, AST, 415 p.

RGALI [Russian state archive of literature and art]. Collection 1038. Inventory 1. File 2439. Lists 1–6.

Saab A. (2021) Emotions and International Law. In *ESIL Reflections*, vol. 10, no. 3, pp. 1–10.

Shatskii E. (2018) *Istoriya sotsiologicheskoi mysli. T. I* [History of Sociological Thought. Vol. I]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 716 p.

Truman H. S. (1946) The President's News Conference. In *The American Presidency Project*, November 11, available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/the-presidents-news-conference-421> (accessed: 28.03.2025).

Västfjäll D., Slovic P., Mayorga M., Peters E. (2014) Compassion Fade: Affect and Charity Are Greatest for a Single Child in Need. In *PLoS ONE*, vol. 9, no. 6, pp. 1–10.

Weckel U. (2018) Watching the accused watch the Nazi crimes: observers' reports on the atrocity film screenings in the Belsen, Nuremberg and Eichmann trials. In *London Review of International Law*, vol. 6, no. 1, pp. 45–73.

Werner W. (2021) What are you looking at? Documentary film and international law. In Deplano R., Tsagourias N. (Eds.) *Research methods in international law*. Cheltenham, Northampton, Edward Elgar Publishing, pp. 474–486.

Wiss J., Andersson D., Slovic P., et al. (2015) The influence of identifiability and singularity in moral decision making. In *Judgment and Decision Making*, vol. 10, pp. 492–502.

Zvyagintsev A. G. (2016) *Nyurnberg: glavnyi protsess chelovechestva* [Nuremberg: the main process of mankind]. Moscow, Eksmo, 960 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.04.2025

Дата принятия рукописи в печать: 20.09.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_47

ТАЙНА ИЛИ НЕТ: К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ НОТАРИУСОВ И АДВОКАТОВ В «АНТИОТМЫВОЧНОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Руф Владислав Сергеевич

Студент Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0005-5059-9570, e-mail: ruf.vlad-1988@yandex.ru.

В силу международных рекомендаций ФАТФ по борьбе с отмыванием доходов и финансированием терроризма участниками «антиотмывочной» деятельности являются адвокаты и нотариусы, однако конкретный круг их обязанностей в этой сфере определяется на национальном уровне с учетом режима конфиденциальности сведений, полученных ими в процессе осуществления профессиональной деятельности. В 2024 г. был принят Федеральный закон № 222-ФЗ, который расширяет круг обязанностей адвокатов и нотариусов в сфере ПОД/ФТ. Эти законодательные изменения вновь поднимают вопрос баланса между публичным интересом в борьбе с финансовыми преступлениями и частным интересом в сохранении тайны частной жизни. Введение новых обязанностей для адвокатов и нотариусов в сфере ПОД/ФТ ставит вопросы о правовых и этических границах их профессиональной деятельности. С одной стороны, эти специалисты обязаны выполнять рекомендации ФАТФ и тем самым способствовать борьбе с преступностью, с другой – они также должны защищать конфиденциальность информации, составляющей профессиональную тайну. В статье рассмотрены положения федеральных законов № 115-ФЗ и № 222-ФЗ, посвященные вопросам нотариальной и адвокатской тайн. Проведен анализ отраслевого и специального законодательства, регулирующего правовой режим указанных тайн. Сделаны выводы о коллизии двух правовых институтов, предложены пути их устранения.

Ключевые слова: ПОД/ФТ, конфиденциальная информация, профессиональная тайна, нотариальная тайна, адвокатская тайна, разглашение тайны

Для цитирования: Руф В. С. Тайна или нет: к вопросу об участии нотариусов и адвокатов в «антиотмывочной» деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 47–54. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_47.

SECRECY OR NOT: ON THE ISSUE OF THE PARTICIPATION OF NOTARIES AND ADVOCATES IN «ANTI-LAUNDERING» ACTIVITIES

Ruf Vladislav

Student of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0005-5059-9570, e-mail: ruf.vlad-1988@yandex.ru.

Due to the FATF's international recommendations on combating money laundering and terrorist financing, lawyers and notaries are participants in «anti-money laundering» activities, but their specific responsibilities in this area are determined at the national level, taking into account the confidentiality of information they receive in the course of their professional activities. In 2024, Federal Law № 222-FZ was adopted, which expands the responsibilities of lawyers and notaries in the field of AML/CFT. These legislative changes once again raise the question of the balance between the public interest in investigating economic crimes and the private interest in maintaining confidentiality of personal life. The introduction of new duties for lawyers and notaries in the field of AML/CFT raises questions about the legal and ethical boundaries of their professional activities. On the one hand, these specialists are required to comply with the FATF recommendations and thereby contribute to the fight against crime.

On the other hand, they must also protect the confidentiality of information that constitutes their professional secret. The article discusses the provisions of Federal Laws № 115-FZ and № 222-FZ on issues of notarial and attorney-client privilege. The analysis of the current industry and special legislation regulating the legal regime of these secrets is carried out. Conclusions are drawn about the conflict between the two legal institutions and ways to eliminate them are proposed.

Key words: AML/CFT, confidential information, professional secrecy, notarial secrecy, attorney's secret, disclosure of secrets

*For citation: Ruf V. (2025) Secrecy or not: on the issue of the participation of notaries and advocates in «anti-laundering» activities. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 47–54, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_47.*

Вместе со стремительным поступательным развитием общества стали появляться глобальные проблемы, развиваться новые формы преступности, носящие транснациональный характер, искоренение которых возможно только путем совместных усилий мирового сообщества. Так, в конце прошлого тысячелетия была создана Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (далее – ФАТФ) – международная организация, которая призвана создать эффективный механизм и стандарты осуществления различных (правовых, организационных, технических) мер по борьбе с отмыванием доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма, а также связанными с ними иными транснациональными преступлениями¹. В первый год своего существования ФАТФ были разработаны первые «Сорок рекомендаций»² (далее – Рекомендации) – акт, содержащий всеобъемлющую систему мер, направленных на борьбу с незаконными финансовыми потоками, который в последующие 30 лет существования организации был дополнен и значительно усовершенствован.

ФАТФ определен круг субъектов, которым настоятельно рекомендуется принимать участие в «антиотмывочной» деятельности, в том числе категории «установленных нефинансовых предприятий и профессий» (далее – УНФПП). Согласно пп. «d» рекомендации 22 и рекомендации 23 главы «В» Рекомендаций к указанной категории профессий относятся бухгалтеры, а также представители различных юридических специальностей, в том числе нотариусы и адвокаты, когда они готовят или совершают отдельные операции (сделки) для клиента, перечень которых определен в этих же нормах. Однако действительный круг отношений, затрагивающих участие этих субъектов в противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ), подлежит установлению каждым государством на национальном уровне самостоятельно.

Во многом это объясняется тем, что в отношении информации, ставшей известной субъектам профессиональной юридической деятельности, в частности адвокатам и нотариусам, применяется режим конфиденциальности, пределы которого могут определяться исключительно на государственном уровне, ввиду особой конституционной и национальной значимости института информации ограниченного доступа в целом. Аналогичная позиция отражена в п. 2 пояснительной записки к рекомендации 23.

Так как в 2003 г. Российская Федерация стала полноправным членом ФАТФ³, уже в 2004 г. в законодательство о ПОД/ФТ были внесены дополнения, обязывающие адвокатов и нотариусов при наличии у них любых оснований полагать, что сделки или финансовые операции их клиентов осуществляются или могут быть осуществлены в целях легализации доходов, полученных преступным путем, или финансирования

¹ Пузырев С. А. Тенденции деятельности ФАТФ по противодействию угрозам глобальной финансовой системе // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 302. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10205.

² The FATF Recommendations. November. 2023. URL: <https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Fatf-recommendations.html> (дата обращения: 15.12.2024).

³ Международная группа финансовых действий по борьбе с отмыванием доходов (ФАТФ). 28 ноября 2005 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_organizations/drugie-finansovye-organizacii/1718627/ (дата обращения: 20.12.2024).

терроризма, уведомлять об этом Росфинмониторинг¹. Затем с усложнением общественных отношений, развитием ФАТФ и дополнением Рекомендаций в национальное законодательство также вносились изменения, которые распространили указанное требование на аудиторов, определили порядок взаимодействия УНФПП с уполномоченным органом².

В 2024 г. также был принят Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 222-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ № 222-ФЗ), расширяющий круг обязанностей адвокатов и нотариусов по участию в «антиотмывочной деятельности», идентификации клиентов и уведомлении Росфинмониторинга о подозрительных операциях, который вступил в силу 30 декабря 2024 г.

Указанные нормативные акты являются еще одним дополнением процедур, соответствующих международным стандартам ПОД/ФТ, а статус нотариусов и адвокатов в значительной степени начинает совпадать со статусом системных субъектов первичного финансового мониторинга³.

Тем не менее нововведения вновь затронули вопрос баланса публичного интереса в создании наиболее эффективного механизма ПОД/ФТ и искоренения финансовых преступлений и частного интереса, выраженного в сохранении тайны частной жизни физических лиц, составной частью которой является адвокатская тайна, и ведении дел юридических лиц, обратившихся к представителям профессионального юридического сообщества.

Примечательно, что предложенные изменения, как указывается в пояснительной записке к проекту ФЗ № 222-ФЗ, никаким образом не нарушают установленную законом Российской Федерации тайну, однако какие-либо комментарии по этому вопросу отсутствуют⁴.

Понятие и правовой режим профессиональной тайны

Сегодня в российском праве отсутствует единая точка зрения относительно сущности института тайн, тайны в целом и профессиональной (служебной) тайны в частности⁵.

Законодательное определение профессиональной тайны закреплено в ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: это «информация, полученная гражданами (физическими лицами) при исполнении ими профессиональных обязанностей или организациями при осуществлении ими определенных видов деятельности». Норма также включает требование к защите информации, которое реализуется через законодательное закрепление обязанности указанных лиц обеспечивать конфиденциальность таких данных. Перечень сведений конфиденциального характера⁶, согласно которому к профессиональной тайне относится «информация, связанная с профессиональной деятельностью, доступ к которой ограничен Конституцией РФ или федеральным законодательством», также не дает содержательной конкретизации, а лишь определяет профессиональную тайну путем перечисления

¹ Федеральный закон от 28 июля 2004 г. № 88-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“».

² См.: Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“» и статью 13 Федерального закона „Об аудиторской деятельности“»; Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 33-ФЗ «О внесении изменений в статьи 7 и 71 Федерального закона „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“ и статьи 7 и 10 Федерального закона „О национальной платежной системе“» и др.

³ Дедиков С. В. Несистемные субъекты противозаконного контроля // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 100.

⁴ Пояснительная записка от 27 октября 2023 г. к проекту федерального закона «О внесении изменений в статьи 71 и 8 Федерального закона „О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма“ и Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» // Система обеспечения законотворческой деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/471060-8> (дата обращения: 25.12.2024).

⁵ См.: Травников Н. О. Проблемы закрепления института служебной тайны в российской правовой системе // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 103; Васильев В. А. Понятие и признаки профессиональной тайны // Вестник ННГУ. 2021. № 3. С. 65. DOI: 10.52452/19931778_2021_3_64.

⁶ Указ Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 (ред. от 13 июля 2015 г.) «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера».

ее отдельных видов: нотариальной, адвокатской, врачебной тайн. Такое определение позволяет говорить о крайне высокой степени абстракции профессиональной тайны, что в перспективе позволяет относить к ней любую информацию, ставшую известной субъектам профессиональной деятельности.

В качестве существенных признаков профессиональной тайны, исходя из нормативного содержания, следует выделять: 1) конфиденциальность; 2) закрепление таких сведений в качестве тайны и ответственности за ее разглашение отраслевым федеральным законом; 3) получение информации только при осуществлении профессиональной деятельности¹.

Примечательно, что из-за отсутствия полноценного законодательного регулирования института профессиональной тайны на системной основе предполагается, что режим конфиденциальности информации, составляющей указанную тайну, должен обеспечивать ее защиту в равной степени независимо от рода и вида деятельности, которую осуществляет тот или иной субъект профессиональной тайны. В связи с этим ввиду новых изменений в «антиотмывочное» законодательство значительный интерес вызывают вопросы правового регулирования доступа к информации, ставшей доступной при реализации своих профессиональных обязанностей нотариусам и адвокатам, так как первый является публичным лицом, совершающим нотариальные действия от имени государства, а второй – представителем частной профессии, который выступает от имени одной из сторон судебного процесса, но при этом уровень конфиденциальности информации одинаков.

Нотариальная тайна в условиях ПОД/ФТ

В Основах законодательства Российской Федерации о нотариате (далее – Основы)² отсутствует определение нотариальной тайны. Более того, в разных частях закона употребляются разные понятия: «профессиональная тайна» фигурирует в присяге нотариусов (ст. 14), «тайна совершения нотариального действия» – в ст. 16, 28 и 34.1, а сама «нотариальная тайна» упоминается только в ст. 19.2, распространяющей обязанность ее хранения на стажеров нотариусов. Очевидно, что перечисленные понятия являются синонимами, однако нотариальная тайна так же абстрактна и содержательно неустойчива, как и профессиональная тайна, в связи с чем в научной литературе до сих пор идет оживленная дискуссия о том, какие сведения необходимо относить к информации, составляющей нотариальную тайну³. Так, по мнению С. Н. Братановского, в содержание нотариальной тайны могут входить как персональные данные лица, так и информация, обладающая действительной или потенциальной коммерческой ценностью⁴. Схожего мнения придерживается О. В. Сычев, который отмечает, что «нотариальная тайна распространяется на любые сведения, ставшие известными нотариусу и иному субъекту в связи с осуществлением нотариальной деятельности (например, о личной жизни обратившегося гражданина и членах его семьи, о составе его имущества, предполагаемых действиях и т. д., представленные в устной или письменной форме)»⁵. С. П. Гришаев считает, что ст. 16 отраслевого законодательства устанавливает режим нотариальной тайны для всех сведений, которые становятся известными нотариусу и другим лицам, вовлеченным в его профессиональную деятельность, без каких-либо исключений⁶. Таким образом, под понятие нотариальной тайны подпадает информация как о личности клиентов, так и о предмете и особенностях операций, которая становится известной нотариусу при обращении к нему для получения исполнительной надписи или для удостоверения медиативного соглашения, которое при наличии на нем подписи нотариуса имеет силу исполнительного документа⁷.

¹ Васильев В. А. Указ. соч. С. 72.

² Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 28 декабря 2024 г.).

³ Алехина О. М. Проблемы обеспечения нотариальной тайны и ее уголовно-правовой охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 10.

⁴ Братановский С. Н. Правовые режимы и соотношение служебной и профессиональной тайны // Гражданин и право. 2013. № 1. С. 22.

⁵ Сычев О. М. Институт нотариальной тайны не отменен! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 98.

⁶ Гришаев С. П. Право на неприкосновенность частной жизни // Гражданин и право. 2012. № 12. С. 20.

⁷ Часть 5 ст. 12 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26 июля 2019 г.) «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)».

При этом, прибегая к услугам нотариусов, физические и юридические лица могут преследовать преступный интерес, направленный на придание законного характера денежным средствам, передаваемым за оказанные услуги, которые в действительности не предоставлялись. А сами схемы с использованием фиктивных исполнительных документов, в том числе выдаваемых нотариусами, в целях уклонения от исполнения требований в области ПОД/ФТ, являются проблемой, актуальной до сих пор¹.

В связи с этим на нотариусов Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (далее – ФЗ № 115-ФЗ) возложена обязанность при совершении указанных и иных нотариальных действий, имея любые основания полагать, что сделки или финансовые операции, предусмотренные п. 1 ст. 7.1 ФЗ № 115-ФЗ, производятся с целью отмывания доходов и финансирования терроризма, сообщать о таких сомнительных операциях в Росфинмониторинг.

Соответственно, до декабря 2024 г. на уровне федерального законодательства присутствовала коллизия норм, при которой на нотариуса как на несистемного участника «антиотмывочной» деятельности возложена обязанность по предоставлению информации, относящейся к нотариальной тайне в уполномоченный орган по финансовому мониторингу, в том время как в ч. 4 ст. 5 Основ, регламентирующей изъятие из режима нотариальной тайны, Росфинмониторинг отсутствовал.

Тем не менее в связи с принятием ФЗ № 222-ФЗ предоставление нотариусом сведений (документов) о совершенной исполнительной надписи и об удостоверенном медиативном соглашении в уполномоченный орган по финансовому мониторингу перестало считаться формальным нарушением конфиденциальности нотариальной тайны в соответствии с отраслевым законом. Более того, в целях минимизации совершения нотариальных действий, в перспективе способствующих финансовому преступлению, нотариусов отдельным федеральным законом обязали проводить дополнительную проверку подлинности займов клиентов, обратившихся за совершением исполнительной надписи или удостоверением медиативного соглашения по факту займа, наделив нотариуса правом получать соответствующие расчетные документы из кредитных организаций самостоятельно².

В свою очередь, работники Росфинмониторинга при исполнении своих должностных обязанностей также должны хранить нотариальную тайну, раз было установлено изъятие из нее на уровне отраслевого закона в целях сохранения режима конфиденциальности (п. 6 ст. 8 ФЗ № 115-ФЗ). При этом предоставление нотариусами в уполномоченный орган информации, предусмотренной ст. 7.1 ФЗ № 115-ФЗ, не является разглашением нотариальной тайны в силу прямого предписания абз. 2 п. 5 этой же статьи.

Таким образом, законодательство о ПОД/ФТ и основы законодательства о нотариате смогли прийти в относительное взаимное соответствие, что на практике позволит избежать возникновения конфликтных ситуаций на почве обеспечения конфиденциальности нотариальной тайны и в перспективе снизить уровень финансовых преступлений.

Адвокатская тайна в условиях ПОД/ФТ

В отличие от нотариальной тайны, понятие адвокатской тайны прямо закреплено в ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22 апреля 2024 г.) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 63-ФЗ), согласно которой под ней понимаются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. Однако категория адвокатской тайны также обладает крайне широкой степенью абстрактности, учитывая то, что режим конфиденциальности не может носить абсолютный количественный характер,

¹ Баландин А. А. Особенности управления рисками в сфере ПОД и ФТ: правовые проблемы, возникающие при исполнении нотариусами требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Обществознание и социальная психология. 2022. № 12-2 (42). С. 596.

² Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в статьи 59.1 и 91.1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате».

в противном случае адвокат не мог бы взаимодействовать ни с каким другим государственным, муниципальным или саморегулируемым органом и организацией.

Проблему законодательного противоречия норм ФЗ № 115-ФЗ и ФЗ № 63-ФЗ в научной литературе, посвященной исследованиям правовой природы, назначения и содержания адвокатской тайны, называют одной из самых существенных и серьезных в настоящее время¹. Коллизия кроется в положениях п. 1 и абз. 1 п. 5 ст. 7.1 ФЗ № 115-ФЗ, согласно которым адвокаты обязаны уведомлять Росфинмониторинг о подозрительных сделках или финансовых операциях клиентов, а также о заморозке их активов, в случае если есть подозрения, что они осуществляются или могут быть осуществлены в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма (п. 1), за исключением ситуаций, когда указанная информация относится к категории адвокатской тайны (п. 5), под которой, как отмечалось ранее, понимаются любые сведения.

В научной литературе с момента первого внесения требований к адвокатам по участию в «антиотмывочной» деятельности в 2004 г. высказываются два мнения: 1) о необходимости ограничить вмешательство государства в адвокатскую деятельность и недопустимости подмены профессиональной юридической помощи «доносительством» на своих клиентов² и 2) об обязанности адвокатского сообщества принимать меры по противодействию легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма как наиболее опасным видам преступности, в том числе путем активного взаимодействия с Росфинмониторингом³.

ФЗ № 222-ФЗ не только не решает указанную коллизию между функционирующими параллельно правовыми институтами, но и вносит большую неясность в нормативно-правовое регулирование. В действующей редакции ФЗ № 115-ФЗ сохраняется логическое противоречие между п. 1 и п. 5 ст. 7.1, однако теперь, помимо прочего, к обязанностям работников уполномоченного органа по финансовому мониторингу относится сохранение адвокатской тайны.

Таким образом, законодатель, указывая на то, что сведения, содержащие адвокатскую тайну, в силу абз. 1 п. 5 ст. 7.1 передаваться в Росфинмониторинг не должны, одновременно наделяет работников органа правовым статусом субъекта этой профессиональной тайны. Соответственно, в таком случае предоставление адвокатами данных в Росфинмониторинг не является нарушением конфиденциальности такой информации как тайны. А значит, абз. 1 п. 5 ст. 7.1 не создает изъятий из общего правила и содержательно становится «мертвой» нормой. То есть нововведения в ФЗ № 115-ФЗ не устранили внутренних противоречий, касающихся возможности и порядка участия адвокатов в «антиотмывочной» деятельности.

Выводы

Таким образом, сегодня в российском праве вопрос правового регулирования отдельных видов профессиональных тайн на уровне отраслевых и специальных законов остается крайне актуальным и дискуссионным. Нотариальная и адвокатская тайны являются одними из наиболее ярких примеров законодательного молчания при регулировании института профессиональной тайны, которое приводит к практическим проблемам и столкновениям представителей разных профессиональных сообществ с государственными органами.

Изменения в «антиотмывочное» законодательство, внесенные ФЗ № 222-ФЗ, позволили разрешить коллизию норм, посвященных нотариальной тайне и порядку ее предоставления работникам Росфинмониторинга, однако обострили коллизию норм об адвокатской тайне и объеме сведений, ее составляющих.

Учитывая позицию Конституционного Суда РФ, согласно которой одним из условий реализации права на квалифицированную юридическую помощь, предусмотренного ст. 48 Конституции РФ, является «обеспечение конфиденциальности информации,

¹ Подоприхин Д. Б. Актуальные проблемы института адвокатской тайны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. Т. 17. № 2. С. 114. DOI: 10.14529/law170221.

² См.: Каганер Г. С., Костромина К. Л., Курепин Д. В. Адвокат – не доносчик! // ЭЖ-Юрист. 2007. № 13; Буробин В. Легализация доносительства // Бизнес-адвокат. 2005. № 6.

³ См.: Щербакова Л. Г., Ткаченко Е. В., Фомичева Р. В. Проблемы правового регулирования и охраны института адвокатской тайны в России // Правовая культура. 2024. № 2. С. 38.

с получением и использованием которой сопряжено оказание юридической помощи, предполагающей по своей природе доверительность в отношениях между адвокатом и клиентом, чему, в частности, служит институт адвокатской тайны»¹, адвокат не вправе сообщать в Росфинмониторинг о сделках, операциях, предположительно или точно совершаемых с целью легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма, если данные о них стали известны в ходе оказания юридической помощи.

Однако полный отказ от предоставления членами адвокатского сообщества каких-либо сведений в Росфинмониторинг не только будет противоречить международным стандартам борьбы с отмыванием доходов и финансированием терроризма, но и может поставить под удар финансовую безопасность всего государства.

Соответственно, необходима конкретизация на уровне ФЗ № 63-ФЗ, какая конкретно информация, ставшая известной в процессе исполнения адвокатом профессиональной деятельности, подпадает под адвокатскую тайну, а какая, хотя и является конфиденциальной, имеет отличный правовой режим, позволяющий передавать такую информацию в уполномоченные государственные органы.

Вместе с тем решение вопроса о содержании адвокатской тайны при приоритете публичного интереса возможно путем внесения в ст. 8 ФЗ № 63-ФЗ изменений, аналогичных по своему смыслу и назначению изменениям, внесенным в ст. 5 Основ, т. е. разрешить вопрос по аналогии с нотариальной тайной. При этом необходима переработка подхода к пониманию адвокатской тайны через призму ФЗ № 115-ФЗ. Ввиду того что работники Росфинмониторинга при исполнении своих служебных обязанностей должны хранить ставшую им известной адвокатскую тайну, расширяется круг субъектов, обладающих адвокатской тайной и обязанных защищать ее от неправомерного доступа иных лиц, а значит, режим ее конфиденциальности по аналогии с нотариальной, аудиторской и банковской тайнами не нарушается. Соответственно, в целях сохранения объема адвокатской тайны, как любых сведений, и учета приоритета поддержания стабильности государственной финансовой системы и искоренения преступности абз. 1 п. 5 ст. 7.1 ФЗ № 115-ФЗ предлагается изложить в следующей редакции: «Предоставление адвокатами в уполномоченный орган информации, предусмотренной настоящей статьей, не является разглашением адвокатской тайны».

Такой подход также позволит избежать потенциального привлечения представителей адвокатского сообщества к юридической ответственности за неисполнение требований «антиотмывочного» законодательства или за разглашение адвокатской тайны.

Кроме этого, появляется возможность защитить представителей адвокатского сообщества от риска их привлечения к юридической ответственности как за нарушение требований ФЗ № 115-ФЗ, так и за разглашение адвокатской тайны, а также обеспечить равный уровень конфиденциальности, единый правовой режим информации, предоставляемой как нотариусами, так и адвокатами, составляющей предмет регулирования института профессиональной тайны, т. е. информации с однородным режимом доступа.

Список литературы

Алехина О. М. Проблемы обеспечения нотариальной тайны и ее уголовно-правовой охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 10–15.

Баландин А. А. Особенности управления рисками в сфере ПОД и ФТ: правовые проблемы, возникающие при исполнении нотариусами требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Обществознание и социальная психология. 2022. № 12-2 (42). С. 593–608.

Братановский С. Н. Правовые режимы и соотношение служебной и профессиональной тайны // Гражданин и право. 2013. № 1. С. 13–23.

Буробин В. Легализация доносительства // Бизнес-адвокат. 2005. № 6. URL: <https://centerbereg.ru/h2171.html> (дата обращения: 17.01.2025).

Васильев В. А. Понятие и признаки профессиональной тайны // Вестник ННГУ. 2021. № 3. С. 64–73. DOI: 10.52452/19931778_2021_3_64.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О «По жалобе граждан С. В. Бородин, В. Н. Буробина, А. В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Гришаев С. П. Право на неприкосновенность частной жизни // Гражданин и право. 2012. № 12. С. 11–29.

Дедиков С. В. Несистемные субъекты противолегализационного контроля // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 97–128.

Каганер Г. С., Костромина К. Л., Курепин Д. В. Адвокат – не доносчик! // ЭЖ-Юрист. 2007. № 13. URL: <https://base.garant.ru/5343962/#text> (дата обращения: 17.01.2025).

Подоприхин Д. Б. Актуальные проблемы института адвокатской тайны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. 2017. Т. 17. № 2. С. 111–116. DOI: 10.14529/law170221.

Пузырев С. А. Тенденции деятельности ФАТФ по противодействию угрозам глобальной финансовой системе // Вестник экономической безопасности. 2020. № 3. С. 302–306. DOI: 10.24411/2414-3995-2020-10205.

Сычев О. М. Институт нотариальной тайны не отменен! // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 7. С. 97–101.

Травников Н. О. Проблемы закрепления института служебной тайны в российской правовой системе // Российский юридический журнал. 2019. № 1. С. 103–109.

Щербак Л. Г., Ткаченко Е. В., Фомичева Р. В. Проблемы правового регулирования и охраны института адвокатской тайны в России // Правовая культура. 2024. № 2. С. 33–42.

References

Alyokhina O. M. (2016) Problemy obespecheniya notarial'noi tainy i ee ugovovno-pravovoi okhrany [Problems of ensuring notarial secrecy and its criminal law protection]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 1, pp. 10–15.

Balandin A. A. (2022) Osobennosti upravleniya riskami v sfere POD i FT: pravovye problemy, vznikayushchie pri ispolnenii notariusami trebovaniy zakonodatel'stva o protivodeistvii legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma [Features of AML and CFT risk management: legal problems that arise when notaries comply with the requirements of legislation on countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism]. In *Obshchestvoznaniye i sotsial'naya psikhologiya*, no. 12-2 (42), pp. 593–608.

Bratanovskii S. N. (2013) Pravovye rezhimy i sootnosheniye sluzhebnoi i professional'noi tainy [Legal regimes and the ratio of official and professional secrecy]. In *Grazhdanin i pravo*, no. 1, pp. 13–23.

Burobin V. (2005) Legalizatsiya donositel'stva [Legalization of whistleblowing]. In *Biznes-advokat*, no. 6, available at: <https://center-bereg.ru/h2171.html> (accessed: 17.01.2025)

Dedikov S. V. (2020) Nesistemnye sub"ekty protivolegalizatsionnogo kontrolya [Non-systemic subjects of anti-legalization control]. In *Khozyaistvo i pravo*, no. 10, pp. 97–128.

Grishaev S. P. (2012) Pravo na neprikosновенnost' chastnoi zhizni [The right to privacy]. In *Grazhdanin i pravo*, no. 12, pp. 11–29.

Kaganer G. S., Kostromina K. L., Kurepin D. V. (2007) Advokat – ne donoschik! [A lawyer is not a scammer!]. In *EZH-Yurist*, no. 13, available at: <https://base.garant.ru/5343962/#text> (accessed: 17.01.2025)

Podoprikhin D. B. (2017) Aktual'nye problemy instituta advokatskoi tainy [Actual problems of the Institute of attorney-client privilege]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, vol. 17, no. 2, pp. 111–116.

Puzyrev S. A. (2020) Tendentsii deyatel'nosti FATF po protivodeistviyu ugrozam global'noi finansovoi sisteme [FATF's activities aimed at countering threats to the global financial system]. In *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti*, no. 3, pp. 302–306.

Shcherbakova L. G., Tkachenko E. V., Fomicheva R. V. (2024) Problemy pravovogo regulirovaniya i okhrany instituta advokatskoi tainy v Rossii [Problems of legal regulation and protection of the institute of attorney-client privilege in Russia]. In *Pravovaya kul'tura*, no. 2, pp. 33–42.

Sychev O. M. (2007) Institut notarial'noi tainy ne otmenen! [The institute of notarial secrecy has not been abolished!]. In *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, no. 7, pp. 97–101.

Travnikov N. O. (2019) Problemy zakrepleniya instituta sluzhebnoi tainy v rossiiskoi pravovoi sisteme [Problems of consolidating the institution of official secrecy in the Russian legal system]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 103–109.

Vasiliev V. A. (2021) Ponyatie i priznaki professional'noi tainy [The concept and signs of professional secrecy]. In *Vestnik NNGU*, no. 3, pp. 64–73.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.05.2025

Дата принятия рукописи в печать: 20.09.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_55

ВЛИЯНИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ ПРЕДМЕТА ЗАЛОГА НА НАДЛЕЖАЩИЙ СОСТАВ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ ОБ ОБРАЩЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ЗАЛОЖЕННОЕ ИМУЩЕСТВО

Акманов Дмитрий Рустемович

Магистрант Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Москва), ORCID: 0009-0003-0268-2623, e-mail: dakmanov01@mail.ru.

В статье анализируется, каким образом переход прав на предмет залога от залогодателя (ответчика по делу) к третьему лицу, произошедший до момента вынесения судом решения по делу, должен влиять на состав лиц, участвующих в деле об обращении взыскания на предмет залога. Обосновывается, что привлечение к участию в деле в качестве ответчика действующего правообладателя заложенного имущества позволяет избежать принятия неправосудных и не обладающих свойством исполнимости судебных решений. При этом автором перечисляются условия использования различных предусмотренных процессуальным законом механизмов, способных обеспечить привлечение к участию в деле указанных лиц в качестве ответчиков. Сделан вывод, что достаточным основанием процессуального правопреемства на стороне ответчика может быть лишь переход прав на предмет залога, произошедший после возбуждения производства по делу. Кроме того, аргументируется, что ответчик, утративший по ходу процесса или до его начала права на заложенное имущество, должен продолжать участвовать в деле в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора.

Ключевые слова: залог, обращение взыскания на заложенное имущество, замена ненадлежащего ответчика, процессуальное правопреемство, преобразование процессуального статуса, процессуальное соучастие, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора

Для цитирования: Акманов Д. С. Влияние отчуждения предмета залога на надлежащий состав лиц, участвующих в деле об обращении взыскания на заложенное имущество // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 55–63. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_55.

THE IMPACT OF THE ALIENATION OF THE PLEDGED OBJECT ON THE PROPER COMPOSITION OF THE PERSONS INVOLVED IN THE FORECLOSURE PROCEEDINGS ON THE PLEDGED PROPERTY

Akmanov Dmitriy

Master's student, Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (Moscow), ORCID: 0009-0003-0268-2623, e-mail: dakmanov01@mail.ru.

The article analyzes the question of how the transfer of rights to the pledged property from the pledgor (defendant in the case) to a third party, which occurred before the court of first instance rendered a decision on the case, should affect the composition of the persons involved in the foreclosure case. It is proved that the involvement of the current right holder of the pledged property in the case as a defendant makes it possible to avoid the adoption of unlawful and unenforceable court decisions. At the same time the author outlines the conditions for using various mechanisms provided by procedural law that can ensure the involvement of these persons as defendants in the case. It is concluded that a sufficient basis for procedural succession on the defendant's side can only be the transfer of rights to the pledged property that occurred after the initiation of proceedings. In addition, it is argued that the defendant who

lost the rights to the pledged property during the process or before it began should continue to participate in the case as a third party who does not file independent claims regarding the subject of the dispute.

Key words: pledge, foreclosure, replacement of improper defendant, procedural succession, transformation of procedural status, procedural complicity, third parties who do not filing independent claims regarding the dispute subject

For citation: Akmanov D. (2025) The impact of the alienation of the pledged object on the proper composition of the persons involved in the foreclosure proceedings on the pledged property. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 5, pp. 55–63, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_55.

В цивилистической процессуальной науке общепризнано, что от определения состава лиц спорного материального правоотношения и их процессуального положения зависит возможность вынесения законного и обоснованного решения по делу¹. Поэтому суд должен совершать процессуальные действия, направленные на разрешение вопросов о надлежащем составе участников судебного разбирательства. При этом должна приниматься во внимание специфика конкретных материальных правоотношений, учитываться динамика их развития.

Изменения в субъектном составе материальных правоотношений нередко порождают вопросы о необходимости таких изменений соответствующих процессуальных отношений, а также о том, какие механизмы должны применяться для их осуществления. Это отчетливо проявляется при рассмотрении судами дел об обращении взыскания на заложенное имущество в случаях, когда во время производства по делу или до его возбуждения имеет место переход прав на заложенное имущество от одного лица к другому.

Как известно, при переходе прав на заложенное имущество от залогодателя к другому лицу залог сохраняется. При этом правопреемник залогодателя приобретает права и несет обязанности залогодателя (п. 1 ст. 353 ГК РФ). Вместе с тем анализ практики рассмотрения дел по искам залогодержателей об обращении взыскания на заложенное имущество позволяет прийти к выводу о неоднозначном толковании судами указанного нормативного положения при разрешении вопроса об определении состава лиц, участвующих в деле.

Так, встречается подход, согласно которому непривлечение к участию в деле лица, являющегося на момент рассмотрения правообладателем заложенного имущества, не препятствует его разрешению². В отдельных случаях судами прямо указывается, что выявленная в процессе разбирательства утрата ответчиком статуса залогодателя не может влиять на правомерность заявленных истцом притязаний³.

Думается, что такой подход может быть обусловлен существующими в доктрине представлениями, что требование об обращении взыскания на предмет залога является прежде всего против заложенного имущества⁴. Вместе с тем указанные положения не могут свидетельствовать об отсутствии необходимости участия в деле действующего правообладателя заложенного имущества.

Принимая решение по иску об обращении взыскания на предмет залога, суд определяет дальнейшую юридическую судьбу заложенного имущества. Вступившее

¹ Фоков А. П. О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о подготовке гражданских дел к судебному разбирательству // Российский судья. 2008. № 10. С. 6; Фомина О. Ю. Объективные и субъективные предпосылки преобразования процессуального положения лиц, участвующих в деле // Lex Russica. 2018. № 3. С. 87; Чекмарева А. В. Развитие норм о подготовке гражданских дел к судебному разбирательству в цивилистических процессуальных кодексах Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 179.

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 6 октября 2020 г. № 88-18091/2020; апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 26 марта 2024 г. по делу № 2-3144/2023.

³ Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24 января 2023 № 88-415/2023 по делу № 2-101/2022.

⁴ Дождев Д. В. Вещный момент в залоговом праве: отечественная доктрина и исторические уроки // Гражданское право. 2015. № 2. С. 10.

в законную силу решение об обращении взыскания на заложенное имущество неизбежно влечет за собой необходимость перехода прав на предмет залога от правообладателя к покупателям этого имущества либо же к залогодержателю.

Таким образом, судебные акты влияют на имущественную сферу лица, являющегося правообладателем заложенного имущества на момент вынесения такого решения. Поэтому непривлечение указанного лица к участию в деле может привести к принятию неправоудного решения¹.

Более того, судебные акты об обращении взыскания на заложенное имущество, вынесенные в отношении лица, не являющегося на момент вынесения правообладателем заложенного имущества, не обладают свойством исполнимости. Как известно, законодательством об исполнительном производстве не предусматривается возможность обращения взыскания на имущество, не принадлежащее должнику. Ввиду этого на практике нередко исполнительные производства, возбужденные в отношении лиц, утративших статус правообладателя заложенного имущества, оканчиваются на основании положений пп. 3, 4 ч. 1 ст. 46 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

В таких случаях залогодержатели в целях реализации права залога вынуждены повторно подавать в суд иски об обращении взыскания на предмет залога, указывая в качестве ответчиков действующих правообладателей заложенного имущества. При этом залогодержатели порой сталкиваются с препятствиями в реализации своего права на судебную защиту. Так, в практике встречается позиция, что право на иск с обращением взыскания на заложенное имущество уже реализовано залогодержателями ввиду вынесения решений по первоначально предъявленным искам. На этом основании делается вывод, что производство по заявленным исковым требованиям залогодержателей должно быть прекращено².

С таким подходом нельзя согласиться, поскольку заявляемые залогодержателями иски не тождественны друг другу. Они предъявляются к разным ответчикам – предшествовавшему и нынешнему правообладателям заложенного имущества. Кроме того, различен круг обстоятельств, подлежащих выяснению по каждому из исков. Так, по иску, предъявляемому к действующему правообладателю заложенного имущества, должны, помимо прочего, исследоваться обстоятельства, касающиеся перехода прав на предмет залога от первоначального залогодателя к иным лицам (или же к иному лицу – в случае, если переход прав имел место единожды). Следовательно, прекращение производства по такому делу на том основании, что ранее принятым судебным решением было обращено взыскание на соответствующее заложенное имущество, свидетельствует об ограничении залогодержателя в праве на судебную защиту.

Таким образом, представляется, что во избежание риска принятия по делу неправоудного решения, в целях обеспечения процессуальной экономии, недопущения появления нескольких разбирательств, в которых рассматривается вопрос об обращении взыскания на одно и то же заложенное имущество, предупреждения возможного ограничения прав залогодержателей на защиту, суд с момента выявления факта утраты ответчиком прав на заложенное имущество должен обеспечить участие в деле действующего правообладателя указанного имущества. При этом процессуальное положение субъекта должно определяться надлежащим образом.

В некоторых случаях действующий правообладатель заложенного имущества привлекается к участию в деле об обращении взыскания на заложенное имущество в качестве соответчика³. Причем суды (в особенности суды общей юрисдикции) нередко

¹ Справедливости ради следует отметить, что суды апелляционных и кассационных инстанций нередко отменяют судебные акты, принятые без участия в деле действующих правообладателей заложенного имущества со ссылкой на п. 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, п. 4 ч. 4 ст. 288 АПК РФ. См., например: определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2024 г. № 88-1930/2024 по делу № 2-145/2023, от 16 ноября 2023 г. № 88-34148/2023 по делу № 2-712/2022; апелляционное определение Ростовского областного суда от 21 марта 2024 г. № 33-737/2024 по делу № 2-3106/2023; апелляционное определение Верховного суда Республики Крым от 15 марта 2022 г. № 33-1494/2022 по делу № 2-303/2021.

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 14 июня 2024 г. № 88-13896/2024 по делу № 02-4414/2014; апелляционное определение Московского городского суда от 12 февраля 2024 г. № 33-3154/2024 по делу № 02-4414/2014.

³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 12 декабря 2023 г. № 33-28758/2023 по делу № 2-5987/2023; апелляционное определение Верховного суда Республики Марий Эл от

осуществляют данное действие по собственной инициативе, без учета мнения истца. В результате в процессе появляются два ответчика, являющихся соответственно предшественным и нынешним правообладателями заложенного имущества. Такой подход вызывает сомнения, поскольку бывший правообладатель заложенного имущества, очевидно, отвечать по заявленному иску не может, а значит, не должен участвовать в деле в качестве ответчика. Поэтому вряд ли можно назвать данное процессуальное решение гибким и эффективным¹.

Кроме того, нельзя в данном случае не процитировать слова М. С. Шакарян, которая, характеризуя фигуру ответчика в гражданском процессе, отмечала: «Соответчики связаны между собой спорным правоотношением; ответственность одного из них не исключает ответственности другого. В отличие от этого надлежащий и ненадлежащий ответчики – это два независимых друг от друга субъекта спора с противоречивыми интересами; ответственность одного из них исключает ответственность другого»². В таком ключе предшествующий правообладатель заложенного имущества и нынешний не могут в одном процессе по иску об обращении взыскания на заложенное имущество выступать в качестве соответчиков. Между ними не возникают какие-либо спорные правоотношения, которые бы существовали на протяжении всего рассмотрения дела и имели бы при этом значение для разрешения спора по иску залогодержателя. Удовлетворение требования в отношении одного из них исключает возможную ответственность другого. Противоречивость же их интересов проявляется в том, что действующий правообладатель заложенного имущества в отличие от предшественного заинтересован, чтобы суд не выносил решение об удовлетворении иска залогодержателя, поскольку в любом случае оно непосредственно отразится на имущественной сфере нынешнего, но не предшественного правообладателя.

Участие действующего правообладателя заложенного имущества в деле в качестве соответчика допустимо в тех случаях, когда судом рассматривается дело по исковому заявлению, объединяющему требования об обращении взыскания на заложенное имущество и о взыскании задолженности по обеспеченному залогом обязательству. Это объясняется тем, что при рассмотрении указанных требований в качестве ответчика подлежит привлечению должник по обеспеченному залогом обязательству.

Таким образом, появление нового правообладателя заложенного имущества, не совпадающего с должником по обеспеченному залогом обязательству, создает основания для возникновения процессуального соучастия на стороне ответчика. В остальных случаях участие действующего правообладателя заложенного имущества в деле об обращении взыскания на предмет залога должно обеспечиваться при помощи иных предусмотренных процессуальным законодательством механизмов. Среди таковых можно выделить замену ненадлежащего ответчика надлежащим и замену ответчика в порядке процессуального правопреемства.

В процессуальной литературе замена ненадлежащего ответчика надлежащим связывается с наличием изначально допущенной истцом ошибки в определении ответчика по иску³. При этом в качестве надлежащего ответчика к участию в деле привлекается лицо, в отношении которого возникает лишь предположение, что оно может быть субъектом спорного правоотношения.

В связи с этим думается, что институт замены ненадлежащего ответчика должен применяться исключительно в случаях, когда истец изначально предъявляет иск об обращении взыскания на заложенное имущество к лицу, которое до момента возбуждения производства по делу утратило статус залогодателя. В отношении такого лица исключается предположение, что оно может являться стороной спорного правоотношения, возникающего между залогодержателем и залогодателем. В силу того что указанное лицо в ходе производства по делу не обладает правами на заложен-

5 сентября 2023 г. по делу № 33-1681/2023; апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 10 августа 2023 г. № 33-15117/2023 по делу № 2-2231/2022.

¹ О нецелесообразности сохранения за ненадлежащей стороной статуса ответчика по делу в случае привлечения к участию в деле надлежащей стороны также указывалось в научной литературе. См.: Алиев Т. Т. Актуальные вопросы правового положения участников гражданского процесса // Современное право. 2020. № 10. С. 88.

² Шакарян М. С. Избранные труды. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр, 2024. С. 676.

³ Там же.

ное имущество, совершаемые им в процессе действия не должны иметь какого-либо значения для привлекаемого к участию в деле в качестве ответчика действующего правообладателя заложенного имущества. Иное нарушало бы право действующего правообладателя заложенного имущества осуществлять защиту своих прав на протяжении всего процесса.

Следует также отметить, что для привлечения действующего правообладателя заложенного имущества в качестве надлежащего ответчика нет необходимости устанавливать наличие у него статуса залогодателя. Для этого в силу ст. 41 ГПК РФ, ст. 47 АПК РФ достаточно предположения о наличии у него такого статуса, которое обуславливается обладанием им правами на предмет залога.

Другое дело, что замена ненадлежащего ответчика невозможна без согласия на это истца. При отсутствии такого согласия суд в силу принципа диспозитивности гражданского судопроизводства должен рассматривать иск в отношении уже участвующего в деле ответчика. В арбитражном процессе, в отличие от гражданского, предусматривается возможность привлечь субъекта в качестве второго ответчика в случае отсутствия согласия истца на замену ненадлежащего ответчика надлежащим (ч. 2 ст. 47 АПК РФ). Однако реализация указанной возможности также поставлена в зависимость от истца.

Таким образом, в отсутствие согласия истца на замену ненадлежащего ответчика надлежащим или на привлечение надлежащего ответчика в качестве второго ответчика заранее предопределяется исход процесса. Суд в таком случае должен отказать истцу в удовлетворении его иска, поскольку единственным ответчиком по делу будет оставаться лицо, в отношении которого исключается предположение, что оно может являться стороной спорного правоотношения, возникающего между залогодержателем и залогодателем. Однако это неизбежно, поскольку замена привлеченного в качестве ответчика по делу об обращении взыскания на заложенное имущество лица, утратившего до возбуждения производства по делу права в отношении заложенного имущества, на действующего правообладателя такого имущества осуществима только в порядке замены ненадлежащего ответчика.

Процессуальное правопреемство возможно исключительно в тех случаях, когда соответствующие изменения в материальных правоотношениях произошли после возбуждения производства по делу¹. При этом в судебной практике возникают вопросы о применимости института процессуального правопреемства к случаям перехода прав на заложенное имущество от лица, занимающего процессуальное положение ответчика по делу к иным лицам.

Так, неоднозначно решается вопрос, связанный с переходом права собственности на заложенное имущество. В судебной практике встречается позиция, что смена собственника заложенного имущества не выступает основанием для процессуального правопреемства на стороне ответчика при рассмотрении судами дел об обращении взыскания на заложенное имущество². Этот подход обосновывается закрытым перечнем оснований процессуального правопреемства, указанных в ст. 44 ГПК РФ, ст. 48 АПК РФ.

Между тем на ограничительный характер такого толкования положений ст. 44 ГПК РФ, ст. 48 АПК РФ указал Конституционный Суд РФ в постановлении от 16 ноября 2018 г. № 43-П³, придя к выводу, что процессуальное правопреемство не исчерпывается ситуациями замены стороны в обязательстве, а отчуждение вещи представляет собой случай сингулярного правопреемства в вещном правоотношении. В связи с этим при таком отчуждении собственником подлежит применению механизм процессуального правопреемства, который является следствием правопреемства ма-

¹ Шакарян М. С. Указ. соч. С. 688; Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Статут, 2020. С. 147.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 апреля 2024 г. № Ф05-4698/2024 по делу № А40-108492/2023; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 апреля 2024 г. № 09АП-68664/2023-ГК по делу № А40-279815/2022; определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 августа 2024 г. № 88-14176/2024 по делу № 13-16/2024.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Б. Болчинского и Б. А. Болчинского».

териального¹. Аналогичная позиция применительно к случаям перехода права собственности на вещь была изложена ранее в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»².

Следовательно, переход права собственности на заложенную вещь может быть основанием процессуального правопреемства на стороне ответчика при рассмотрении судами дел об обращении взыскания на заложенное имущество. Вместе с тем возникает вопрос, является ли указанное основание единственным и достаточным для замены ответчика.

Как известно, необходимым основанием процессуального правопреемства является материальное правопреемство. Если считать, что процессуальное правопреемство на стороне ответчика по делам об обращении взыскания на заложенное имущество возможно только в случаях перехода прав залогодателя от одного лица к другому в материальных правоотношениях, то для решения вопроса о таком правопреемстве необходимо устанавливать как сам факт перехода прав на предмет залога от одного лица к другому, так и то, что залог сохраняется и действующий правообладатель стал залогодателем. Это следует из нормы подп. 2 п. 1 ст. 352 ГК РФ, согласно которой залог прекращается, если заложенное имущество возмездно приобретено лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога.

Таким образом, если суд при решении вопроса о процессуальном правопреемстве установит, что в результате перехода прав на заложенное имущество залог прекратился, то он тем самым фактически предрешит исход процесса, поскольку в отсутствие залога обращение взыскания на имущество по правилам ст. 348–349 ГК РФ, очевидно, невозможно. Думается, что это не укладывается в процессуальный регламент рассмотрения дела в суде первой инстанции. Как справедливо отмечает Д. Б. Абушенко, суд, разрешая вопрос о процессуальном правопреемстве, не должен предрешать разрешение дела по существу³.

Поэтому условием процессуального правопреемства на стороне ответчика не может быть переход прав залогодателя от ответчика к другому лицу. В ином случае действующий правообладатель заложенного имущества, который приобрел это имущество после возбуждения производства по делу, лишался бы возможности занять в начавшемся процессе процессуальное положение ответчика, поскольку замена ненадлежащего ответчика надлежащим в данном случае невозможна, а механизм процессуального правопреемства предрешал бы разрешение дела по существу.

Представляется, что для осуществления процессуального правопреемства на стороне ответчика по делам об обращении взыскания на заложенное имущество достаточно установления судом имевшего место после возбуждения производства по делу факта перехода прав на заложенное имущество от ответчика к другому лицу. При данных условиях решение вопроса о процессуальном правопреемстве не связывается с необходимостью определения сложного фактического состава, включающего в себя обстоятельства приобретения прав на заложенное имущество.

Кроме того, при указанном подходе обеспечивается возможность осуществления процессуального правопреемства на стороне ответчика в тех случаях, когда в материальных правоотношениях имеет место правопреемство в связи с переходом прав на заложенное имущество, но отчуждатель такого имущества, являющийся ответчиком по делу, в действительности не обладает статусом залогодателя. Например, подобная ситуация может сложиться ввиду того, что указанный ответчик в прошлом возмездно приобрел имущество, не зная и не имея возможности узнать, что оно является предметом залога. Думается, что в указанных случаях суд не должен игнорировать изменения, произошедшие в материальных правоотношениях.

Это объясняется, помимо прочего, тем, что требование об обращении взыскания на заложенное имущество по своей природе является требованием о правах на та-

¹ Мальбин Д. А. Изменение пассивно легитимированного лица в период спора по виндикационному иску // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4. С. 35.

² Пункт 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

³ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). С. 149; Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Яркова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. С. 112.

кое имущество¹. Удовлетворение данного требования неизбежно влечет за собой необходимость перехода прав на предмет залога. Соответственно, при смене правообладателя заложенного имущества возникает потребность в смене лица, призывающегося к ответу по требованию об обращении взыскания на это имущество. Только после нее в процессе подлежат разрешению вопросы, которые могут предопределить исход дела и связаны, в частности, с сохранением залога при переходе прав на заложенное имущество, с наличием или отсутствием оснований для обращения взыскания на заложенное имущество.

Процессуальное правопреемство на стороне ответчика в силу ст. 44 ГПК РФ, ст. 48 АПК РФ может быть осуществлено судом по собственной инициативе². Ввиду этого при выявлении имевшего место после возбуждения производства по делу факта перехода прав на заложенное имущество от ответчика к иному лицу, в целях выполнения задач гражданского судопроизводства судам необходимо привлекать к участию в разбирательстве действующего правообладателя заложенного имущества в качестве ответчика в порядке процессуального правопреемства.

Интересен вопрос о процессуальном статусе лица, вместо которого в дело вступает действующий правообладатель заложенного имущества – в порядке процессуального правопреемства или же замены ненадлежащего ответчика надлежащим.

Нельзя не учитывать, что решение, принятое по иску об обращении взыскания на заложенное имущество, может повлиять на права и обязанности указанного лица по отношению к лицу, вступившему в дело в качестве ответчика. Очевидным такое влияние видится в тех случаях, когда выбывший из участия в деле и новый ответчики занимают в материальном правоотношении положение продавца и покупателя заложенного имущества или цедента и цессионария (если предмет залога является обязательственное право) по отношению друг к другу. В таких ситуациях следующая после обращения взыскания на заложенное имущество реализация предмета залога будет основанием для возможного предъявления покупателем к продавцу требований, вытекающих из ст. 461 ГК РФ, или же для предъявления цессионарием к цеденту регрессного требования согласно ст. 393 ГК РФ.

Таким образом, продавец (цедент) заложенного имущества имеет интерес к участию в деле об обращении взыскания на заложенное имущество по иску третьего лица (залогодержателя) к покупателю (цессионарию), заключающийся в том, чтобы не допустить принятия по делу решения, которым будет обращено взыскание на заложенное имущество. Судебное решение по такому делу может опосредованно негативно отразиться на обязанностях продавца (цедента) заложенного имущества по отношению к покупателю (цессионарию). Из абз. 1 ст. 462 ГК РФ также следует, что продавец должен участвовать в деле об эвикции (в данном случае – в деле об обращении взыскания на заложенное имущество) на стороне покупателя³.

Кроме того, если в действительности имела место цепочка сделок по отчуждению заложенного имущества, то удовлетворение иска последнего покупателя (цессионария) такого имущества (ответчика по делу об обращении взыскания на предмет залога) к лицу, у которого он приобрел заложенное имущество, может быть основанием для предъявления последним регрессного иска к своему продавцу (цеденту), от которого было получено заложенное имущество. В будущем к каждому из промежуточных продавцов (цедентов) могут быть выдвинуты регрессные требования, а значит, для них могут наступить негативные последствия материально-правового характера. Следовательно, они также имеют опосредованный интерес к делу об обращении взыскания на заложенное имущество, хотя и более отдаленный с позиции правовой связи с решением суда по указанному делу, нежели последний продавец (цедент)⁴.

¹ Гонгало Б. М. Развитие кодификации законодательства о залоге: трансформация понятий // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д. А. Медведева; Исслед. центр частн. права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ. М.: Статут, 2019. С. 158.

² Такая позиция распространена в судебной практике. См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 июня 2024 г. № Ф05-12030/2024 по делу № А41-25327/2023; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 августа 2024 г. № Ф04-3429/2024 по делу № А67-4907/2022; определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 7 февраля 2022 г. № 88-879/2022 по делу № 2-67/2021.

³ Гузий Д. А. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 39.

⁴ Там же. С. 43.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что продавцы (цеденты) заложенного имущества должны участвовать в деле об обращении взыскания на предмет залога в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора. Указанным процессуальным статусом, следовательно, должно надеяться лицо, привлеченное к такому делу в качестве ответчика, утратившее по ходу процесса или до его начала права на заложенное имущество и в связи с этим впоследствии замененное другим ответчиком.

При этом нельзя не отметить, что в действующих цивилистических процессуальных кодексах не содержится норм, которые бы регулировали порядок преобразования процессуального положения лиц, участвующих в деле. В то же время, думается, возможность осуществления на практике такого преобразования не противоречит сущности процессуальной формы гражданского судопроизводства. Одним из ее элементов, как справедливо отмечала М. С. Шакарян, является допустимость в процессе, как правило, только действий, предусмотренных процессуальным законом¹. В этом смысле совершение судом действия, не закрепленного нормами цивилистического процессуального законодательства, следует рассматривать в качестве исключения из общего правила, что не позволяет автоматически считать его незаконным. Тем более что прекращение участия в деле субъекта в качестве ответчика и последующее наделение его процессуальным статусом третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, способствует правильной «расстановке» участников процесса. Это обеспечивает надлежащее осуществление ими своих процессуальных прав². Кроме этого, на возможность преобразования одного процессуального статуса в другой указывают ученые-процессуалисты³.

Таким образом, переход прав на заложенное имущество имеет значение для определения судами состава лиц, участвующих в деле об обращении взыскания на заложенное имущество. Без привлечения к разбирательству в качестве ответчика действующего правообладателя заложенного имущества исход такого спора фактически предрешается, поскольку в процессе отсутствует надлежащий ответчик, которым может быть только действующий правообладатель заложенного имущества.

Для определения надлежащего механизма привлечения к участию в деле указанных лиц непосредственное значение имеет момент перехода к ним прав на заложенное имущество. При этом единственным и необходимым условием замены ответчика по делам об обращении взыскания на заложенное имущество в порядке процессуального правопреемства является переход прав на заложенное имущество.

Справедливо также отметить, что отчуждение предмета залога до или по ходу рассмотрения судом дела об обращении взыскания на заложенное имущество в целом должно влечь изменения в составе лиц, участвующих в деле. Такие изменения должны осуществляться в строгом соответствии с назначением и содержанием процессуальных институтов замены ненадлежащего ответчика, процессуального правопреемства, способствовать надлежащему осуществлению прав участников спора. Однако они не должны иметь препятствия, обусловленные отсутствием в процессуальном законе механизмов преобразования процессуального статуса лиц, участвующих в деле.

Список литературы

Алиев Т. Т. Актуальные вопросы правового положения участников гражданского процесса // Современное право. 2020. № 10. С. 86–90. DOI 10.25799/NI.2020.55.95.001.

Гонгало Б. М. Развитие кодификации законодательства о залоге: трансформация понятий // Кодификация российского частного права 2019 / под ред. Д. А. Медведева; Исслед. центр частн. права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ. М.: Статут, 2019. С. 151–184.

Гражданское процессуальное право России: учеб. для вузов / С. Ф. Афанасьев и др.; под ред. С. Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013. 879 с.

Гражданское процессуальное право: учеб. / С. А. Алехина и др.; под ред. М. С. Шакарян. М.: ТК Велби: Проспект, 2004. 580 с.

Гузий Д. А. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в гражданском судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 297 с.

¹ Гражданское процессуальное право: учеб. / С. А. Алехина и др.; под ред. М. С. Шакарян. М.: ТК Велби: Проспект, 2004. С. 30.

² Гузий Д. А. Указ. соч. С. 171.

³ Гражданское процессуальное право России: учеб. для вузов / С. Ф. Афанасьев и др.; под ред. С. Ф. Афанасьева. М.: Юрайт, 2013. С. 192.

Дождев Д. В. Вещный момент в залоговом праве: отечественная доктрина и исторические уроки // Гражданское право. 2015. № 2. С. 6–11.

Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. В. В. Яркова. 4-е изд., испр. и перераб. М.: Статут, 2020. 1069 с.

Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. В. Яркова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 928 с.

Мальбин Д. А. Изменение пассивно легитимированного лица в период спора по виндикационному иску // Вестник арбитражной практики. 2022. № 4. С. 30–37.

Фоков А. П. О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации о подготовке гражданских дел к судебному разбирательству // Российский судья. 2008. № 10. С. 2–8.

Фомина О. Ю. Объективные и субъективные предпосылки преобразования процессуального положения лиц, участвующих в деле // Lex Russica. 2018. № 3. С. 86–93. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.086-093.

Чекмарева А. В. Развитие норм о подготовке гражданских дел к судебному разбирательству в цивилистических процессуальных кодексах Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 165–190. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-1-165-190.

Шакарян М. С. Избранные труды. 2-е изд. СПб.: Юрид. центр, 2024. 880 с.

References

Afanas'ev S. F., et al. (2013) *Grazhdanskoe protsessual'noe pravo Rossii: uchebnik dlya vuzov* [Russian Civil Procedural Law: textbook for universities], ed. by S. F. Afanas'ev. Moscow, Yurait, 879 p.

Alekhina S. A., et al. (2004) *Grazhdanskoe protsessual'noe pravo: uchebnik* [Russian Civil Procedural Law: textbook], ed. by M. S. Shakaryan. Moscow, TK Velbi, Prospekt, 580 p.

Aliev T. T. (2020) Aktual'nye voprosy pravovogo polozheniya uchastnikov grazhdanskogo protsessa [Current Issues of the Legal Status of Participants in Civil Proceedings]. In *Sovremennoe pravo*, no. 10, pp. 86–90, DOI: 10.25799/NI.2020.55.95.001.

Chekmareva A. V. (2021) Razvitie norm o podgotovke grazhdanskikh del k sudebnomu razbiratel'stvu v tsivilisticheskikh protsessual'nykh kodeksakh Rossiiskoi Federatsii [Development of standards for the preparation of civil cases for trial in the civil law procedure codes of the Russian Federation]. In *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, no. 1, pp. 165–190, DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-1-165-190.

Dozhdev D. V. (2015) Veshchnyi moment v zalogovom prave: otechestvennaya doktrina i istoricheskie uroki [Proprietary issue in the pledge law: Russian doctrine and historic lessons]. In *Grazhdanskoe pravo*, no. 2, pp. 6–11.

Fokov A. P. (2008) O primenenii sudami norm Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii o podgotovke grazhdanskikh del k sudebnomu razbiratel'stvu [On the application by courts of the norms of the Civil Procedure Code of the Russian Federation on the preparation of civil cases for trial]. In *Rossiiskii sud'ya*, no. 10, pp. 2–8.

Fomina O. Yu. (2018) Ob"ektivnye i sub"ektivnye predposylki preobrazovaniya protsessual'nogo polozheniya lits, uchastvuyushchikh v dele [Objective and Subjective Prerequisites for Transformation of the Procedural Position of the Persons Involved in the Case]. In *Lex Russica*, no. 3, pp. 86–93, DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.086-093.

Gongalo B. M. (2019) Razvitie kodifikatsii zakonodatel'stva o zaloge: transformatsiya ponyatii [Development of Pledge Law Codification: Transformation of Concepts]. In Medvedev D. A. (Ed.) *Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava 2019*. Moscow, Statut, pp. 151–184.

Guzii D. A. (2021) *Tret'i litsa, ne zayavlyayushchie samostoyatel'nykh trebovanii otnositel'no predmeta spora, v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Third parties who do not filing independent claims regarding the dispute subject in civil proceedings: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 297 p.

Mal'bin D. A. (2022) Izmenenie passivno legitimirovannogo litsa v period spora po vindikatsionnomu isku [Change of a passively legitimated person within a dispute over a replevin]. In *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*, no. 4, pp. 30–37.

Shakaryan M. S. (2024) *Izbrannye trudy* [Selected works], 2th ed. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr, 880 p.

Yarkov V. V. (Ed.) (2021) *Kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)* [Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (article-by-article)], 4th ed., revised and add. Moscow, Statut, 1069 p.

Yarkov V. V. (Ed.) (2023) *Kommentarii k Grazhdanskomu protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [Commentary to the Code of Civil Procedure of the Russian Federation], 5th ed., revised and add. Moscow, Norma: INFRA-M, 928 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 19.06.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_64

ПРИОРИТЕТЫ СМЕСТИЛИСЬ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО В РОССИЙСКОМ ПРАВОПОРЯДКЕ (анализ законодательных и правоприменительных новелл)*

Нечкин Андрей Вадимович

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-3032-9240, e-mail: super.nechkin@gmail.com.

Лихачев Максим Александрович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-6336-3496, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

Кургузилов Максим Сергеевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0003-2645-3377, e-mail: Jurist796@yandex.ru.

Для цитирования: Нечкин А. В., Лихачев М. А., Кургузилов М. С. Приоритеты сместились: международное право в российском правовом порядке (анализ законодательных и правоприменительных новелл) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 64–71. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_64.

SHIFTED PRIORITIES: INTERNATIONAL LAW IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER (analysis of legislative and practice developments)

Nechkin Andrey

Doctor of legal sciences, professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-3032-9240, e-mail: super.nechkin@gmail.com

Likhachev Maksim

Candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-6336-3496, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com

Kurguzikov Maksim

Candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0003-2645-3377, e-mail: Jurist796@yandex.ru

For citation: Nechkin A., Likhachev M., Kurguzikov M. (2025) Shifted priorities: international law in the Russian legal order (analysis of legislative and practice developments). In *Elektronnoe pri-lozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 64–71, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_64.

17 апреля 2025 г. в рамках Дней международного права в Уральском государственном юридическом университете имени В. Ф. Яковлева кафедрами международного и конституционного права организован межкафедральный круглый стол «Международное право в российском правовом порядке». Представители кафедр обсудили следующие вопросы: 1) действие ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в свете конституционной реформы 2020 г. и законодательных изменений 2022 г.; 2) позиции международных органов по

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00797, <https://rscf.ru/project/25-28-00797/>.

защите прав человека (Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), комитетов ООН по правам человека) в практике российских судов (особенно Конституционного Суда РФ); 3) конституционные условия исполнения Россией решений международных органов по защите прав человека; 4) конституционный смысл гарантий ч. 3 ст. 46 Конституции РФ.

Работа круглого стола организована по двум укрупненным блокам: первый посвящен анализу вопросов, вынесенных на обсуждение, с точки зрения науки конституционного права, а второй – с точки зрения международного права.

Конституционно-правовые аспекты (А. В. Нечкин, М. С. Кургузиков)

Работа межкафедрального круглого стола началась с доклада профессора кафедры конституционного права Андрея Вадимовича Нечкина на тему «Положения ч. 3 ст. 46 Конституции РФ в современных внешнеполитических условиях: к вопросу о поиске возможных альтернатив».

Согласно ч. 3 ст. 46 Конституции, которая не может быть изменена путем принятия закона о поправке к Конституции РФ, каждый вправе в соответствии с международными договорами РФ обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства.

К сожалению, не все так однозначно с межгосударственными органами, в которые можно обратиться за защитой. Следует признать, что современная система международного права переживает непростые времена. Во многом подобное положение вещей обусловлено реализацией государствами коллективного Запада «политики двойных стандартов» в международных отношениях.

Взаимодействие между странами стремительно смещается с универсального уровня на региональный или даже групповой. Пагубное воздействие продвигаемой западными государствами «политики двойных стандартов» особенно очевидно прослеживается именно в правозащитной сфере. Прекращение действия для России европейского правозащитного механизма, довольно активно используемого ранее гражданами нашей страны для защиты своих нарушенных прав, поставило на повестку дня вопрос о формировании аналогичной евразийской системы защиты прав в рамках одной из существующих региональных организаций на постсоветском пространстве.

На научно-практических мероприятиях, организованных органами государственной власти, Ассоциацией юристов России, структурами, связанными с защитой прав человека, а также высшими учебными заведениями, довольно активно обсуждались предложения по созданию аналога ЕСПЧ – Евразийского суда по защите прав человека.

Причем ситуацию, связанную с вынужденным прекращением действия для России европейского правозащитного механизма, нередко классифицировали не иначе как создающую препятствия для эффективной реализации положений ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, поскольку другой, схожей с ЕСПЧ, системы защиты прав человека в настоящее время, по сути, просто нет, а решения межгосударственных договорных правозащитных органов, созданных, например, на базе Организации Объединенных Наций или Содружества Независимых Государств, имеют сугубо рекомендательный характер и потому оцениваются государствами соответственно.

Полагаем, что подобная точка зрения имеет право на существование и аналог ЕСПЧ нужно и, пожалуй, единственно возможно формировать на базе Евразийского экономического союза. Хотя, например, профессор С. Ю. Марочкин предлагает на эту роль исключительно Шанхайскую организацию сотрудничества (далее – ШОС)¹.

По состоянию на апрель 2025 г. в ЕАЭС входят Россия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Армения. Узбекистан находится в организации в качестве государства-наблюдателя. Указанные страны ранее входили в состав СССР, имеют общую историю, их правовые системы построены на схожих принципах, развиты экономические связи, налажен поток трудовой миграции.

Все пространство СНГ, а тем более ШОС или даже БРИКС, предполагает слишком широкий перечень государств, у которых с большой долей вероятности не появится

¹ Марочкин С. Ю. Международное право в российских судах: современные реалии // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 29–42.

желания сформировать реально работоспособный правозащитный механизм. Очень сомнительно, что Иран, Китай, Индия и Пакистан будут готовы пойти на подобную интеграцию. Слишком они разные во всех смыслах, но особенно, конечно, в подходах к реализации прав и свобод человека и гражданина. Многие, ко всему прочему, еще и имеют давние территориальные споры между собой.

В вопросах защиты прав и свобод человека нельзя допустить расхождений в подходах к защите. Безусловно, на постсоветском пространстве государством-лидером, государством-интегратором является Россия. Именно поэтому, учитывая тесную духовно-историческую связь и достигнутый сейчас уровень экономической и политической интеграции России и Республики Беларусь, возможно, стоит начать реализацию идеи с указанных стран, с последующим присоединением других желающих из числа членов ЕАЭС.

Доцент кафедры конституционного права Максим Сергеевич Кургузиков поддержал докладчика и также отметил, что проект по созданию межгосударственного органа по защите прав человека на территории СНГ необходимо реализовать, причем начинать стоит с России и Беларуси. Впоследствии позитивная практика распространится на другие страны постсоветского пространства.

Стоит отметить, что обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека – это не конечная цель заявителей. Все заявители хотят, чтобы решение органа не просто состоялось в их пользу, а еще было реализовано – исполнено именно фактически, а не юридически произошло восстановление прав. И с этим есть проблемы.

Специфика международных отношений состоит в том, что международное право отличается от национального. Ведь в случае нарушения норм национального законодательства виновное в нарушении лицо неминуемо будет нести ответственность (наказание). В международных отношениях сомнительной видится перспектива применения наказания в отношении государства. Разумеется, возможно порицание, введение санкций, но, как показывает история последних 10 лет, указанные меры не самые эффективные способы принудительного воздействия. Заставить страну исполнять решение межгосударственного органа нельзя, как физически, так и юридически, поскольку каждая обладает суверенитетом. При таких обстоятельствах можно рассчитывать только на убежденность государств-участников в необходимости исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека.

Вместе с тем необходимо обеспечить исполнимость положительного для заявителя решения. Это можно осуществить по правилам законодательства об исполнительном производстве и других отраслей права. Однако в России имеются некоторые сложности в законодательстве об исполнительном производстве: не все механизмы, заложенные в нем, являются рабочими, не обеспечивается реализация судебных актов. А если стоит задача исполнить решение на территории другого государства постсоветского пространства, то ситуация еще больше осложняется.

Международно-правовые аспекты (М. А. Лихачев)

Продолжая дискуссию о месте международно-правовых норм в области защиты прав человека и эффективности реальных и возможных механизмов такой защиты, доцент кафедры международного права Максим Александрович Лихачев представил доклад об оценке ситуации с позиции международного права.

Российский правопорядок остается принципиально открытым к международному праву. Часть 4 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права составляют часть правовой системы России, а потому подлежат прямому применению отечественными судами; в случае расхождения между требованиями ратифицированного международного договора и российского законодательства применению подлежит договорная норма. Часть 1 ст. 17 Конституции РФ гарантирует защиту прав человека и гражданина согласно тем же общепризнанным принципам и нормам международного права. Такое внутригосударственное признание международных прав человека подкреплено гарантией межгосударственной защиты от нарушений со стороны государства – через международные органы по правам человека (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ). Ко всему прочему, отсутствие

указания в конституционном тексте на какое-либо право не может служить основанием для его умаления или неоправданного ограничения (ч. 1 ст. 55 Конституции РФ)¹.

Конституционная реформа 2020 г. коренным образом не изменила статус международно-правовых норм в российском правовом порядке. Остались прежними приведенные выше положения глав I и II Конституции РФ. Изменения коснулись лишь порядка внутригосударственного исполнения решений межгосударственных органов по защите прав человека: в том случае, если такие органы трактуют соответствующий международный договор в противоречии с конституционными нормами, Россия признает за собой право в особом порядке отказаться от исполнения таких решений (ст. 79, 125 Конституции РФ).

Некоторые преобразования в конституционном режиме осуществления международных обязательств России произошли в 2022 г. Членство России, а следом за ним и участие в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и ЕСПЧ прекращено 16 марта 2022 г.² В соответствии с федеральными законами от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ³ и № 183-ФЗ⁴ постановления ЕСПЧ, вынесенные с 16 марта 2022 г., не подлежат исполнению Российской Федерацией. Это значит, что выполнять решение ЕСПЧ по российским делам можно только в том случае, если оно принято до 15 марта 2022 г. включительно. Причем присужденную компенсацию по таким постановлениям можно было получить только до 1 января 2023 г.

Утрата российскими гражданами возможности защищать свои права в ЕСПЧ обратила внимание доктрины и практики на деятельность договорных органов по защите прав человека. По состоянию на 2025 г. Россия участвует в деятельности семи из девяти таких институций (кроме Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и Комитета по насильственным исчезновениям); компетенция по рассмотрению индивидуальных сообщений о нарушениях четырех из них признается РФ: петиции против России могут быть поданы отдельными лицами в Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет против расовой дискриминации и Комитет против дискриминации в отношении женщин.

По результатам рассмотрения таких индивидуальных петиций комитеты выносят соображения (мнения), которые формально не являются юридически обязательными для государства. Тем не менее в российском правовом порядке в отношении таких актов действует специфический нормативный режим.

В отличие от прежнего законодательного подхода к актам ЕСПЧ, в настоящее время в процессуальных кодексах РФ отсутствует указание на мнения (соображения) комитетов ООН по правам человека в качестве основания для пересмотра дела в рамках процедуры новых или вновь открывшихся обстоятельств. Однако сохраняет актуальность позиция Конституционного Суда РФ, сформулированная в 2010 г., относительно постановлений ЕСПЧ, которые какое-то время до внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс РФ также не служили причиной для пересмотра дела⁵. Тогда КС РФ, сославшись на право каждого на судебную защиту, обозначил, что «лицо, по жалобе которого вынесено постановление Европейского Суда по правам человека, должно иметь возможность обратиться в компетентный суд с заявлением о пересмотре вынесенных по его делу судебных постановлений и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено. Иное свидетельствовало бы об умалении и ограничении права каждого на судебную защиту, предполагающего конкретные гарантии, которые позволяют реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстанов-

¹ Подробнее см.: Лихачев М. А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 30–44.

² О денонсации Европейской конвенции см.: Федеральный закон от 28 февраля 2023 г. № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы».

³ Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

⁴ Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 февраля 2010 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. А. Дорошка, А. Е. Кота и Е. Ю. Федотовой».

ление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости» (п. 2.2 постановления).

Такая же логика распространения международных гарантий на право на справедливый суд по ст. 46 Конституции РФ применяется КС РФ в отношении актов правозащитных органов ООН, вынесенных по результатам рассмотрения индивидуальных петиций. Так, в определении 2012 г. по делу Хорошенко, где речь шла о внутригосударственном исполнении мнения Комитета по правам человека, Конституционный Суд РФ сформулировал следующую правовую позицию¹:

«конституционное право на судебную защиту как основное, неотчуждаемое право человека, выступающее гарантией реализации всех других прав и свобод, – это не только право на обращение в суд, но и право на эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости» (п. 2);

«возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств направлено не на восполнение недостатков предшествующей обвинительной и судебной деятельности, а на обеспечение возможности исследования новых для суда обстоятельств» (п. 3);

«соображениям [Комитета по правам человека] присущи некоторые основные черты судебного решения»; «государства-участники в любом случае обязаны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для осуществления принимаемых Комитетом соображений» (п. 4);

«несмотря на то, что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников соображений Комитета по правам человека, принятых по индивидуальным сообщениям, это не освобождает Российскую Федерацию, которая признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих ее юрисдикции лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения со стороны Российской Федерации какого-либо из прав, изложенных в Пакте, и тем самым определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, от добросовестного и ответственного выполнения соображений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств» (п. 4);

«иное не только ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами Российской Федерации в Комитет по правам человека» (п. 4).

КС РФ счел такие акты Комитета по правам человека «достаточным поводом для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств» (п. 5)².

Конституционный Суд РФ подтвердил свою позицию относительно внутригосударственной обязательности актов правозащитных органов ООН в 2015 г. при рассмотрении дела Матвеева: на этот раз речь шла о мнении Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека³.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

² Обратим внимание на особое мнение судьи Н. С. Бондаря, возражающего против такой логики КС РФ и настаивающего на безусловной юридической необязательности актов комитетов по правам человека.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 9 июня 2015 г. № 1276-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Матвеева Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

В русле такого толкования конституционных гарантий прав человека последовательно и уверенно развивается практика Верховного Суда РФ. Базовым делом, где была сформулирована правовая позиция ВС РФ по вопросу, является дело Медведевой, настаивающей на восстановлении своих прав на основании установленного Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин нарушения¹. С опорой на нормы международного права и позицию КС РФ Верховный Суд РФ пришел к выводу: «Мнение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятое по письменному сообщению гражданина Российской Федерации и содержащее рекомендации для Российской Федерации об устранении нарушений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обязательно для исполнения Российской Федерацией и может являться новым обстоятельством применительно к пункту 4 части 4 статьи 392 ГПК РФ для пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления в целях соблюдения прав и законных интересов гражданина, по сообщению которого вынесено Мнение Комитета».

Таким образом, ВС РФ расширил правовой эффект актов договорных органов за счет их отнесения к категории оснований для пересмотра дела судом (а не только для инициирования соответствующего действия прокурора, как это было в позиции КС РФ).

Верховный Суд неоднократно позже подтверждал свою точку зрения². Более того, он пошел дальше, распространив оценку на акты комитетов о временных мерах. В апреле 2025 г. в кассационном определении относительно таких мер, назначенных Комитетом по правам человека, ВС РФ отметил: «Когда Комитет обращается с просьбой о принятии временных мер в соответствии с данным правилом, он указывает, что эта просьба не предполагает принятия решения в отношении приемлемости сообщения или его существа, но непринятие таких мер несовместимо с обязательством добросовестно соблюдать процедуру рассмотрения индивидуальных сообщений согласно Факультативному протоколу»; «судами не учтено, что Российская Федерация является государством-участником Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к Пакту, который предусматривает процедуру рассмотрения индивидуальных сообщений в Комитете ООН по правам человека». Решение нижестоящих судов было направлено на пересмотр в связи с игнорированием постановленных Комитетом по правам человека временных мер.

Таким образом, акты договорных органов ООН по защите прав человека в части установленных нарушений России по индивидуальным сообщениям и даже их постановления относительно временных мер подлежат обязательному исполнению российскими правоприменительными органами. Подобная позиция высших судов заслуживает высокой оценки. В этой части подход России существенно отличается от положения в большинстве государств, оценивающих акты договорных органов ООН по правам человека исключительно формально³.

Несколько слов касательно постановлений ЕСПЧ в текущих (по состоянию на 2025 г.) условиях.

Во-первых, Европейский Суд продолжает принимать жалобы по российским делам, связанным с заявленными нарушениями Европейской конвенции, имевшими место до 16 сентября 2022 г.⁴ Имея в виду процессуальные сроки и процедурные особенности, некоторые из таких дел могут доходить до ЕСПЧ и в течение ближайших лет, а с учетом сроков рассмотрения дел Судом отдельные жалобы по событиям до

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2017 г. № 46-КП7-24.

² См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора».

³ Детальный обзор практики разных государств в этой области см.: The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years On / ed. by C. Heyns, F. J. Viljoen, R. Murray. Leiden; Boston: Brill/Nijhoff, 2024.

⁴ Resolution of the European Court of Human Rights on the consequences of the cessation of membership of the Russian Federation to the Council of Europe in light of Article 58 of the European Convention on Human Rights 22 March 2022. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Resolution_ECHR_cessation_membership_Russia-CoE_ENG (дата обращения: 30.05.2025).

16 сентября 2022 г. могут рассматриваться и в начале следующего десятилетия. Однако важно понимать, что в соответствии с упомянутыми федеральными законами от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ и № 183-ФЗ любые постановления ЕСПЧ, вынесенные с 16 марта 2022 г., исполнению в России не подлежат.

Во-вторых, доступ к ЕСПЧ сохраняется для российских граждан по жалобам против любых других государств, кроме России, участвующих в работе Европейского Суда. Сегодня таких стран 46, и кроме европейских стран (за исключением Республики Беларусь и теперь России), это еще и некоторые государства Азиатского региона (Азербайджан, Армения, Турция).

В-третьих, несмотря на прекращение участия России в Европейском Суде, ЕСПЧ продолжает работу и остается частью системы международного права. Он по-прежнему толкует Европейскую конвенцию по правам человека и тем самым участвует в установлении содержания так называемых международных стандартов по правам человека. Конечно, далеко не все решения Суда могут претендовать на универсальное признание и всеобщую поддержку, однако по многим базовым принципам, касающимся, например, личной неприкосновенности, запрета пыток и рабства, права на жизнь, защиты собственности, практика ЕСПЧ может быть принята в расчет другими международными органами в области защиты прав человека. Среди последних – указанные договорные органы ООН. Россия также активно вовлечена в работу Совета по правам человека в ООН, в системе которого есть механизмы, доступные индивидуальным заявителям.

В-четвертых, показательным для оценки общего контекста явилось постановление Президиума ВС РФ (декабрь 2024 г.) о возобновлении производства по уголовному делу ввиду постановления ЕСПЧ¹. И хотя речь шла об имплементации постановления ЕСПЧ, вынесенного до 2022 г., в 2024 г. по инициативе Председателя ВС РФ состоялось разбирательство и были сформулированы общие выводы относительно режима применения меры пресечения в виде домашнего ареста с учетом практики Совета Европы.

Таким образом, прямой доступ российских граждан к ЕСПЧ сегодня существенно ограничен юридически, однако сохранены возможности косвенного влияния его практики на российскую правовую систему.

Несмотря на масштабную конституционную реформу 2020 г. и законодательные новеллы 2022 г., российский правовой порядок остается принципиально открытым для норм международного права: конституционный смысл и содержание базовой ч. 4 ст. 15 Конституции РФ остались неизменными, а российские судебные органы в целом продолжают следовать международно-правовым обязательствам России. Более того, российские высшие суды (Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ) последовательны в своей оценке места решений органов по защите прав человека, компетенцию которых признает государство: мнения соответствующих договорных органов ООН, установивших нарушение Россией прав человека, и даже акты таких органов относительно временных мер обязательны для внутригосударственного исполнения.

Выход России из Совета Европы в 2022 г. существенно повлиял на арсенал доступных гражданам средств международной защиты прав человека, однако сегодня в некоторой степени такие перемены могут быть компенсированы правозащитными институциями ООН. Положительный тренд, намеченный высшими судами, на благоприятное отношение к решениям этих институций в российском правовом порядке может стать существенным условием обеспечения конституционных гарантий права на судебную защиту (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ).

Список литературы

Лихачев М. А. Международное и внутригосударственное право: есть ли первый среди равных? // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 30–44.

Марочкин С. Ю. Международное право в российских судах: современные реалии // Российский юридический журнал. 2023. № 1. С. 29–42.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 декабря 2024 г. № 23-П24 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств».

The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years On / ed. by C. Heyns, F. J. Viljoen, R. Murray. Leiden; Boston: Brill/Nijhoff, 2024. 1361 p.

References

Heyns C., Viljoen F. J., Murray R. (Eds.) (2024) *The Impact of the United Nations Human Rights Treaties on the Domestic Level: Twenty Years On*. Leiden, Boston, Brill/Nijhoff, 1361 p.

Likhachev M. A. (2020) Mezhdunarodnoe i vnutrigosudarstvennoe pravo: est' li pervyi sredi ravnymkh? [International and Domestic Law: Is There a First Among Equals?]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 30–44.

Marochkin S. Yu. (2023) Mezhdunarodnoe pravo v rossiiskikh sudakh: sovremennye realii [International Law in Russian Courts: Contemporary Realities]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 29–42.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.04.2025

Дата принятия рукописи в печать: 25.05.2025

УДК / UDC 340

DOI: 10.34076/22196838_2025_5_72

Рец. на кн.: Наука международного права в дореволюционной России: монография / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. – М.: Проспект, 2025. – 192 с.

Оносов Юрий Викторович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права имени С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0003-0245-9600, e-mail: onosov_nn@mail.ru.

Для цитирования: Оносов Ю. В. Рец. на кн.: Наука международного права в дореволюционной России: монография / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. – М.: Проспект, 2025. – 192 с. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2025. № 5. С. 72–74. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_72.

Book review: The science of international law in pre-revolutionary Russia: monography / ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. – Moscow: Prospect, 2025. – 192 p.

Onosov Yuriy

Candidate of legal sciences, associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0003-0245-9600, e-mail: onosov_nn@mail.ru.

For citation: Onosov Yu. (2025) Book review: The science of international law in pre-revolutionary Russia: monography / ed. by L. A. Lazutin, R. M. Khalafyan. – Moscow: Prospect, 2025. – 192 p. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 72–74, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2025_5_72.

В начале 2025 г. в ведущем федеральном издательстве России был опубликован научный труд, подготовленный коллективом уральской международно-правовой школы и посвященный становлению доктрины международного права в дореволюционной России¹. Актуальность избранной авторами темы не вызывает сомнения, поскольку в рецензируемой монографии глубоко и всесторонне исследуются важные вопросы международного права как средства международного общения, основные начала концепции юрисдикции в международном праве, история становления и эволюции российской науки международного права во второй половине XIX – начале XX в., особенности восприятия деятельности международных организаций в российской дореволюционной доктрине международного права, правовой статус частных лиц в международном праве, международные конфликты и способы их разрешения. Безусловно, к достоинствам коллективного труда следует отнести объем монографии, что свидетельствует о сложности исследуемой проблематики и желании полно и емко раскрыть вопросы. Монография состоит из 9 глав, 37 параграфов.

Авторами рассматривается концепция международного права как в большей степени продукта европейской культуры. Необходимой целью существования международного права является решение проблем международного сообщества как круга взаимодействующих государств, связанных историческими, экономическими и культурными связями. Международное право существует прежде всего для регулирования их отношений. При этом отсутствие единого законодателя, суда и системы принуждения не отменяет правового характера международного права, поскольку прежде всего его суть не в закреплении и реализации ответственности, а в создании основ мирового правопорядка.

¹ Наука международного права в дореволюционной России: моногр. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. М.: Проспект, 2025. 192 с.

Следует отметить, что в монографии содержится заслуживающий внимания вывод о том, что в дореволюционной отечественной доктрине отрицался правовой характер норм международного права. В обоснование авторами монографии приводится несколько аргументов: отсутствие единого законодателя и единого универсального законодательства, отсутствие системы принуждения, которая обеспечивала бы обязательность норм международного права, отсутствие универсального международного суда, необходимого для осуществления правоприменения.

В монографии рассматриваются истоки российской государственности, успешно используется историко-политический метод исследования. Проводится анализ того, как развивались политические идеи, институты и практики, какие факторы влияли на их формирование и как они взаимодействовали с другими аспектами социальной жизни. Интересны выводы автора об отсутствии традиции политической и правовой мысли в России, а также слабом развитии институтов гражданского общества. Укоренение авторитарных практик в России обеспечивалось за счет подавления аутентичной политической активности и низовых инициатив. Рассматривается научная полемика о наличии особого пути России и развитии парламентаризма, делается вывод о том, что Россия была и остается частью европейской культуры и интеллектуального ландшафта.

Представляется важным исследование взглядов отечественных правоведов на юридическую природу концепции юрисдикции с помощью общенаучных методов моделирования и анализа. Особый интерес в данном случае вызывают работы русских ученых дореволюционного периода В. П. Даневского, П. Е. Казанского, М. Н. Капустина, Л. А. Камаровского, И. Э. Энгельман и др. Основной акцент в этот период делается на развитии международного частного права и связанных с ним проблемах становления международного уголовного и гражданского процесса, а также формирования института исполнения иностранных судебных актов.

Особого внимания заслуживает исследование классификации органов внешних сношений в трудах дореволюционных ученых, а также национальных учреждений государств и совместных международных учреждений. К органам международного общения отнесены не только дипломатические агенты, консулы и главы государств, но и международные конгрессы и конференции, общий международный суд, международная администрация, собрание государей и их уполномоченных, министерства иностранных дел, международные комиссии и суды. Дана характеристика эволюции посольского и консульского права (от эпизодических внешних контактов до начала XX в.) и органов внешних сношений (с Киевской Руси и Московского государства до советского периода).

По справедливому мнению авторов, в отличие от внутригосударственного права, в международном праве нет единого органа, который мог бы официально установить и стандартизировать терминологию. Это приводит к тому, что различные авторы и исследователи используют термины по-разному, что создает путаницу. Неопределенность в терминологии может затруднить понимание и применение международных норм, а также привести к конфликтам в трактовке. Поэтому необходимо продолжать работу по унификации и стандартизации терминологии в науке и практике международного права, чтобы сделать ее более понятной и однозначной.

Особый интерес вызывает рассмотрение сущности международных межправительственных организаций. В настоящее время в мире насчитывается более трех тысяч международных организаций, как межправительственных (межгосударственных), так и неправительственных (негосударственных, общественных). Количество международных неправительственных организаций (МНПО), по данным Союза международных ассоциаций, превышает 63 тыс. Вместе с тем заслуживает внимания вывод о том, что наука международного права признавала существование особых объектов (международных организаций), но для нее было непосильной задачей определить их природу, провести типологизацию и спрогнозировать эволюцию.

К достоинствам монографии следует отнести анализ авторами российской дореволюционной литературы по проблемам международного процесса, международного процессуального права и международных механизмов урегулирования споров. Обращено внимание на существование в международном праве насильственных

и ненасильственных способов разрешения разногласий и на развитие правовых механизмов мирного урегулирования межгосударственных споров.

Авторами рассматриваются вопросы международного сотрудничества в области борьбы с рабством, международной защиты раненых и больных во время вооруженных конфликтов, международной защиты соотечественников на территории иностранных государств. Сделан справедливый вывод, что до конца XIX в. отсутствовали специальные многосторонние обязательства о защите личности. XIX в. в сфере международного права характеризуется развитием принципа гуманизма в международных отношениях; защита жизни индивида, его личности становится существенной правовой ценностью.

Право войны и вопросы нейтралитета занимают особое место в системе курсов дореволюционных юристов-международников, отводящих им объемные разделы и главы, структурно противостоящие мирным связям государств. В монографии рассматривается взаимное влияние военных действий как способа решения международных споров, проблем международного принуждения и международной ответственности. В дореволюционной литературе по вопросам международного принуждения подчеркивалось отсутствие у норм международного права юридической силы, а следовательно, отсутствие возможности применить принуждение в случае неисполнения либо нарушения международных обязательств. Отдельно в монографии рассматривается концепция международно-правового вмешательства (интервенции). Безусловно, традиционные основания вмешательства – призыв государства, выполнение договоров и гарантийных обязательств, обеспечение собственной безопасности. Вместе с тем отсутствие четкого набора последствий совершения международно-противоправного деяния является существенной научной и практической проблемой.

Коллективная монография представляет собой завершенное самостоятельное научное исследование, посвященное изучению комплекса важных вопросов отечественной науки международного права: дореволюционного периода развития науки, правосубъектности государств и международных организаций и их типологии, иных субъектов международного права, функционирования международной судебной системы и ее взаимосвязи с национальными судебными системами, вопросов войны и мира, проблем международно-правовой ответственности. Данное монографическое издание заслуживает самой высокой научной оценки и может быть рекомендовано к активному использованию в образовательных целях. Небезосновательно можно утверждать, что настоящий труд уральской школы международного права будет востребован широким кругом читателей, интересующихся проблемами международного права.

Список литературы

Наука международного права в дореволюционной России: моногр. / отв. ред. Л. А. Лазутин, Р. М. Халафян. М.: Проспект, 2025. 192 с.

References

Lazutin L. A., Halafjan R. M. (2025) *Nauka mezhdunarodnogo prava v dorevoluytsionnoi Rossii: monografiya* [The Science of International Law in Pre-Revolutionary Russia: monography]. Moscow, Prospekt, 192 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 09.03.2025

Дата принятия рукописи в печать: 15.09.2025

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Свидетельство о госрегистрации СМИ ЭЛ № ФС 77-41478 выд. Роскомнадзор РФ 28.07.2010 г.
Маркировке не подлежит согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11 ФЗ от 29.12.2010 г. N 436-ФЗ

Редакторы О. Ю. Петрова, Ю. В. Тельминова
Дизайн обложки С. Е. Шеметова
Компьютерная верстка О. Ю. Петровой

Подписано к использованию 20.10.25.
Уч.-изд. л. 8,46. Объем 1,20 МВ

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают
с точкой зрения редакции

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию и статьи направляйте по адресу:
620137 Екатеринбург ул. Комсомольская д. 21, УрГЮУ
Редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru.
electronic.ruzh.org